ВОЙНА И МЫ

Юрий Мухин
Александр Лебединцев

ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ

Звезды на погонах — звезды на могилах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

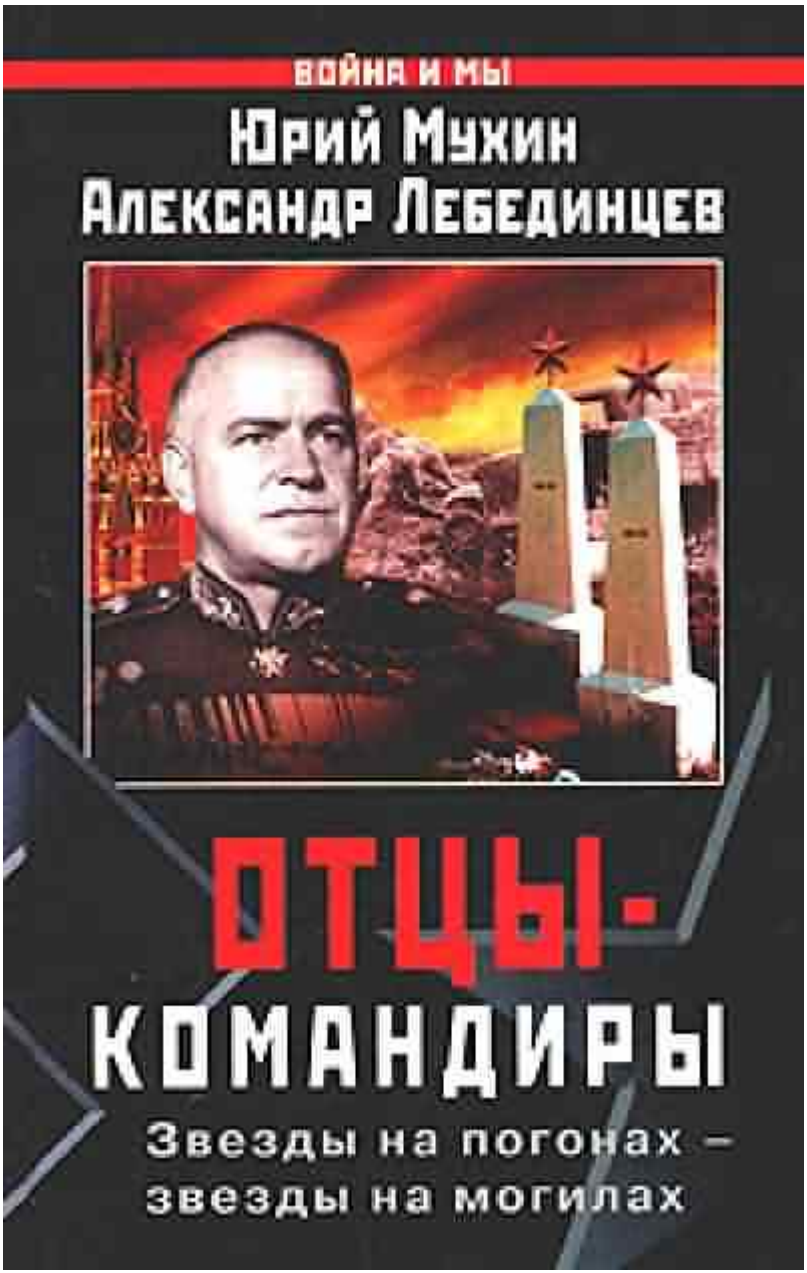
Взяв за основу анализ воспоминаний о Великой Отечественной войне офицера-пехотинца А.З.Лебединцева, известный исследователь Ю.И. Мухин оценивает ответственность советских офицеров за чрезмерные потери войск Красной Армии в той войне. Ставится вопрос — так ли мы готовим офицеров нашей армии, и нужны ли нашему народу такие офицеры?

Это первая книга подобного плана - как по затронутой теме, так и по способу ее раскрытия.

- Отцы-командиры Часть I
- Предисловие
- Часть I.
- На хуторе
- Начало учебы и коллективизации
- Голодный тридцать третий...
- «В людях»
- Школа
- Глава 2.
- Учеба в Ессентуках
- Библиотекарь
- Пионервожатый
- Курсант
- Глава 3.
- На реке Миус
- В Доме отдыха
- Снова в полку
- Отъезд на первую учебу
- Бегство
- Северокавказский фронт
- В армейском штабе
- Глава 4.
- В наступлении
- На Украине
- Беспримерный марш
- Румыния
- Глава 5.
- Первый отпуск домой
- Приезд Ламко
- В резерве
- В армейском штабе
- Долгожданная Победа

- А. ЛЕБЕДИНЦЕВ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Отцы-командиры Часть I
А. Лебединцев Ю. Мухин



Предисловие

Скажи-ка, дядя...
М. Ю. Лермонтов

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Написаны уже сотни книг, в которых авторы доказывают, что во Второй мировой войне наша Красная Армия понесла неоправданные потери из-за глупости Верховного главнокомандующего в войну, маршала, а после нее ставшего Генералиссимусом Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. Может быть. Мне со Сталиным служить не довелось. Но я не встречал ни одной книги, в которой бы специально разбирался вопрос: а сколько миллионов солдат мы потеряли из-за тупости и подлости остальных отцов-командиров?

Я такую книгу тоже не могу написать, могу лишь ответить по этой теме то, что я сам видел, о чем читал и что слышал от своих товарищей и сослуживцев. Имею ли я на это право?

22 июля 1998 г. я провел в Волгоградском объединенном районном военном комиссариате около трех часов и полностью ознакомился со своим личным делом. Сообщил сотруднику, что я работаю над рукописью и желаю уточнить даты прохождения своей службы, и он разрешил мне сделать необходимые выписки. Оказалось, что курсантом пехотного училища я был зачислен 25 апреля 1941 г., военную присягу принял в июле, видимо с началом войны, а уволен в запас по возрасту по ст. 59, п. "а" с правом ношения военной формы по приказу МО № 0180 от 22.02.1973 г.

На первой странице послужного списка приведены даты и номера приказов за подписью тех командующих, кои жаловали меня очередными воинскими званиями от лейтенанта в 1941 г. до полковника в 1963. Далее шел перечень всех учебных заведений, какие мне суждено было закончить. Потом были записаны наименования всех фронтов, на которых довелось сражаться в различных качествах. Завершался послужной список перечислением всех должностей за 32 года службы, из которых 2 года 2 месяца и 17 суток пребывания непосредственно на переднем крае в пехоте от командира взвода пешей разведки до начальника штаба стрелкового полка в самом конце войны. Учитывая, что один год на фронте приравнивался к трем годам в мирное время, то моя выслуга была определена в 35 лет, что и указано в моем пенсионном удостоверении.

Итак, я начал войну "Ванькой-взводным", потом командовал стрелковой ротой. Через некоторое время комбат неожиданно

обнаружил у меня задатки по составлению текстуальных и графических боевых документов. Я легко ориентировался на местности при сличении ее с картой. Теоретически это должен уметь делать каждый офицер, но и тут теория не совпадает с практикой. Поэтому уже во время войны меня часто стали использовать для службы в штабах, впрочем, дальше полкового штаба я тогда в тыл не уходил, а на переднем крае бывал даже чаще, чем командир батальона в своих ротах.

Полководцы издавна обратили внимание, что, прежде чем приступить к командованию войсками на поле боя, надо чтобы кто-то их войска к этому полю привел. Поэтому-то праматерь всех российских и советских академий Генерального штаба имела свое первое название "Школа колонновожатых". Напомню, что в битве при Ватерлоо и к Наполеону, и к Веллингтону шли подкрепления, но генерал-фельдмаршал Блюхер свои войска к Веллингтону привел вовремя, а маршал Груши к Наполеону опоздал. Наполеон проиграл битву и окончательно лишился короны. Видимо, плохой был у Груши начальник штаба.

Правда, мне Академию Генерального штаба закончить не пришлось. Тем не менее в 1968 году именно мне дове-

рили контролировать выход 5-й гвардейской мотострелковой дивизии по 7-му маршруту в Прагу. И она вышла по полевым дорогам ночью в установленный срок, за что я был удостоен солдатской медали, которой мои отцы-командиры обходили меня в лейтенантские годы. Так что и по этим формальным признакам нельзя сказать, что я плохой офицер. Четверть века последней моей службы при генералах и маршалах дают необходимый кругозор в подлинной, а не в парадной или мемуарной оценке командования.

У читателя может сложиться негативное отношение ко мне. Что же тут поделаешь? Хочу только сказать, что я написал эту книгу не для личной славы и не для оправдания. Если моя жизнь была ошибкой, то не совершайте таких ошибок! Мне уже за 80, и у меня, как и у Советской Армии, все позади. И я пишу для того, чтобы у нынешней Российской армии отцы-командиры были умными, честными, храбрыми и смелыми, чтобы они взяли у нас все хорошее, что у нас было, и отказались от всего плохого, что у нас, к сожалению, тоже имелось.

В добрый час…

Ю.И. МУХИН. Мне прежде всего следует ответить на вопрос, зачем и почему я стал соавтором книги воспоминаний А. З. Лебединцева. Это вопрос не простой.

Я с интересом читаю воспоминания ветеранов войны и

прочел их много. Но таких, как у Александра Захаровича, мне читать еще не приходилось. Между прочим, то же самое ему говорили и рецензенты издательств, но печатать его труд не спешили. Понять их можно - они коммерсанты, им нужно, чтобы книга продалась большим тиражом. А сегодня мемуары не пишет только ленивый и в условиях, когда читателей стало уже меньше, чем писателей, воспоминания еще одного ветерана просто затеряются в грудах остальных мемуаров.

Множество военных воспоминаний написано профессиональными литераторами для их "авторов". В результате в таких мемуарах показана война не такой, какой она была, а такой, какой ее представляет литератор. Лебединцев ни в каких литераторах не нуждается, и его взгляд на войну - это действительно взгляд фронтовика с цепкой памятью. Однако это не все. Сложно сказать, в силу каких причин, но Александр Захарович написал о том, о чем редко кто пишет. Он вспоминает большое количество сослуживцев, которые являются целой кастой нашего общества — офицерством. И в отличие от остальных мемуаристов, он характеризует офицерство не только с героической стороны. Кастовая солидарность подавляющего числа остальных мемуаристов не дает им это сделать, и они описывают коллег по принципу: или хорошо, или ничего.

В результате воспоминания Лебединцева представляют ценность для анализа этой касты, а этого до сих пор никто не делал. Сталина у нас можно ругать и поносить сколько угодно, можно обвинять его даже в том, что он утром 22 июня 1941 г. не бегал вдоль границ и не будил наших спящих солдат, но офицеров — не тронь! Это сплошь одни герои!

Прочитав рукопись (а в эту книгу вошла едва половина ее — та, которая заканчивается 1945 годом), я предложил Александру Захаровичу переделать его воспоминания в книгу об офицерах, для чего рассмотреть тогдашнее и нынешнее офицерство на примерах из своих же воспоминаний. Он пробовал, но не смог этого сделать, и причина, думаю, не в том, что он не понял замысла.

Проблема в том, что он, пожалуй, один из лучших, если не самый лучший председатель общества ветеранов своей дивизии в СССР. Как говорят его родные, он свой "Москвич" продал, но оборудовал 60 школьных музеев на боевом пути дивизии стендами о ее истории. Он организовал десятки встреч ветеранов, и если для нас упоминаемые им в тексте офицеры это просто фамилии, то для него это не только конкретные люди, но и их дети с внуками, с которыми он тоже знаком. И если он еще может описать, как реально происходило дело, то у него не поднимается

рука дать надлежащую характеристику тому или иному человеку. Сегодня он жалеет всех своих соратников и через эту свою жалость к ним преступить не может. Мы оказались в тупике.

Тогда я пообещал Александру Захаровичу, что найду время и сам из его рукописи вычленю эпизоды по темам:

офицерской храбрости и трусости, смелости и нерешительности, честности и подлости и т. д., и к этим эпизодам допишу свои соображения. Получится два взаимосвязанных, но независимых текста: воспоминания А.З. Лебединцева, как он их написал, и мои комментарии, за которые ответственность несу только я. Поэтому структурно книга состоит из двух частей. В первой части я оставил те эпизоды из жизни А.З. Лебединцева, которые не подошли к рассматриваемым темам книги. И хотя я и к этой части даю комментарии, но цель этой части книги в том, чтобы ознакомить читателя с общим фоном, на котором происходили события, описанные Александром Захаровичем во второй части. А во второй части воспоминания Лебединцева взяты из разных по времени периодов его военной жизни и скомпонованы так, чтобы с их помощью можно было раскрыть тему главы.

Обязателен вопрос — а в какой мере воспоминания вообще и воспоминания Лебединцева можно воспринимать как факт?

В любых мемуарах автор он автоматически себя приукрашивает. Если бы Александр Захарович писал о себе не сам, а кто-то, кто его хорошо знает, то, наверное, портрет Лебединцева получился бы совсем другой — со всеми "скелетами" из его шкафа. И с этим автоматическим враньем мемуариста ничего не поделать — его нужно просто учитывать самому и вскрывать (или настораживаться) с помощью своего опыта. Но должен сказать, что, на мой взгляд, Лебединцев если что-то и приукрашивает и искажает, то даже о себе делает это очень умеренно, и пусть и оправдываясь, но приводит много фактов, которые по тому времени характеризуют его не с лучшей стороны. А эта искренность не может не вызвать доверия и к остальным приводимым им фактам.

Вторая причина, по которой мемуарист искажает факты — это или исполнение им политического заказа или если автор обосновывает какую-то свою идею. При этом, правда, вранья почти не бывает, просто автор говорит не все, а только то, что соответствует его линии. Было время, к примеру, когда все мемуаристы писали о выдающейся роли партии и политруков, теперь время забрасывать их грязью. Не устоял перед этим и Александр Захарович — десятилетия перестройки дали о себе знать. К этому не всегда можно относиться терпимо, но всегда

нужно понимать, что автор живет не в вакууме, и редкий человек способен игнорировать то, что вещают СМИ и о чем болтает толпа.

У Лебединцева есть и еще один недостаток, характерный чуть ли не для 100% русских ветеранов: они, согласно русскому мировоззрению, пишут так, чтобы читатели их пожалели, то есть чаще рассказывают не о своих подвигах, а о своих потерях, начисто забывают все достоинства того времени и раздувают все недостатки, чтобы мы переполнились сочувствием к их тяжелой жизни. С этим тоже практически ничего нельзя поделать, но обязательно надо учитывать.

И наконец, что очень ценно, — мемуаристы вспоминают массу фактов, которые не имеют непосредственного отношения ни к ним лично, ни к отстаиваемым ими идеям. В этом случае ветерану легче сказать правду, нежели соврать. Ведь вранье — это работа, вранье нужно выдумать, да еще и так, чтобы оно не противоречило другим фактам, а правду нужно просто вспомнить. Хотя бывает и чистосердечное вранье, о котором юристы говорят: "Врет, как свидетель", - но к Лебединцеву, думаю, это не относится. У него цепкая память на детали бывшего полкового разведчика и опытного штабиста. Поэтому, думаю, что в подавляющем числе описанных Александром Захаровичем случаев все было так, как он и написал. А написал он то, о чем следовало бы написать уже давно.

Обо мне говорят, что я жесток к тем, кого критикую. На самом деле это не так, поскольку критикую мнение человека, а не его самого. А данный случай особый. Александр Захарович мне лично глубоко симпатичен, тем более, что его судьба похожа на судьбу моего отца. Правда, мой отец не собирался служить в армии ни до войны, ни после нее, но попал на фронт с самых первых дней, воевал и просто в пехоте, и сапером в стрелковой дивизии и полку, был четыре раза ранен, но до Победы дожил. Мой отец не написал воспоминаний, и тут есть и моя вина — я мог бы ему помочь, да поздно спохватился. Работая совместно с А.З. Лебединцевым, я в какой-то мере пытаюсь загладить эту свою вину перед своим отцом.

Часть I.
Жизнь до и во время войны
Глава 1.
Детство и юность

Любая кривая короче той прямой,
на которой стоит начальник.
Солдатская мудрость

Казаки

Родился я 18 сентября 1922 года в станице Исправной Баталпашинского отдела Кубанской казачьей области. Заселяться казаками «Кавказской Линии» она начала в 1856 году. Мои предки были выходцами из Моздока. Так об этом рассказывала бабушка по отцовской линии, которую привезли в эти края девочкой. Она еще помнила рассказы приходивших на Кубань на заработки косарей, поведавших о том, что царь в России крестьянам «волю объявил». В 1956 году я окончил курс наук Военной академии имени М.В. Фрунзе и это совпало со столетним юбилеем станицы. Проходило это торжество весьма скромно в те все еще бедные послевоенные годы. Единственное, чем я смог ознаменовать это событие, было то, что я нашел нашу хату, построенную сто лет назад, и успел ее сфотографировать на память потомкам. Сколько раз за столетие перекрывали соломенную крышу, установить было невозможно, но первозданный ее вид был таким же, как и век назад.

Истоки реки Кубань и ее притоков Большой и Малый Зеленчук начинаются с вечных ледников Главного Кавказского хребта недалеко от высочайшего горного массива Эльбруса. Перпендикулярно главному хребту на север отходят отроги гор, постепенно снижаясь и переходя в равнину На берегах рек в горах селились преимущественно горцы-мусульмане, занимавшиеся в основном скотоводством, а севернее на равнинных плато располагались казачьи станицы и хутора.

Коренными народностями здесь были карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы, хотя позднее появилось несколько греческих поселений. Русское население было перемешано с выходцами из Украины еще со времен Екатерины Великой. За многие годы совместного проживания русский и украинский языки так сильно

смешались, что нашу речь в шутку стали именовать «перевертнем» В дореволюционные годы антагонизм между русскоязычным и коренным населением частично проявлялся в виде грабежей на дорогах, в которых были повинными обе стороны. Мой дед по линии отца — Кондрат, возвращаясь с базара, был убит на дороге с целью грабежа. Первоначально обнаружили его коней в одном из аулов, а через год, во время вспашки, был обнаружен и труп в борозде Виновных, конечно, не нашли.

Жители станиц занимались главным образом хлебопашеством и одновременно животноводством на горных пастбищах, выращивали на полях пшеницу, кукурузу, подсолнечник, гречиху, просо, ячмень, овес и другие злаки. Хорошо вызревали корнеплоды (картофель, свекла) и тыквы. На приусадебных огородах росли огурцы, помидоры, капуста и прочие овощи. Животноводство было тоже многоотраслевым: лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, домашняя птица. Природные условия были хорошие, так как близость гор благоприятствует регулярным осадкам, однако нередко бывал и градобой. На приусадебных участках произрастали практически все фруктовые деревья. В ближайших горных отрогах, покрытых лесными массивами, было много калины, кизила, терна, малины, грибов и черемши. В реках и прудах вылавливали форель, усачей, голавлей и другую рыбу горных водоемов. Лесные массивы обеспечивали население строительными материалами и долгие годы топливом.

Обрабатываемые земельные наделы выделялись только на мужское казачье население независимо от возраста Иногородние жители не получали землю, а арендовали ее у безлошадных и нерадивых казаков или у правления станичного атамана. Согласно веками сложившейся казачьей общности и укладу, оброке них не взимался. Все выращенное оставалось собственностью хозяина, но за это казак обязан был содержать строевого коня, седло, всю походную амуницию всадника на случай призыва на службу, на войну и на учебные сборы

Следует отметить, что натуральность хозяйства проявлялась и в том, что многое из производимого шло в переработку внутри самого двора. Все хозяйства высаживали коноплю, мочили ее, сушили, теребили, потом пряли и ткали полотно для нижнего и постельного белья. Шерсть овец также прялась и шла на сукно, вязание платков и шалей для женщин и чулок на всю семью. Из нее изготовлялись валенки, бурки и кошма. Шкуры животных шли на выделку кож и овчин. Почти всеми этими промыслами занимались иногородние. Они были мастерами на все руки и

порой жили богаче, чем казаки, бесплатно владевшие землей. Из иногородних состояли артели строителей, кровельщиков, стекольщиков, плотников, портных. Они также были машинистами, мельниками, масло — и сыроделами. Профессии передавались из рода в род. Когда я в последние годы жизни матери поинтересовался у нее, а что же умели делать казаки, то она ответила: «На коне джигитовать, лозу на скаку шашкой рубить, землю пахать, сено косить, за скотом ухаживать». На первый взгляд и это не мало, но все это умели делать и иногородние мужчины, но, кроме того, они ведь были и хорошими мастеровыми...

Считалось обязательным казачонку хоть две зимы походить в школу, чтобы умел со службы написать письмо родным. Девочкам из казачьих семей посещать школу было излишним. Их уделом было ведение хозяйства и присмотр за младшими детьми. Дети иногородних семей посещали церковно-приходскую школу, и в ней учились и девчонки из их семей, хотя обучение в этой школе было для всех платным.

Десятилетиями сложившийся быт казачьих станиц оставался неизменным, так как далее базара на удаление 50–60 верст никто не выезжал. Если служивый попадал в свой полк, то и там, кроме казармы да летних лагерей, ничего не видел. Все семьи жили примитивно, замкнуто и совершенно не стремились улучшать свою жизнь и быт нововведениями. Только в начале двадцатого столетия наиболее зажиточные хозяева в складчину или на паях начали строить на реке мельницы, покупать паромолотилки, строить маслодельни и сыроварни. Выделка кож, валяной обуви производилась кустарями-иногородними. Механиками, кочегарами и мастерами тоже обычно были представители иногородних. Казак скорее мог выбиться в унтер-офицеры на службе, чем овладеть мало-мальски сложной профессией мастерового.

Так жили мои земляки десятилетиями. Участвовали в войнах, трудились на полях и фермах. Напивались на свадьбах и во время праздников, были участниками кулачных боев на Масленицу. В полемику не вступали, учиться не хотели, довольствовались тем, что имели. Состояние хозяйства зависело не столько от ума, сколько от усердия в поле, на ферме и приусадебном хозяйстве. Семьи были многодетными. Считалось удачным, если было больше мальчишек, так как земельный надел нарезался на двор из расчета числа мужского пола в хозяйстве. После женитьбы сына отец не спешил отделять молодых на собственное «дело», а придерживал в своем дворе, обучая сына и сноху «уму-разуму». Это приумножало доход общего хозяйства. Именно такие

хозяйства после революции в стране стали именоваться кулацкими. Как правило, в таких семьях присмотр за детьми осуществляли бабушки, а снохи трудились в поле или на кошарах от зари до зари, зимой и летом.

Отец, еще в пору моего детства, рассказывал о такой семье, проживавшей рядом с нами. У соседа были четыре сына, и все они после женитьбы проживали вместе, трудясь в поле и на кошарах. Семья содержалась в режиме строжайшей экономии, и почти все необходимое производилось в доме, начиная от продуктов питания до одежды и обуви. На сбережения купили паровую молотилку и мельницу. Пришлось нанимать машиниста и мельника, так как свои сыновья, кроме как запрячь и выпрячь животных, больше ничего не умели. В годы Гражданской войны пришли большевики, как тогда именовали отряды Красной Армии. Наш сосед и другие, подобные ему, оказались в списках «контры». За «вражескую» пропаганду эти безграмотные хозяева были приговорены к расстрелу, тогда их вели за станицу для приведения приговора в исполнение, то сосед снял с себя шубу, единственную вещь, приобретенную им на рынке, и бросил близким, чтобы она не перешла в руки его палачам.

Второй рассказ я услышал от матери, уже будучи пенсионером, незадолго до ее кончины. Такие ее исповеди можно было услышать в дни праздников или во время прополки огорода или уборки картофеля, когда руки заняты, а язык свободен. Еще девушкой мать имела подружку из бедной семьи. Замуж она вышла тоже за бедного, к тому же хромого с детства. В силу инвалидности он сдал в аренду свой земельный надел и пошел в батраки в качестве чабана на ферму видного на Кубани землевладельца Мамонтова, который арендовал у станичного атамана балку Башкирка под выпасы трех отар овец местной породы. За эту балку он построил станице два здания: атаманское правление с медпунктом и школу. Жена чабана в качестве батрачки работала стряпухой. Так они и трудились несколько лет на хозяйских харчах и его одежде без зарплаты. По истечении пяти лет управляющий отпустил чабана с женой, купив им в станице приличный дом и дав пару быков, пару лошадей с телегами и корову. Эти самые бедные батраки в один день стали зажиточными и повели свое хозяйство. Живность множилась ежегодно, земля плодоносила, работали днем и ночью, не жалея себя и рабочий скот. Очень тяжелым был труд хлебороба и скотовода. В страдную пору каждую ночь приходилось недосыпать. Чтобы после утренней дойки нескольких коров отнести на сыроварню молоко, нужно было вставать за пару часов до рассвета и поздно ложиться. Разбогатели, вступили в пай на

сыроварне, куда сдавали излишки молока, а через пару лет все это было конфисковано и муж-инвалид оказался в тюрьме, откуда и не вернулся. Жена после вступила в колхоз, а в голод 1933 года утаила в личном хозяйстве семь корнеплодов кормовой свеклы и спрятала их в канаве. Досужие комсомольцы щупами нашли утайку, и получила она за каждый бурак по году исправительных лагерей на Урале.

Долго раздумывали лагерные писаря, как внести ее происхождение в книгу учета, и решили: раз деревенская, то значит, «помещица». Она и слова такого не знала, так как в станицах помещиков не было, да и безграмотная была. Ну, им было виднее. Определили ее на прикухонное хозяйство откармливать свиней. Дело хорошо знакомое и совсем не хитрое. Хозяйство приумножалось, привесы росли, а с ним и хлопот прибавлялось. И дали ей в подручные двух бывших дворянок по происхождению. Вот из их рассказов она узнала, кто такие помещицы. Обучила их ремеслу свинарок, и начальство перевело ее уборщицей административного здания лагеря. Здесь она тоже вышла в передовые, так как даже лагерный труд ей казался легче. чем когда-то добровольное «вкалывание» в своем единоличном хозяйстве.

Когда пришла разнарядка выделить заключенных для работы на рыболовецких судах Охотского моря на разделку рыбопродуктов, то она охотно дала свое согласие и там провела оставшиеся три года заключения. За ударный труд ее на несколько месяцев досрочно освободили. Вручили проездные документы и как ударницу попросили сказать «речь» на прощание. Не растерявшись, она встала на колени перед начальством, позади которых на стене висел портрет вождя, и произнесла такие слова: «Спасибо большое тебе, товарищ Сталин, зато, что приказал раскулачить меня и освободил от моего большого хозяйства, при котором я не знала ни сна, ни отдыха круглый год, даже в праздники. Я ничего не видела, кроме хаты, огорода, земельного надела, скота и беспробудного труда. Я не видела даже железной дороги и поезда. Так и умерла бы, ничего этого не увидев. А в тюремных вагонах я увидела по стране большие города, на море видела всевозможную рыбу и ела ее вдоволь. В заключении я отоспалась от всех единоличных трудов и забот о домашнем хозяйстве». Поклонилась до палубы и сотворила крестное знамение. Начальство не знало, что делать: аплодировать или срок прибавить за такое чествование вождя. Потом поверили в искренность чувств и отпустили с миром. Предложили остаться по вольному найму, но ей не терпелось скорее вернуться домой, чтобы рассказать обо всем увиденном

своим людям. Зная хорошо земляков, я искренне поверил каждому слову из рассказа моей родительницы, услышанного от подруги детства.

Воспоминания всегда переносят меня в дедовскую хату, в которой бабушка родила Филиппа, Дмитрия, Романа, Ефима, Захара, Матрену, Федора и Аксинью. Была еще дочь, имя которой уже не вспомню, как и тех, кто умер в младенчестве. Филипп и Дмитрий в Первую мировую войну удостоились по два солдатских Георгия, Ефим воевал в красных и погиб в прикумских песках, командуя с тремя классами образования якобы бригадой. Федор умер от тифа, а Матрена утонула в Кубани вместе с котлом, которым черпала воду для приготовления каши. Отец служил кадровую службу в Ленкорани, а все остальные годы прожил в родном краю. Мать Марфа Онуфриевна, урожденная Панченко, родилась в 1901 году и была последним ребенком тоже в многодетной семье. Самым старшим сыном был Спиридон, видимо 1886 года рождения, потом появилась Феодосия 1888 года, за нею Павел, Афанасий, Анна и последняя Марфа 1901 года рождения, не считая троих, умерших младенцами. Моя мать осталась без матери в три года. Отец вторично не женился. Через три года Марфу взяла к себе самая старшая сестра в качестве няньки своих детей, так Марфа и батрачила у нее до совершеннолетия и замужества в 1920 году. Из всего, тоже многочисленного рода, только один Павел окончил три класса казачьей школы. В начале коллективизации он даже избирался одним из четырех председателей колхоза в этой большой станице. Не избежал ареста. Потрудился на канале «Москва-Волга», потом снова руководил колхозом. В короткие месяцы оккупации земляки избрали его при немцах станичным атаманом. Напуганный довоенными лагерями на Беломорканале, Павел отходил с теми, кто имел грешки за время оккупации. В 1946 году оказался за океаном, в США, где в городе Патерсоне трудился до 1968 года мусорщиком, пока наши власти не пригласили вернуться домой, где он и скончался от инсульта на вторую ночь после прибытия на родную землю. Никаких грехов за ним не водилось. И похоронили его близкие родичи на станичном погосте, где покоится прах всех родичей, усопших под родной крышей. С войны не вернулись многие мои двоюродные братья и их отцы. Из шеститысячного населения станицы более шестисот человек не пришли под свой родной кров. Их список выбит на гранитных плитах у памятника павшим воинам. Теперь рядом построен хороший храм, в котором отпевают усопших и поминают в молитвах тех, кто не вернулся с войны.

Введя вас в курс дела о моих предках по линии отца и

матери, перейду к своим первым воспоминаниям, запечатленным в детской памяти. В те годы (а помнить я стал примерно с четырех лет) отец был самым младшим в своем роду. Проживали мы в хате деда вместе с бабушкой. Отец имел пару быков с телегой, корову, овец и домашнюю птицу. В летнюю пору рано утром все члены семьи

Еще два события оставили свой след в воспоминаниях моего раннего детства. Случилось это в 1927 году. Я играл во дворе, когда услышал грохот, доносившийся из переулка. Сначала мне показалось, что кто-то палкой ведет по плетню и издает этот грохот. Я прильнул к щели в заборе и увидел двигавшийся по улице неведомый мне предмет, не имевший упряжки и выпускавший из трубы дымок. От него и исходил весь этот грохот. Я удивился, почему отец на это не обращает никакого внимания, и закричал ему: «Батько, батько, тпруак едет, дым есть, а быка нету». Конечно, лексика была иной, но смысл такой. Отец принялся мне объяснять, что это трактор, но в мое сознание не могло вложиться понятие езды без волов или лошадей в упряжке. А вторым событием было посещение школы, куда меня захватил двоюродный брат Сергей, который был старше меня натри года. Я смиренно высидел все четыре урока, не нарушив классного режима. Все было новое в жизни: большая классная комната, учительница, дававшая объяснения ученикам, книги, тетради, классная доска и картинки на стенах комнаты.

На хуторе

Население станицы в те годы составляло, видимо, тысяч шесть, а земельные угодья отдаленных участков находились в десяти и более километрах. Езда на такие расстояния на волах занимала по два часа в одну сторону. Община решила предоставить молодым семьям возможность построиться в двенадцати километрах южнее станицы, чтобы быть ближе к земельным участкам, к выпасам скота и кошарам. Уже в 1926 году по весне переселились с полсотни молодых семей. Построили хаты и стали обживаться на новом месте. На следующий год еще добавилось двадцать хат, а в 1928 году и отец купил у хуторянина хату, в которую мы на двух телегах перевезли несложный домашний скарб. Урожай перевозился с поля на новое местожительства. Так мы оказались хуторянами. Поля были рядом, речка в ста метрах от двора, сенокосы примерно в одном километре от усадьбы. В эту же осень приехала на хутор учительница Евдокия Григорьевна Скорякова. На южной окраине хутора арендовали крестьянскую хату под школу. Строение имело две комнатки с открытой верандой. Там и собрала учительница первых своих питомцев-первоклашек в возрасте от восьми до двенадцати лет. Их оказалось человек десять.

В 1929 году переселенцы работали каждый на своем поле и не подозревали о грядущих изменениях в вековом сельском укладе. Урожаи в наших предгорных местах отличались стабильностью из-за близости Главного Кавказского хребта, где почти всегда выпадало достаточное количество осадков. Наши тучные черноземы способствовали выращиванию почти всех зерновых культур, корнеплодов, фруктов, кроме бахчевых культур и винограда. Все предгорья изобиловали выпасами для скота и сенокосными угодьями. В отличие от дореволюционного времени, крестьяне сдавали налог натурой и делали денежные выплаты, но они еще не были столь обременительными, как это стало в колхозную эпоху.

Приобретенную нами хату только условно можно было назвать жильем, ибо это была такая убогая хижина, какую можно увидеть в теперешней кинохронике только в захудалых регионах Африки. На шести столбах, вкопанных в землю, возводилась крыша из жердей, которую покрывали соломой или камышом. Стены заплетались хворостом с проемами для двери и двух-трех окон. Плетни промазывались замесом глины с соломой и половой. После высыхания делалась побелка с обеих сторон, ставились окна и двери — и жилье готово. Одну четвертую часть

жилья занимала русская печь, на которой спасались обитатели в зимние ночи, обогреваясь снизу прогретыми кирпичами, а сверху укрываясь всеми шубами, поскольку в январе выдавались периоды с ночной температурой до двадцати градусов мороза. Стены внутри покрывались инеем. На русской печке обычно всю зиму сушилось сырое зерно пшеницы, кукурузы, проса, ячменя. Наиболее плохим для спанья являлась гречиха, так как ее грани оставляли следы на открытых частях человеческого тела.

В сельском быту работа была круглый год. В зимнее время, казалось бы, можно было отдохнуть от летней напряженной страды, но короткий и холодный день быстро проходил в заботах со скотом, его кормежкой, уборкой, подвозом сена с луговых стогов, заготовкой топлива, помолом зерна на мельницах и многими другими делами.

Кроме этого, в зимние праздники хуторян одолевали родственники-станичники своими визитами на колбасы, индюшатину, гусятину и другие сельские деликатесы. И мать старалась всех принять, обласкать, накормить и организовать ночлег. Приходил, прежде всего, дед Онуфрий, племянники матери Георгий и Тихон, которых она выходила в детстве у сестры и, конечно, родственники отца. Поедалось много мяса птицы, свиных домашних колбас, варенников, всевозможных квашений и других зимних заготовок из погреба и чердака. Правда, нас, малышей, не особенно баловали ни сами родные, ни гости. Нам на печь подавались шейки, головки да лапки птицы. Но мы бывали рады зиме. И дни проводили на самодельных санках, скатываясь на них с горок или катаясь на льду речушки. Во время праздников и мать иногда выезжала в станицу, чтобы посетить богослужение в церкви и принять причастие. Чаще всего она брала и меня с собой. Читатели уже увидели, как рано нас приучали к труду, а чем старше мы становились, тем больше возникало обязанностей по дому: летом в огороде, зимой в базу. Удовольствия и радости в те годы проходили мимо нас стороной.

Запомнилась мне осенняя поездка с отцом на базар в станицу Невинномысскую с картофелем на продажу. Расстояние было не менее восьмидесяти километров. Везли мы ее на телеге в воловьей упряжке трое суток в один конец, готовя в пути в котле еду утром и вечером и выпасая быков на обочинах дороги или у речки. Обычно выезжали несколько хозяев, чтобы легче было сторожить быков во время ночного выпаса, и на каждом возу ехал такой же «счастливец», как и я. Это бывали незабываемые дни — увидеть совершенно другой мир. Помню, что одному из покупателей понравился наш картофель сорта «американка» и он решил закупить сразу весь воз. На радостях отец купил мне

золотогривого керамического коня-копилку и почти в поларшина карамель, завернутую в крашеную стружку. Да, ради этого можно было перенести недельные неудобства сна на картофеле, тряску на телеге и присмотр за волами на лужайках. Но самым необыкновенным было для меня увидеть вблизи не трактор, а настоящий паровоз, вагоны и железную дорогу! Необычными для моего понимания были и телеграфные столбы с проводами, которые издавали гул, а мы прикладывали к ним ухо и пытались уловить телефонный разговор. Точно не могу вспомнить, но, видимо, тогда я впервые ел мороженое между двумя круглыми вафельками. Разве такое забудешь, хоть и происходило все это семьдесят лет назад?

На обратном пути отцу пришла идея поменять нашу воловью упряжку на конную. Нашлись и желающие из попутчиков. Присмотрелись, ударили по рукам, перенесли с телеги на телегу пустые мешки и разъехались. Нам досталась пара серых лошадей со сбруей и почти новая бричка. Я радовался вместе с отцом до той поры, пока отец не полез в мешок за хлебом и салом. Тут и выяснилось, что мой самый лучший на свете конь превратился в пригоршню черепков. Сохранилась только голова. Никакая удачная замена волов на лошадей не могла скрасить моего горя. Что редко бывало со мной, но рыдал я, пока не уснул. Наш обмен понравился и матери, так как она была с детских лет неплохой наездницей. Тогда мы еще не знали, что нашим коням предстояло только перезимовать в нашем дворе, а к весне оказаться в колхозной конюшне. Но тем не менее за ними навсегда закрепилась кличка «Захар» и «Марфа».

Начало учебы и коллективизации

Отец зимой закупил несколько кубометров досок и перевез их на санях в надежде начать строительство новой хаты. Но все планы были нарушены в связи с началом коллективизации. Пару лет спустя доски были использованы для постройки хорошего хлева, сарая и дворовой ограды. А в холодной и неблагоустроенной хате мы продолжали жить до ее продажи в 1938 году. Во время дождя соломенная крыша протекала в нескольких местах. На чердаке стояли миски и тазики в местах протечек. Впрочем, такое было у многих, а не только у нас. Слабое утешение, но факт.

Летом 1929 года по хутору прошла учительница, записывая детей в первоклашки. Она внесла в список соседскую девочку Веру Попову 1920 года рождения. Справилась о моем годе рождения и сказала матери, чтобы готовился в следующем году, но я начал умолять ее и она уступила. 18 сентября этого года мне исполнялось только семь лет. Мать пошила мне сумку, и я со сверстниками отправился в школу. В проходной, меньшей комнате, размещался второй класс, а мы, первоклашки, в большей, так как нас было четырнадцать человек, а второклассников — десять. От учительницы мы получили на руки «Букварь», «Арифметику», «Книгу для чтения» и тетради. Так мы начинали в те годы свое образование. Учительница справлялась одновременно с двумя классами. Объяснение нового материала делала тогда, когда другой класс писал или решал примеры. Зимы бывали снежными, морозными. Домашнее задание я выполнял чаще всего на печке при свете керосиновой лампы. Отец иногда проверял мои тетради, слушал чтение.

Пожалуй, после нового, 1930 года упорно началась агитация за вступление в колхоз. Даже с нами, малышами, учительница провела беседу по этой злободневной в те дни теме. Она рассказывала о том, какая должна наступить замечательная жизнь, когда все работы будут выполнять машины, трактора, которые заменят коней и быков, от чего жизнь станет легкой и счастливой. Конечно, мы, дети, верили нашей наставнице, хотя некоторые родители сопротивлялись властям, совершенно не понимая сути происходящего. На собрания созывали жителей почти ежедневно. Все это красочно и правдоподобно описано в книге классика нашей современной литературы М. А. Шолохова «Поднятая целина».

Помню в один из вечеров созвали всех взрослых хуторян на собрание по поводу вступления в колхоз, для чего привезли на

повозке семь трубачей духового оркестра из станицы Передовой. До начала собрания и после него они играли танцевальные мелодии для хуторян, которые впервые танцевали под звуки духового оркестра. Видимо, в тот вечер и был самый больший охват тружеников хутора в колхоз. Поскольку ранним утром родители активно обсуждали все происходившее до и после этого собрания, то, узнав о таком значительном событии на хуторе, чему я не был свидетелем, я, конечно, горько заплакал. Мать, что с ней редко бывало, посочувствовала, что не захватила меня, и тут же предложила идти в школу главной улицей мимо кузницы, где предполагался сбор музыкантов для отъезда в свою станицу. Там я мог увидеть хотя бы их «дудки». У кузницы стояла хуторская телега. Из одной из хат вышел музыкант в солдатской шинели с «дудкой» под мышкой. Осмотревшись, он в одиночестве приложил свою трубу к губам и сыграл «сбор», о чем я скорее догадался, так как эти звуки слышал впервые. Вышел из дома мой одноклассник Семен Клевцов. В их хате тоже ночевал музыкант, но с большой трубой. После сигнала быстро собрались и остальные трубачи. Они сели в телегу, которая тронулась с места, и тогда все музыканты заиграли слаженно походный марш. Мы бросились за телегой и провожали ее до выезда с хутора. В школу мы прибыли с опозданием, но переполненные необыкновенным чувством увиденного и услышанного.

Предполагая неизбежность происходящих перемен, отец одним из первых записался в колхоз. Этому способствовал прибывший на хутор двадцатипятитысячник Козлов. Он был посланцем партии от Северо-Кавказского крайкома партии, рабочий-большевик из Россельмаша. которому предстояло поставить сельское хозяйство на индустриальный лад. Старался он неутомимо, даже с помощью револьвера, чему мы, школьники, были свидетелями прямо на уроках, поскольку некоторое время его кабинет размещался в нашем классе и мы слышали его «увещевания» через дверь. И все же ему удалось к весеннему севу почти все единоличные хозяйства объединить в колхоз. Все лошади, волы, сбруя и телеги были сосредоточены с плугами и боронами у колхозной кузницы. Сообща быстро построили конюшню и баз. Сено свозили с каждого двора.

Однако в станицах стопроцентной коллективизации не получилось. Некоторые хозяйства упорно сопротивлялись. В нашей станице с такими «саботажниками» поступали просто: облагали непосильным налогом и раскулачивали, то есть производилась конфискация имущества и принудительное выселение семьи. Изъятое имущество передавалось в колхозы, в том числе и недвижимость. Амбары свозились на колхозные и

бригадные усадьбы, где в них размещали хранилища и кладовые. Нашему хуторскому колхозу из станицы было передано два разборных дома и шесть амбаров. Кроме того, получили десять пар лошадей со сбруей, телегами и сельхозорудиями. В одном из домов разместили два класса школы, а во втором — магазин и избу-читальню Были тогда такие очаги культуры в сельской местности, где имелись газеты, журналы, шахматы и шашки, иногда и музыкальные инструменты.

В начале марта 1930 года в нашем хуторе произошло событие, о котором и поныне вспоминают старожилы, мои сверстники и те, кто постарше. К тому времени уже сошел снег с полей, но ночные заморозки еще сковывали земляной покров. Жители хутора готовились к первой колхозной борозде.

В одну из ночей, примерно в полночь, началась ружейная перестрелка на окраине хутора. Наш хутор имел в то время две улицы и несколько переулков, поэтому он протянулся на километр. Колхоз уже был разделен на две полеводческие бригады. Бригадиром первой был мой отец. Проснувшись, он быстро оделся, имея намерение следовать к месту конфликта, хотя не имел никакого оружия. Мать не отпускала отца, и они тихо бранились. Проснувшись на печке, я подал свой голос, и мать приказала мне одеваться, а моих сестренок «замаскировала» подушками. Мы покинули хату, мать заперла дверь на замок, а отец убыл в район перестрелки. Мать и я с ней спустились в погреб, где и прослушивали стрельбу в полной темноте. Родительница шептала молитвы, обращаясь к всевышнему, чтобы он уберег малолетних девочек на печке. Потом стрельба начала стихать и послышалась перекличка наших соседей. Мы тоже покинули наше не очень-то надежное убежище. Наступал рассвет. Стрельба стихла полностью, и мы увидели, как небольшая группа людей, не более десятка человек, отделилась от юго-восточной окраины хутора и начала отходить в одно из урочищ Тришкиной балки. На расстоянии винтовочного выстрела их преследовал чуть больший отряд. Иногда раздавались редкие выстрелы, но потерь не наблюдалось. Вдруг мы увидели едущие по улице две конных упряжки, на первой из них — рессорном тарантасе — лежал убитый в перестрелке боец самообороны станичник по фамилии Ганюта, а на второй — простой телеге без кузова — на одной доске, вниз лицом, лежал привязанный за ноги раненный в бою повстанец. Его многие знали как одного из самых бедных казаков станицы, который за рюмку самогона поддержал тех, кто был раскулачен и решил выступить с оружием в руках, чтобы забрать с нашей колхозной конюшни своих лошадей и на них уйти в горные урочища. Более перспективных задач восставшие,

по-видимому, не намечали. Труп самооборонца был укрыт красным материалом, снятым со стола председателя, как боевым знаменем борца за свободу. Ганюта был убит наповал, а повстанец получил ранение из дробового ружья в пах. Заряд дроби пробил брючный карман, наполненный табаком-самосадом, и вошел в область мочевого пузыря. Действие табака в открытой ране причиняло нестерпимую боль. Учительница несколько раз пыталась наложить раненому повязку, но он ее всякий раз срывал и бился головой о скамью до тех пор, пока не истек кровью и не умер.

Позднее рассказывали, как все это произошло. Писатель Шолохов о подобных намерениях казаков тоже писал в своем романе, но там аналогичные события не получили дальнейшего развития из-за получения газеты, в которой была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов». В ней наш вождь всю вину за «перегибы» свалил на местных руководителей, чем временно снял с себя вину. Наши повстанцы, видимо, ее не читали, а возможно, не поверили, или не оказалось грамотных среди них. Напившись самогона и вооружившись охотничьими ружьями, они выступили против власти с первичной задачей отбить в хуторе своих личных лошадей с бригадной конюшни и на них уйти в лесные урочища Главного Кавказского хребта в надежде дождаться «своих» с Балкан, куда горькая судьбина унесла земляков еще в 1919 году.

Пришли они на хутор примерно в полночь. Дежурный конюх бодрствовал с ружьем и, почувствовав опасность, окликнул нападавших и сделал предупредительный выстрел, на который подоспели еще два охотника. Один из них огородами ускакал в станицу с просьбой о помощи. Дежурная группа отряда самообороны на лошадях по тревоге выехала на хутор. Их внезапный удар с тыла привел нападавших в замешательство и они с рассветом начали отход в лесную балку, в которой природа создала пещеру с родником внутри. По пути отхода повстанцы в лесу убили еще одного из отряда и спрятались в неглубокой пещере. Через вход обменялись выстрелами, после чего преследователи пригрозили бросить гранату и обреченные повстанцы сдались на милость победителей.

С рассветом мать пошла на бригадную конюшню, запрягла наших серых лошадей в повозку и, усадив в нее нас и свою соседку с детьми, выехала в станицу к сестре Феодосии. По дороге справа шла конвоируемая группа связанных веревкой бунтарей. Самооборонцы избивали их нещадно плетьми, хотя, наверное, с обеих сторон были и родственники, и соседи. Чтобы уберечь детей от подобного зрелища, мать начала стегать

лошадей, и мы прибыли в станицу на полчаса раньше конвоя.

Мать поспешно рассказала родственникам о случившемся на хуторе, В это время на улице послышался шум: по дороге конвоировались пленные. Их узнавали. Одни негодовали, другие втайне выражали сочувствие, так как некоторые были в родстве. Хмель к тому времени у повстанцев уже прошел, и они почувствовали, что близок час расплаты за содеянное. Один из организаторов выкрикивал проклятия, его избивали, а потом три бойца самообороны прикончили его. подняв на штыки своих винтовок. Раздался душераздирающий вопль, затем наступила тишина. Обреченных в тот же день отправили в центр нашей Черкесской автономии город Баталпашинск, откуда ни один из них не вернулся.

На следующий день утром посыльные оповестили всех жителей станицы, чтобы они немедленно собирались на станичной площади. Все жители явились сюда, как на праздник. Вспомните кинофильм «Тихий Дон» и эпизод расстрела станичниками Подтелковцев, куда тоже собирались как на представление бродячих артистов цирка. Мать пришла с родственниками, прихватив и меня. Невдалеке от церкви были вырыты две могильные ямы, рядом стояли два гроба с телами погибших. Я не могу сейчас точно сказать, о чем говорили выступавшие на траурном митинге. Скорее всего, о незатухающей классовой борьбе в нашем Отечестве. Видимо, тогда же впервые пришла мысль о присвоении нашему хуторскому колхозу имени павшего борца за дело всеобщей коллективизации. С той поры он так и именовался: колхоз хутора Новоисправненского имени Ганюты. Из соседней станицы Передовой были привезены музыканты с трубами, и они сыграли похоронный марш, а несколько бойцов из отряда самообороны произвели оружейный салют при опускании гробов в могилы.

Так завершились события того злополучного мартовского дня 1930 года. Мать вернулась с нами домой на хутор, так как наступала весенняя страда, громко именовавшаяся «первой колхозной бороздой». Мой отец с двумя классами сельской школы на это событие откликнулся тем, что написал по сему случаю стихотворение, и его опубликовали в областной газете «Красная Черкессия». Позднее подобных подвигов за ним не замечалось. Колхозный плотник смастерил на повозочных колесах вагончик для стряпухи, артельные столы и скамьи. Все конные и воловьи упряжки были выведены в поле с плугами и, нарушив прежние единоличные межи, мы заложили первую колхозную борозду. Оркестра не было, но подъем среди плугатырей и погонычей был несомненно. Я не стану подробно останавливаться на этом, так

как Шолохов в своем романе блестяще и очень правдиво описал подобный эпизод, хотя нобелевским лауреатом он стал не за «Поднятую целину», а за «Тихий Дон».

Примерно пару дней спустя во время урока мы услышали стрекотание мотора. Такой звук был для многих неожиданным, ибо многие еще не видали ни трактора, ни автомобиля. Поднялся шум, и наша наставница объявила перемену. Выбежав во двор, мы увидели в воздухе летящий предмет, напоминавший по своей форме воловье ярмо. Мы так и заорали во весь голос: «Ярмо летит». В то время такой самолетик печатался на спичечных коробках и именовался аэропланом. С «ероплана», поравнявшегося с землепашцами, посыпались л истки бумаги. Это было примерно в километре от школы, и учительница не отпустила нас за ними, позвав на занятие. Но и этот урок был нарушен шумом толпы в переулке. Учительница снова прервала занятие в классах. В переулке стояли все пахари с листками бумаги и нетрудно было догадаться, что это были именно листовки, сброшенные с самолета. В двух десятках шагов от школы был двор нашего одноклассника Троценко Ильи, а в их хате снимал квартиру и питался наш председатель колхоза Козлов, о котором я писал выше. (В эти дни он болел малярией и лежал в постели. В те годы эта болезнь была очень распространена в наших краях.)

Верховодила среди «бунтарей» бабка Переходченко, которую наш председатель стрельбой из револьвера в потолок все же «загнал» в колхоз. Вышла на шум мать Ильи. Бабка потребовала вызвать квартиранта, но хозяйка заметила, что у него жар. Начались выкрики, и болящий сам вышел на порожек хаты, придерживаясь за столбик крылечка. Козлов не знал о самолете и листовках, но бабка сунула ее ему в руку и потребовала читать вслух. Никто сейчас не может вспомнить о той листовке: было ли это постановление ЦК ВКП (б) об искривлениях в деле колхозного движения или статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он всю вину в «перегибах» перекладывал на местных руководителей. Конечно, наши земляки из той бумажки усвоили только одно — что «силой в колхоз не загоняют». Прочитав до конца листовку, наш председатель медленно опустился на ступеньку. Бригадиры попросили людей возвращаться к своим плугам. Только бабка не унималась, ругаясь, припоминала все обиды и угрозы. Рано утром на следующий день председатель выехал в обком партии и больше не вернулся на хутор. Теперь колхозникам пришлось избирать председателей из своих. Сменялись они часто. Из-за малограмотности населения, отсутствия навыков в организации коллективного труда их

отстраняли или они сами просили освободить, а опыт приходил очень медленно. Кто только не побывал в этом качестве! Даже моя родительница, не знавшая ни одной буквы, несколько лет была членом правления колхоза. Очень уместной была поговорка горцев: «Если нет быка, запрягай теленка». Она могла бы стать эпиграфом для всей советской деревни тех лет.

Летом того года колхозный мастеровой Слесаренко на месте гибели Ганюты поставил трехгранную пирамидку, а на вершине установил пятиконечную звездочку и покрасил ее в красный цвет. Кроме нас, хуторян, никто не знал о ее назначении. Долго колхоз носил это имя, пока в послевоенное время не объединили все четыре станичных и два хуторских колхоза в один, названный именем XXII партсъезда.

Много сменилось за те годы председателей, и только один в довоенное время оставил в памяти хуторян хорошее воспоминание, хотя и он руководил не более трех лет. Его прислали из соседней станицы Сторожевой. Был он в ту пору молод и грамотнее наших хуторских его сверстников.

Имел хозяйственную хватку. Его руководство совпало с созданием в стране МТС (машинно-тракторных станций). Районное начальство было занято механизацией сельского хозяйства и упустило контроль над колхозами, чем и воспользовался наш новый руководитель. На первом колхозном собрании он огласил свои задумки, и колхозники его поддержали. За два года он решил построить на ручье свою электростанцию, которая ночью освещала бы хуторские дома и фермы, а днем функционировала как мельница. Построили радиоузел с радиоточками в каждой хате, колхозный клуб, баню, коровники, свинарник, птичник. Все это требовало огромных затрат, но он призвал строить методом субботников, привлекая все население на изготовление кирпича и самана, на создание плотины для гидротурбины. Звенья строителей возводили стены, крыши, вдоль улиц ставились столбы-опоры для проводов. Энтузиазм был невероятный. Люди не считались ни со временем, ни с мозолями на руках.

К зиме 1934 года в каждой хате загорелась «лампочка Ильича», был построен колхозный клуб. Наследующее лето радиофицировали весь хутор, построили баню, несколько животноводческих помещений. Гремел колхоз на всю нашу многонациональную автономию. Газеты писали об успехах хутора и его председателе колхоза. Но неотвратимо надвигался 1933 год. К нему я должен непременно вернуться, так как он оставил свой след в нашей стране, как и 1930-й в начале коллективизации. Не только на Кубани, но и во многих областях юга Украины.

Голодный тридцать третий…

Раньше причиной голода на Руси бывал неурожай, вызванный многолетней засухой в большинстве регионов или продолжительной войной. В данном случае все было иначе. Этот голод был результатом самой принудительной экспроприации «излишков» продовольствия у сельского населения. Началось с раскулачивания зажиточных слоев населения, у которых изымалось все продовольствие, а сами они подвергались выселению в отдаленные необжитые районы. Потом этому подвергались и середняки, не желавшие вступать в колхоз. Им отказывали в земельных наделах, забирали в пользу колхозов скот и сельскохозяйственный инвентарь. Натуральный налог зерновыми культурами был настолько велик, что превышал его сбор с поля. Естественно, чтобы как-то выжить, хозяева должны были утаивать продукты, припрятывая их в укромных местах, в том числе и в ямах под землей. К тому времени в сельской местности появились комсомольские организации и их деятельность была направлена на принудительное изъятие излишков продовольствия. Проводилось это комсомольцами-бригадмильцами днем и ночью, для чего выдавались даже электрофонарики с батарейками. Спустя десять лет в годы войны даже генералы наши не имели таких фонарей, а комсомольцам для ночного обыска вручали это необыкновенное новшество. На фонарике было изображение пионера, больше походившего на американского бойскаута с вымпелом. Но еще большее удивление вызывало то, что делали обыски и изъятия не какие-то городские продотрядники, а свои родные сыновья и братья, даже не пользовавшиеся какими-либо привилегиями или льготами. Видимо, это было продолжением той «единственной Гражданской», воспетой позднее выдающимся бардом — Булатом Окуджавой.

Я помню, как великовозрастные мои одноклассники в пятом классе Исправненской семилетки, именовавшейся школой крестьянской молодежи (ШКМ), в тот год получившей новое название — неполной средней школы (НСШ), иногда засыпали на уроках от ночных бдений по раскулачиванию и изъятию продовольствия. Лозунг «Брат на брата, сын на отца и отец на сына» оставался со времени Гражданской войны Я хорошо запомнил, как отец после обмолота гречихи привез несколько мешков половы для запаривания с отрубями в корм свиньям Теперь мы ее начали толочь в ступках, просеивать, добавлять мороженый картофель, который собирали весной после вспашки,

и делать какое-то подобие оладий. Варили по весне крапиву, добавляя жмых. Выручала буренушка, дававшая каждый день пару кувшинов молока.

Наш новый председатель колхоза предвидел исход преобразовательных мер и после выполнения госпоставки и посевной кампании, распорядился смолоть оставшееся зерно пшеницы, кукурузы и ячменя и организовал общественное кормление всех работающих в поле и на фермах. Это были не ахти какие разносолы: один-два раза в день бригадная стряпуха-повариха готовила чаще всего затируху или клецки, сдабривая растительным маслом или жирами животных, когда те повреждали ноги или подлежали забою по другим причинам. Что такое «затируха»? Это сельское, в основном полевое, первое блюдо. Сначала в котле варился мелко нарезанный картофель, а в это время на крышке стола повариха ровным слоем насыпала муку, потом с помощью метелочки брызгала воду на муку и ладонью начинала затирать мелкие мучные катышки, которые постепенно засыпались в кипящий картофельный бульон. Заправка производилась растительным маслом с луком, а если приходилось забивать скот, то в таком случае бывало мясо.

Оговорюсь сразу: у хуторян в массовом порядке раскулачивание не проводилось Были раскулачены несколько семей, имевших граммофоны, но давно прятавших на чердаках эти «вещдоки» своей зажиточности от соседей и близких. Хотя хуторяне в 1932 году получили на трудодни гораздо меньше, чем в предыдущие два года, но могли бы как-то прожить до нового урожая. Однако нагрянувшее большинство родственников, бежавших из станицы от голода, быстро помогли прикончить все наши запасы и тоже обрекли хуторян голодать. Полевая затируха для многих колхозников явилась основой выживания. В тот голодный год эта пища была деликатесным блюдом, если учесть, что рядом на большаке у ручья умирали опухшие от голода странствующие пришельцы из южных областей Украины. Они несли в заплечных сумках всевозможные домашние носимые вещи, которые хотели обменять в горных аулах Карачаевской автономной области на любые продукты или хотя бы на кукурузу. До железнодорожной станции Невинномысская они ехали поездом, а далее около ста километров шли в горы пешком большаками и, когда им оставалось всего 12–15 километров до «финиша», их покидали силы у ручья. Чтобы утолить голод, они пили воду из ручья. Наступала водянка истощенного организма, и люди умирали.

Были и такие, кто, добравшись до вагончика, просили бригадира дать им тяпку и работали только за еду, проживая тут

же, в вагончике. Они выжили в то голодное лето.

Два брата и сестра из Николаевской области Украины прибыли на хутор вконец истощенными и предлагали матери обменять предметы одежды на продукты, но мать смогла дать им только по две картофелины, сваренных в мундире. Они оставили расшитое льняное полотенце. Председатель приютил их в колхозе. Галя была бухгалтером в конторе, один из братьев был назначен заведующим избой-читальней, а второй работал в бригаде. Все трое пережили лихолетье и через год вернулись в родное село.

Мальчишки моего возраста все лето работали погонышами на лошади, запряженной в конный однорядный культиватор. По той нашей бедности мы не только не имели седел, но и попоны, чтобы постелить на спину лошади, поэтому несколько первых дней натирали себе ягодицы до крови. Привычное занятие для казачат, езда на лошади, превращалось в утомительный труд в летнюю жару на солнце. Однако нам полагался «приварок» и двести граммов хлеба (взрослым по 300 граммов). Кроме того, каждому из нас начислялось по полтрудодня. Считалось за признак хорошего тона сохранить краюху хлеба и принести домой бабушке, которая болела малярией. Только в редкие выходные или праздники мы могли покупаться в жару в речке. В сильно жаркие дни бригадиры тоже иногда отпускали после обеда всех к речке на купание. Бежали все бегом, на ходу снимая одежду. Мы, мальчишки, скакали каждый на своей лошади, так как и кони трудно переносили зной и стремились, как и люди, в воду. Читатель поверит мне на слово, что купальных костюмов в то время не было и в помине ни у мужчин, ни у женщин. Никто даже не знал, что существуют трусы или трико. Купались в реке и в бане, как ныне это делают нудисты. Люди моего поколения, просматривая ныне эротические сцены на экране телевизора, возмущаются. Но стоит мне напомнить те времена, и многие соглашаются с тем, что и у нас «это» было, но вынужденно, так как негде было купить, да и не за что.

Именно в этом году я закончил четвертый класс под началом заведующего нашей начальной школой Петренко Петра Артемовича. Во втором и третьем классах наш класс вела София Сидоровна, мало примечательная учительница, которая понимала, что все мы последуем примеру наших отцов, которым образование как бы ни к чему. Иначе к этому отнесся Петр Артемович Петренко. Понимая, как низок уровень нашей подготовленности, он много сделал, чтобы в выпускном классе начальной школы нас «поднатаскать» в пятый класс. Но все его потуги оказались тщетными. Из двенадцати выпущенных из

четвертого класса только один я настоял на продолжении учебы в пятом классе в станице. Все остальные начали работать дома и в колхозе, а одноклассница Ирина Щербакова уже через год вышла замуж. Таков был возрастной диапазон учащихся в те годы. С четвертого класса через год в невесты...

Трудный, голодный 1933 год не только не нарушил планов председателя, а кое в чем ускорил их выполнение. С первого созревшего ячменя сделали обмолот зерна — на колхозной мельнице намололи муки и выдали как аванс каждой семье. Видимо, это нарушало партийный лозунг: «В первую очередь — государству, потом — коням, а после — нам». Об этой первейшей заповеди писали все газеты и призывали лозунги в клубе и бригадных вагончиках. Человеческая жизнь ценилась дешевле, чем лошадиная. О том, что председатель нарушил этот закон, знали только хуторяне и не распространялись, так как колхозники понимали заботу председателя о своих тружениках и отвечали на это трудолюбием. О размахе того голода в стране, охватившего все южные области Украины и Кубань, долго умалчивалось, так как погибли пять миллионов человек. Были отмечены неединичные случаи каннибализма, о чем тоже сообщалось в нынешней прессе. В 1938 году, когда я уж был заведующим районной библиотекой, один из читателей, работавший в милиции, показывал мне фотографию двоих сестер с сыном. На столе, стоявшем перед ними, были два черепа и стояли тарелки со студнем, приготовленным из трупов умерших от голода своих родителей.

Наверное, после поездки на базар, увиденного впервые трактора и самолета в воздухе следующим хуторским дивом был первый показ кинофильма. Скорее всего, это была кинокомедия «Закройщик из Торжка», так как там были показаны швеи. Названия последующих увиденных помню хорошо: «Абрек Заур», «Праздник святого Иоргена».

Как это было? Привозили на телеге «кинщика» с его аппаратурой — проектором и динамомашиной от ручного привода. В одной из классных комнат вывешивали экран, на столе устанавливали кинопроектор, приводившийся в движение ручным приводом, в стороне к скамье крепилась динамомашина точно так же, как ныне крепим мясорубку, и так же рукоятью приводили ее во вращение. Молодые парни соглашались «крутить» одну часть за право бесплатно посмотреть всю картину. Фильмы были немыми. Речь записывалась в титрах и для их оглашения выделялся чтец. Обычно в этой роли выступал мой отец. Для меня эти фильмы были огромным событием, а «киношник» в моем понятии был самой выдающейся личностью,

настоящим магом. Как могли и умели, мы следили за сюжетом картины, но мне не давало покоя само воспроизведение изображения на экране, тем более в движении. Даже взрослых, видимо, это не особенно занимало, а я ломал свои мозги над этой проблемой, пока не вышел на улицу, открыл ставень, но ничего в оконном проеме не увидел, кроме того же изображения на том же экране. Взрослые сидели за партами, а дети на полу. Духота обычно стояла нестерпимая, но никто этого не замечал. По дороге домой все громко обсуждали увиденное.

Но вернемся снова в памятный тридцатый год. Вот и первые мои зимние каникулы. Они совпали с приготовлением к рождественским праздникам. Мы забили кабана, мать делала и обжаривала домашние колбасы с чесноком. К празднику на побывку пришел дед Онуфрий — отец матери. В каждый приход он приносил нам в качестве гостинца по деревянной ложке, вырезанной им самим. Для матери он вырезал валек для стирки полотна на речке или коромысло. Эти подарки повторялись из года в год. Моих младших сестренок они не радовали, так как ложки бывали гораздо тяжелее покупных, тоже деревянных. И не радовали вот почему: завтракали, обедали и ужинали мы обычно не за столом, так как он стоял в углу и с двух сторон к нему было не подступиться. Посреди комнаты размещался табурет, на него ставилась большая общая миска. Взрослые садились на маленькие скамейки, а мы, малышня, стоя вооружались ложками, а с тяжелой ложкой черпать из общей миски неудобно. По краюхе хлеба нам вручалось перед началом еды. Блюда бывали неприхотливыми: на первое борщ, супы разные, лапша, которая могла готовиться на курином бульоне или на молоке. Вторые блюда бывали почти всегда на картофельной основе с мясом, иногда с рыбой, птицей. К ним подавались зимой всевозможные соления из погреба: капуста, огурцы, помидоры, яблоки, иногда и арбузы. При наличии пшена, перловки, гречки готовились каши. В праздничные дни выпекались пироги с самой разнообразной начинкой: картофелем, фасолью, творогом, печенью, мясом, тушеной капустой с яйцами, а также всевозможными фруктами. Форма пирогов тоже была разной — от мелких пирожков до круглых пирогов на всю сковородку, которые потом резались на сегменты-дольки. На третье блюдо в обед ставилась общая миска с взваром. Важным блюдом в казачьих семьях бывали вареники. Их тоже готовили с самой разнообразной начинкой: на Масленицу с творогом и маслом, в летнюю пору с фруктами (крыжовником, смородиной, вишнями, сливами). Готовили даже с картофельным пюре и тушеной капустой. В этом случае зажарку делали на растительном масле. Такие разносолы обычно

приурочивались к большим годовым праздникам — Рождеству и Пасхе. Наличие в хозяйстве коровы всегда позволяло иметь масло, творог и ряженку.

К рождественским праздникам в начале января 1930 года к нам прибыл дед, о чем я говорил выше. Это были мои первые зимние каникулы. Накануне отец забил откормленного кабана и у матери было полно забот, связанных с начинкой колбас. Тонкие кишки наполнялись мелко нарубленным мясом, салом и чесноком, а толстые — кашами, обычно пшенными и гречневыми со шкварками.

Наша мать хоть и выросла без матери, но приобрела множество навыков от старшей сестры Феодосии, у которой переняла житейский опыт, трудолюбие и смекалку. В тот день, о котором я хочу рассказать, а был это канун рождественского праздника, дед рубил дрова во дворе, я подносил их в хату к печке. С улицы меня окликнула наша соседка, ехавшая на санях в станицу в церковь и на побывку к родственникам. Она поинтересовалась: не хочет ли и наша мать поехать с ней. Зная о ее занятости, я ответил отрицательно, но спустя минут десять я передал матери приглашение ее кумы. Она согласилась с моим ответом, но пожалела, что я не сказал ей сразу, так как она могла бы отпустить меня к своей сестре.

Услышав такие заверения от матери, я вышел из хаты с чувством большой горечи, подумав о том, что эта ее доброта наигранна, и решил догнать сани, не предупредив об этом мать. Ночью был обильный снегопад, и на дороге было только две колеи от полозьев санок. На мне было верхнее ватное одеяние, пошитое матерью в виде черкески, подпоясанное узким кавказским пояском. Я подсунул спереди обе полы под пояс и направил свои стопы по колее в сторону станицы. Выйдя на окраину, я увидел, что до саней примерно километр. Но расстояние меня не смутило. Я решил догонять, так как в упряжке саней были волы. Пройдя с километр и обернувшись назад, я увидел всадника, скачущего следом. Вскоре я понял, что это была моя родительница. Несмотря на то, что лошадь была без седла, я и не заметил, как она на полном скаку лошади сумела схватить меня за руку, и я оказался впереди нее. Сотворив несколько пощечин, она вернула меня во двор, сбросив с коня в сугроб. Дед, видя избиение внука, с хворостиной бросился отбивать меня, и мать укрылась в хате. Не столько боль от неосуществленной побывки у родичей была причиной моих огорчений, сколько лицемерие отпустить меня одного хоть и с соседкой. Так я подумал в те горькие минуты. Побои в те годы были частыми и по самым разным причинам. Наказывались практически за все:

порвал рубаху или платье, околел индюшонок или цыпленок, не успел прополоть грядку, не принес с речки воды, куры или индюки склевали на грядке рассаду огурцов или помидоров. Наказание было неотвратимым. От ударов ремнем отцовского пояса с казачьим набором всяческих бляшек я искал спасение под станком большой немецкой швейной машины «Зингер». Ее боковые стойки были из чугунного литья. Они-то и спасали меня, а мать, наоборот, разбивала иной раз в кровь свои кисти рук о стойки. Иногда она рыдала и сама, бросив ремень на пол и причитая: «Хотя бы ты попросил прощения...» Но я это не делал, так как почти всегда считал себя правым.

Но вернемся к светлому празднику Рождества. Завтракали, как я уже сказал, за табуретом, по очереди черпая ложкой из общей керамической миски. Дед имел окладистую бороду, в которой зависала иногда лапша или капуста, что вызывало смех у моих сестренок. Дед понимал причину их фырканья» облизывал свою ложку и наносил ею удар по лбу одной из шутниц-внучек. Они обе бросали ложки и мигом оказывались на печке, растирая место ушиба и оплакивая жестокость наказания. В таких случаях он отдавал приказание: «Полезай, внучек, и дай им «леща». Я поднимался тоже на печку, делал ладонями хлопки, сестренки визжали еще больше, а дед твердил: «Так им, так им, а то ржут как кобылицы...» Обычно на этом инцидент исчерпывался. Обе враждующие стороны примирялись.

В такие приезды, а длились они иногда по неделе и более, деду стелили на кровати, и мне полагалось спать с ним, а мать с отцом и девочками размещались на ночь на печке. Одеял в те годы не было. Укрывала нас мать несколькими шерстяными дерюжками и сверху еще дедовой шубой. Дед уходил также внезапно, как и приходил. В станице, видимо, наводились справки, и через день-два появлялись другие родственники с таким же предлогом — «на курятину». Зимой мы еще могли днем или вечером отпроситься у родителей для катания на самодельных санках с ближайшей горки, а в летнее время было столько обязанностей, что и в голову это не приходило.

Стоят летние, жаркие дни, а у меня с утра сильный озноб. Начинается приступ малярии. Мать укрывает меня шубами, но мне холодно. Потом холод сменяется жаром. После засыпаю. Проснувшись, ощущаю чувство голода (1933 год!). В доме ни крошки хлеба. Голову не могу оторвать от подушки. Прошу дать из бутылки молока — единственное, что осталось в хате. Делаю несколько глотков, и меня стошнило. Мать плачет, укутывает меня в шубу и везет за три километра в только что созданный животноводческий совхоз, где есть медпункт. Там лечил бывший

станичный фельдшер Пономаренко. Меряет температуру. У меня 41,3 градуса. Сильное истощение. Предсказывает скорую кончину. В те годы были смертельные исходы от малярии, ибо не было даже обычной хины. На мое счастье, на следующий день в хутор приехал врач из областного центра и вручил двенадцать порошков хины. Мало кому ныне известно, как принимать хину в порошке. Отец имел опыт и научил меня. На кусочек бумаги высыпал хину, заворачивал в круглый пакетик и, положив его на язык, запивал водой. Через неделю приступы прекратились. Мое здоровье начало крепнуть. К этому времени к нам переехала на жительство, спасаясь от голода, бабушка Екатерина — мать отца.

С ее приездом мне вышло значительное облегчение в работе. Но и она заболела малярией. Хины снова нет, и негде ее купить. Помня ее заботы, я старался сделать все, что в моих силах. Однажды после приступа она попросила меня сварить ей полевой суп на костре. Картофель молодой мы уже начали подкапывать, выискивая более крупные клубни. Но хлеба не было. За нашим огородом было поле пшеницы. Я украдкой сорвал несколько колосков зерна, растер их, добавил в картофельный бульон и сварил все это в котелочке на костре в огороде, сделав заправку из молока с молодым лучком Старушке захотелось поесть это варево не в хате, а по-степному — в поле, и я вывел ее в огород. Там, на траве, она съела свой суп и мирно уснула у изгороди на бурке, которую я предусмотрительно постелил ей под вишней. И, о чудо, она пошла на поправку. Помогей степной суп.

Спустя много-много лет, когда я вышел в запас, а мать уже имела семидесятилетний возраст, я стал выезжать к ней в летнюю и осеннюю страду на помощь — справляться с ее двадцатью пятью сотками приусадебного земельного надела. Пострaнствовав в пределах нашей автономии в нескольких местах, она в 1955 году снова переехала на жительство в наш хутор, где проживали две ее старшие сестры — Феодосия и Анна с многочисленными детьми и внуками, а также сноха по отцовской линии с неменьшим числом семейного «выводка». В мои приезды я оказывал ей помощь в посадке, иногда в прополке и почти всегда в уборке картофеля. Не имея в Москве дачи, я восполнял своими поездками то, что называлось дачными участками. Обычно я лопатой выкапывал клубни картофеля, а мать выбирала. Руки, как я уже написал, были заняты, а язык всегда свободен. Обычно я включал радиоприемник на батарейках и мы слушали передачи «новостей» и музыку. Но это быстро ей наскучивало, и она просила выключить, чтобы поговорить о пережитом. Службу мою она неплохо знала из писем и посещений мест моей службы, поэтому чаще всего я просил ее что-нибудь рассказать. Многое помнил из

прежних ее рассказов, но немало услышал интересного впервые, в том числе о девичестве и первых годах коллективизации. Она открыла мне секрет нашего бурного роста колхоза и источников финансирования под руководством нового председателя колхоза Шапетина. Прибыл он к нам, со станицы Сторожевой, что располагалась в десяти километрах южнее хутора. Он хорошо знал местные обычаи и казачий уклад жизни, хозяйственную деятельность и, самое главное, не имел в хуторе родственников, что наиболее благоприятно отражалось на его руководящей репутации. Был он молод, энергичен, знал повадки земляков. В 1932 году впервые построили детский садик и деятели. Это вызывалось крайней необходимостью, так как старушек-домоседок в хуторе просто не было Все они остались со старшими сыновьями в станице. Матери председатель предложил место стряпухи в детсадике. Членов правления он подбирал по деловым качествам даже невзирая на неграмотность. Таким путем и она оказалась членом правления. Мне было очень интересно услышать от нее об источниках финансирования всех затрат на покупку динамомашины, водной турбины, проводов, столбов, радиоприемника с усилительной аппаратурой. Ведь все это стоило денег, и немалых

Мать улыбнулась и чистосердечно рассказала мне об источниках поступления денег. Приступая к строительству, Шапетин все это рассчитал заранее. Именно в том, наиболее голодном и трудном тридцать третьем он приобрел самое необходимое, расплачиваясь, как сейчас говорят, бартером. Более того, он велел откармливать отходами при детской кухне двух кабанов, которые не проходили по свиноферме, откормили и забили бычка, выходившего в хуторском стаде, а не на ферме. В те годы был замечательный медосбор, и на пасеке собрали бочку меда сверх плана. Все это было продано на рынке и пошло на покупку электро- и радиооборудования. Районное начальство было занято организацией МТС и ослабило контроль над ревизионной работой в колхозах. Припомнилось все это председателю позднее, когда были установлены «нормы по выявлению «врагов» народа, «террористов», «оппортунистов» и прочих недоброжелателей. А тогда, когда впервые в сельской местности загорелась «лампочка Ильича», когда заговорило радио в хуторе, когда целиком вся бригада одновременно могла мыться в колхозной бане, когда все праздничные торжества и свадьбы начали проводиться в колхозном клубе, тогда это восхвалялось в газете как «Великий почин». В 1937 году это обернулось арестом председателя и «червонцем» в не столь отдаленных местах. Но он и там оказался нужным как организатор. Поэтому и выжил. Но в

колхоз его не вернули, хотя колхозники очень жалели о нем и вспоминают и поныне. Вряд ли кто на хуторе помнил эти подробности так, как запомнила и рассказала мне моя неграмотная мать тридцать семь лет спустя.

«В людях»

1-го сентября 1933,года отец и мать отвезли меня в станицу Исправную «в люди». Я много раз смотрел наш замечательный кинофильм «Уроки французского». Он, как и роман «Поднятая целина», передал жизненные коллизии, сопряженные с проживанием у родственников и знакомых в трудные голодные годы на «своих харчах». Разница только в том, что моя учеба проходила в период всеобщего голода, вызванного коллективизацией, а тот парнишка голодал в тяжелом послевоенном голодном году. Я жил у родственников, а он у знакомых. Он умел зарабатывать «мелочишко» в «стукалочку» на молоко, а я и это не умел, да у нас и не играли в эту игру.

В станице Исправной имелась семилетка. Директор школы Лобачев Никита Васильевич, ознакомившись со справкой об окончании начальной школы в хуторе Новоисправненском, определил меня в один из двух параллельных пятых классов. Все школьные классы были полнокомплектными, по 35–40 человек. Это была именно та школа, которую построил приказчик землевладельца, Мамонтова еще до революции. Здание имело шесть больших классных комнат, учительскую, кабинет директора и широкий коридор. Помещение было очень высоким, с такими же огромными окнами и дверями. Оно и поныне верно служит управе местной администрации станицы, как и второе помещение — бывшее атаманское правление, в котором размещается теперь станичная поликлиника. Только металлическая кровля за сто с лишним лет начала давать протечки, и оба здания перекрыли шифером. Теперь она снова перекрыта, но уже оцинкованным железом.

Из двенадцати выпускников начальной школы только нас двоих определили в пятый класс. Дмитрий Власов выдержал полуголодную жизнь у родичей только одну неделю и, прибыв на выходной к родителям, больше не вернулся к занятиям в школе. Я остался один из хуторян в семилетке. Пару месяцев я жил у тети Феодосии, потом они решили переехать на хутор, и я перешел к дяде Афанасию, у которого были два сына: Володя, на два года старше меня, и Николай, мой ровесник, ходивший в то время во второй класс. Кроме детей, в доме проживала их мать, тетя Лукерья, и дед Онуфрий. Сам дядя Афанасий сторожил за станицей пруд и колхозный сад. Задумывался ли я тогда о том, что меня ожидает в тех условиях станичного голода? Вряд ли. В выходные дни его сыновья навещали отца и удили там пескарей, а я в субботу брал пустой мешок с двумя порожними кувшинами

и спешил в путь за двенадцать километров на свой родной хутор к родителям в надежде насытиться на неделю.

Видя мое истощение, мать просила бросить учебу, как сделали остальные. Все мои прежние одноклассники были старше на три-четыре года и уже работали в колхозе погонышами. Я решил терпеть и продолжать учиться. Короткие осенние и зимние дни пролетали быстро. В снег и дождь, в летнюю жару и осеннюю слякоть я должен был идти на хутор в родной дом по субботам, а на следующий день с поклажей возвращаться обратно. Уже при выходе из станицы наступали сумерки, потом темнота. Два километра южнее станицы дорога проходила под скалой «Пронеси, господи», справа под крутым обрывом шумела река. Иногда в темные ночи дорогу я находил на ощупь. Конечно, как все дети, я боялся волков, которых было достаточно в близлежащих урочищах. Случалось, что дома я оказывался в полночь и остаток ее проводил в глубоком сне на печке, а утром завтрак с семьей и новые сборы в обратный путь. В мой дорожный мешок засыпали небольшое ведро картофеля, перевязывали его веревочкой, во второе отделение вкладывали два кукурузных чурека и кусочек сала. В руку давали кувшин простокваши или молока. Вот и весь мой недельный рацион. Обратный путь бывал всегда тяжелее из-за ноши за плечами и в руках. Моему возвращению в станице всегда были рады. Все доставленное мной поедалось сообща за пару дней. Потом оставалось надеяться на школьные завтраки.

Директор школы понимал, что может быть большой отсев учащихся в связи с недоеданием, поэтому по своей инициативе решил подкармливать нас во время большого перерыва с запасов, полученных со школьного огорода, на котором мы выращивали картофель, кукурузу и подсолнечник. Из подсолнечника давили растительное масло, которым сдабривали вареный картофель, а из молотой кукурузы иногда готовили оладьи. Вот и получали мы по две-три картофелины и лепешку. Многие сумели выжить в то лихолетье только благодаря этим бесплатным школьным горячим завтракам в большую перемену, в том числе и я.

В учебном процессе была и другая сложность — отсутствие стабильных учебников. Их просто не было, и только учителя имели по одному экземпляру. Директор вел историю. Он старательно переписывал материал на доску, а мы с нее — в тетрадь. Лишь в шестом классе ученики смогли купить учебники по нескольким предметам, а в седьмом классе были обеспечены полностью, но время было упущено, и мы это понимали. Как понимали и то, что возраст каждого ученика имел огромный диапазон: от 1922 года до 1914 года рождения. В нашем классе

учились три сестры Васильцовы: Дарья — 1916, Мария — 1918 и Ефросинья 1920 год рождения. Наш молодой учитель Иван Федорович Садовенко после десяти классов и трехмесячных курсов обучал нас русскому языку, а его младшая и старшая сестры учились со мной в одном классе. Причина объяснялась весьма просто: многие окончили начальные классы еще в двадцатых годах и трудились в единоличных хозяйствах, а когда наступило время работать в колхозе, то большая их часть предпочли наверстывать упущенное, чтобы не трудиться в колхозной бригаде. Некоторые парни шли на призыв после седьмого класса, хотя он в те годы был с двадцати одного года. Призывались с большой охотой, так как в армии могли увидеть хоть казарму и железную дорогу. Но даже на призыв в армию существовал «ценз» социального происхождения. Из семей раскулаченных в армию не призывали. Одному из таких призывников было отказано, и он, узнав об этом, снял веревочный поясок и на нем удавился в саду на абрикосовой ветке. Возможно ли такое сегодня?..

Хуторяне получали на свои трудодни гораздо больше» чем станичники, только благодаря нашему новому председателю. Весной и осенью на колхозных полях появились трактора, и вспашка повсеместно велась ими. На колхозы нагрузили, кроме госпоставки, новый налог, так называемую натурооплату за работу на колхозной земле тракторами МТС. Она стала превышать размеры даже государственных поставок. Именно это и подрезало жилы труженикам на земле. Почти все зерновые продукты вывозились на государственные элеваторы самими колхозами в зимнее время на санках. Для хутора это только в один конец составляло 60 километров.

Молодые парни обычно служили в армии, а их жены, если не имели детей, и незамужние девушки проводили в этих рейсах по неделе, перенося такие же страдания, как девушки в пехоте на войне. Оставшиеся в живых и поныне жалуются на простудные заболевания с той поры. Гарантированная оплата натурой полагалась только трактористам и комбайнерам. Им назначалась и денежная выплата от конторы МТС. Колхозникам на трудодни выплачивать было нечего ни продуктами, ни деньгами. Труженики села жили только за счет приусадебного участка, да и с него тоже требовалось платить государству большие налоги. Несмотря на престижность руководящей должности председателя, люди не давали своего согласия при назначении или при выборах. Но коммунисты не могли отказываться от партийного поручения, а за недовыполнение планов госпоставки и натуроплаты каждый руководитель мог быть арестован как враг

народа. С каждым годом увеличивались не только нормы поставок, но и количество сборщиков налогов. С каждого колхозного двора полагалось сдавать молоко или взамен животное масло, яйца, шкуры, шерсть, мясо, даже вне зависимости оттого, имеет ли хозяйство животных, кур, корову, свиней или овец. В некоторых отдаленных регионах вообще невозможно было найти председателя колхоза. В апреле 1940 года принимается специальное постановление правительства «Об оплате председателей колхозов в восточных районах СССР», к которым были отнесены первоначально Казахстан, Омская, Новосибирская и Челябинская области. Размер месячной оплаты председателей колхозов исчислялся от количества пахотной земли в колхозе. За сто гектаров земли 45 трудодней, 300–50, 500–55, 700–60, 1000–70, 1500–80, свыше 1500–80 трудодней. Кроме того, денежная доплата должна была составлять ежемесячно: при валовом доходе с 10 тыс. руб. — 25 руб., с 25 — 50 р., 100 — 125 р., 200 — 150 и т. д. При одном миллионе — 350 р. и свыше — 400 р. Потом почти ежемесячно принимались постановления, по которым на эту оплату председателей перешла Московская, Смоленская, Горьковская, Ростовская, Куйбышевская, Чкаловская, Иркутская, Молотовская, Ивановская, Вологодская, Сталинградская, Ярославская области, Татарская, Марийская, Мордовская, Башкирская, Чувашская автономные республики, Белоруссия, Краснодарский и Орджоникидзевский края. Председателям колхозов определялись проценты в денежном выражении за стаж работы в этой должности: начиная с трех лет — 5%, за четыре — 10%, за пять и более лет — 15%. Был пункт и о премировании бригадиров. Вот так позаботились правительство и партия с прокормом председателей, ну а о колхозниках — пусть сами о себе заботятся.

Вот и закончен пятый класс. Я с радостью возвращался под родной кров. В хуторе меня ожидали тоже значительные перемены. Погонщиками на лошадях теперь оказались более старшие сверстники, которые не продолжали учебу. С1933 года началась очень серьезная кампания для сельских пионеров — охрана колхозного урожая от «парикмахеров», то есть всяческих расхитителей колхозного добра, наносящих колхозам вред путем «стрижки» колосков. Да, видимо, были такие криминальные факты со стороны голодных элементов, и это следовало пресечь. Центральная детская газета «Пионерская правда» и ее последовательница в Северо-Кавказском крае «Ленинские внучата» в каждом номере помещали карикатуры на почему-то очень толстых кулаков, стригущих ножницами колоски с колхозного поля. Но самым огромным примером для всех нас был

Павлик Морозов, раскрывший чуждую, кулацкую сущность своего отца и родственников, за что те подло убили его.

Колхоз выделил нам полевой фургон для стряпухи, плотники установили вдоль большака две наблюдательных вышки по типу лагерных в местах заключения, и тридцать мальчишек и девчонок вместо купания в пруду жарились на солнцепеке, высматривая «стригуна» на соседних с дорогой полях. Но таких за все лето не было установлено, и нас бросили на сбор колосков Комсомолка-стряпуха готовила нам на обед уже известную читателю затируху. Из дома каждый приносил с собой молодую картофелину и делал на ней метку (тавро), чтобы после того, как ее сварят, она попала в руки хозяина Комсомолка Мария Колпакова раскладывала клубни на большом артельном столе, где мы их разбирали без особых конфликтов. Полагалось нам и по 200 граммов хлеба. Самое интересное заключалось в том, что, выполняя свой пионерский долг, мы еще не видели пионерский галстук, даже у самой вожатой отряда, которая была по совместительству и отрядной стряпухой. О персональном владении таковым у нас и в мыслях не было Красный пионерский галстук вместе с синей блузой и трусиками я впервые увидел на однокласснике Саше Носареве в школе Новоисправненской. Его отец прибыл из Ростова-на-Дону как двадцатипятитысячник парторгом в один из колхозов, а его сын привез весь пионерский реквизит. Но самым большим предметом зависти учеников всей семилетки были его металлические коньки и пионерский горн

В шестой класс я ехал на попутной повозке не один. Со мной ехал в 5-й класс Щербаков Петр. Он в 1932 году закончил четыре класса и два года работал ездовым на председательском тарантасе. Это его старшая сестра Ирина училась вместе со мной и в этот год уже успела выйти замуж за одноклассника Петра.

Как я уже писал, к нам на жительство перешла бабушка по линии отца, а меня приютила ее дочь, моя тетя и бывшая нянька Аксинья. Я помнил ее свадьбу, а теперь у нее были дочь Вера четырех лет и в колыбельке сын Петя. Жили они еще беднее нас, и все продолжилось по-прежнему Петр Щербаков тоже квартировал у своей тетки метрах в двухстах от нашего дома. Почти каждый вечер мы встречались у него или у моей тети. Кроме выполнения домашних заданий, я присматривал за малышом. Школьный процесс повторялся без малейших изменений, разве что появились учебники. Классные руководители распределяли их за плату, теперь всем хватило учебников и тетрадей, обложки на которых украшали портреты наших писателей-классиков, атак как страна широко отмечала вековой юбилей гения русской поэзии Пушкина, то, кроме его

изображения, печатались и его стихи. Ей-богу, это было здорово! Может быть, эти обложки со стихами великого нашего соотечественника дали нам возможность почувствовать вкус поэзии, поскольку ни в станице, ни в школе не имелось библиотеки.

Школа

Еще об одной моей жизненной удаче в школьные годы я вспоминал не раз. В марте я вернулся домой на весенние каникулы. Именно в эти дни у нас проживали несколько родичей, бежавших от голода. В хуторе меня тепло встретил директор школы Петр Артемович, который сообщил о том, что в мартовские каникулы он организует для четырехклассников экскурсию в город Армавир и предложил мне поехать с ним. Я не рассчитывал, что мать согласится на это, но произошло обратное. Она дала согласие и сделала взнос пять рублей на железнодорожные билеты, а питаться мы должны были своими харчами. Плохо знал психологию ребят наш директор, да еще в наступивший голодный год. Мать из остатков муки сделала тесто и решила выпечь мне хлебцы в виде булочек. В тесто каждой из них она закатывала по куриному яичку и выпекала. Получился десяток таких булочек. Еще она дала мне как неприкосновенный запас краюху хлеба и кусочек сала. На десерт положила в сумку несколько яблок из засола в капусте и сухих груш.

На следующий день группа из семи человек учащихся во главе с директором школы выехали с очередным обозом в город Баталпашинск. На телегах колхозники везли кукурузные початки для сдачи в государственную поставку на элеватор. Заметьте, был март месяц, а колхоз все еще расплачивался за минувший хозяйственный год. Теперь представим себе езду на телеге по нашим грунтовым дорогам, особенно по населенным пунктам, где от ежедневных прогонов стад грунтовая дорога превращается как бы в стиральную доску. Езда по ней на телеге становится невыносимой. Но лучше плохо ехать, чем мы увидели, как отливают гири для весов. К вечеру нас определили в одну из школ на ночлег в классе на партах. Здесь впервые мы увидели школьные уборные внутри самого здания. Это, в нашем понимании, было просто невероятным...

На следующий день учитель повел нас в цирк-шапито. Не стану описывать подробности нашего восторга от всего увиденного и услышанного. Там мы смотрели решительно все впервые и для многих на всю их жизнь. Наше автономное питание сухим пайком подходило к концу. В ночь мы снова на вокзале. Учитель стоит у касс за билетами, а мы стайкой сидим на полу в углу вокзала, который забит беженцами с Украины. Голодных и распухших от голода полно на вокзале и рядом с ним. В ожидании учителя я уснул и не заметил, как один старик снял с меня мою кубанку. Какое счастье, что мать настояла взять с собой

башлык, который спас меня в те еще морозные дни. Вернулись мы в Баталпашинск утром. На нашу беду ни одной повозки с хутора на постоялом дворе не оказалось. Обогревшись в хате и доев остатки, мы решили шагать 50 километров домой пешком. Наставник наш согласился, да и не было другого выхода. Шли без остановок двенадцать часов голодные и усталые, преодолев два перевала. В полночь прибыли на хутор Фроловский, тоже отселенный из станицы Исправной. Кое-как учитель распределил нас по хатам, где мы уснули кто на печке, кто на лавках. Добрые люди, чем смогли, тем и поделились с нами в завтрак. До своего хутора оставалось еще 24 километра, которые-то и оказались самыми трудными. До своего хутора смогли добраться только во второй половине дня. Пропажа моей кубанки обошлась небольшим упреком. Назавтра мне предстояло снова идти с ношей на плечах в Исправную.

Учителя, конечно, старались прививать нам чувство прекрасного, но в тех ужасных по нищете условиях большего они ничего не могли сделать. Право же, до самых заморозков мы ходили в школу босиком. С наступлением морозов одевали любого размера родительские недоноски на плечи и на ног и. Подкармливались со школьного котла в большую перемену.

Что сохранилось в моей памяти. Это прежде всего так называемые литературные вечера каждую субботу.

Проводились они в нашем широком коридоре. У нас был замечательный преподаватель по трудовому обучению, Он был из тех «беглых» от голода с Украины, который пару лет переживал в станице страшный голод 1933 года. Он очень плохо говорил по-русски, но мы понимали его украинский лучше, чем свой родной «перевертень». Его первейшие навыки в плотничьем деле сохранились в моей памяти до пенсионного возраста. За урок каждый из нас должен был выстрогать одну штакетину для школьной изгороди. Под его руководством мы сами смастерили из отходов скамьи для зрителей нашего зала (коридора), изготовили однотипные рамки для классных стенгазет, кое-что из спортивного инвентаря и дворовых игр. Но вернемся к нашим литературным вечерам, которые посвящались, как правило, одному из изучаемых по программе наших классиков. Старались занять всех учащихся класса. Рассказывалась биография, читались стихи, иногда готовились небольшие отрывки из пьес. Потом непременные частушки под балалайку и гимнастические упражнения с пирамидами, на которых в самом верхнем третьем ярусе всегда держался я, стоя и отдавая пионерский салют. На Новый год, в то время впервые, разрешили устраивать праздничную елку. Все игрушки, вплоть до восковых свечей,

изготавливали дети. Отмечали и встречу весны в станичном клубе. В последний год моей учебы эти вечера проводились уже в своем школьном клубе, оборудованном в старой бывшей церковно-приходской школе

В 1935 году в нашей стране было установлено высшее воинское звание Маршал Советского Союза В числе первых пяти был и С М. Буденный. Даже в нашей глубинке все дети знали о нем. Именно в 1936 или 1937 году в одном из детских журналов была опубликована пьеса «Детство маршала», которая заинтересовала нашу классную руководительницу Прасковью Михайловну Полозкову. Она решила поставить ее на нашей клубной сцене, а заглавную роль Семки единогласно было поручено сыграть мне, хотя задатков у меня не было никаких, как, впрочем, и у других тоже.

Но я дал согласие, и общими усилиями мы начали подготовку. У меня была неплохая память, и с третьей репетиции я уже знал всю пьесу наизусть, а не только свои слова. Станичные проказы молодого парнишки были близки многим из нас, и я с ними справлялся неплохо. Но там была сценка, проходившая на базаре, когда Семка в споре переплясал цыгана. Танцам нас не учили, поэтому я много раз отказывался от этого эпизода, а так как это был один из важнейших моментов замысла всего спектакля, то мне пришлось имитировать пляску в тесном кругу своих станичных сверстников, которые скрывали мое неумение от зрителей Спектакль имел успех, и его показывали дважды. Именно тогда мы учились аплодировать — делать «ладушки». В учительской школы стояла фисгармония (вроде маленького органа), но на ней никто не мог играть (Этот невиданный инструмент в станице был презентован школе вместе со зданием попечителем Мамонтовым.) На всю станицу был один гармонист, и тот слепой. Играл он только плясовые наигрыши, да и те весьма плохо, так как, видимо, не имел слуха и вечно был пьян, поскольку играл на всех свадьбах и других торжествах. Главным музыкальным инструментом была в те годы балалайка.

Весной 1936 года, когда заканчивалась учеба в наших двух выпускных классах, у меня начались прежние приступы малярии, проболел я более двух месяцев и вернулся в школу, когда закончились экзамены. Так как мне только 18 сентября исполнялось четырнадцать лет и я все равно не мог быть принят ни в один из техникумов, а восьмого класса в нашей школе пока не предвиделось, то директор порекомендовал родителям оставить меня повторно в седьмом классе. Так мы и поступили, хотя мне было малоинтересно повторять программу. На четвертую мою школьную зиму в отрыве от дома родные

определили меня по просьбе отцовой двоюродной сестры тетки Лукерьи к ней на квартиру, так как своих детей в этой семье не было. Дом у них был «кулацкий» — из трех комнат с верандой. Ее муж ранее был в отряде самообороны, за что и был пожалован этим домом, реквизированным у «богачей». Тетя и ее муж работали в поле. Возвращались поздно, а я присматривал за всем их хозяйством: давал корм свинье, овцам, курам, рубил дрова к каждой топке, делал уборку. Тетя была рада такому помощнику по хозяйству. Я приносил с хутора свои харчишки, как и прежде, однако питался гораздо лучше, так как у них имелась корова, молоко бывало всегда во всех видах. Тетя делала закваску-то, что ныне мы называем кефиром, — помещала ее из кувшина в холстяную сумку, с которой стекала весь день сыворотка, а утром она разбавляла свежий творог свежим молоком и мы ели его с горячими кукурузными лепешками. Питались в этот год гораздо лучше.

Именно в это время появились книжки и в нашей школьной библиотеке. Это было событие! Я каждую неделю менял книги и зачитывался ими на русской печке при свете каганца — керосиновой лампы без стекла. Как я сожалел о хуторском электричестве, но здесь его еще не было. Имевшийся двухтактный дизельный двигатель приводил во вращение динамомашину, которая могла осветить только сельский совет, колхозные конторы и станичный народный дом — «Нардом», как именовали тогда клуб и кинозал в одном понятии. Детские сеансы бывали каждую субботу, однако не всегда бывали 25 копеек на билет. Но и тут был найден выход. Однажды колхоз «Коминтерн» решил за счет колхоза показать всем своим членам в праздничный день кинофильм. Закупили в клубе билеты, а пропуск в зал организовали сами. Билеты с непогашенным «контролем» были списаны и выброшены. Мой приятель подобрал их, и мы до конца года проходили по ним, стараясь заранее узнать только расцветку «квитка», чтобы не распознали на контроле.

Самым любимым занятием в эту зиму была громкая читка приносимых мной книг из школьной библиотечки. Это была такая же страсть, как теперешние телесериалы. Тетя вязала шерстяные чулки, а я в «гул» читал книги о совершенно другой жизни, о переживаниях героев, о любви и войне, о городах и других странах. К тому времени я уже успел один раз прочитать все три книги «Тихого Дона» и «Поднятую целину» М. А. Шолохова. Теперь я вторично «смаковал» каждую сказанную фразу, обсуждал каждый поворот событий и восхищался мастерством автора, так прекрасно передавшим наш жизненный казачий уклад и язык на страницах трех прочитанных томов. Потом, спустя два года в

журнале «Роман-газета», мне довелось прочитать и четвертую, последнюю книгу, удостоенную сначала Сталинской, а впоследствии и Нобелевской премии, хотя она была присуждена позднее — в послевоенные годы. Не скрою, всякий раз, когда мне приходилось отправляться на особенно опасные боевые задания, а они в пехоте на переднем крае сопряжены с огромным риском, почему-то всегда подступала горечь обиды, погибну, не дочитав «Поднятой целины»! Конечно, с точки зрения логики сейчас это может показаться смешным, но посмею утверждать, что это было именно так. Закончив эту книгу в 1956 году, мы читали ее в «Правде» по главам, уже тогда предвидя, что продолжения ее не будет. Конечно, все книги когда-то заканчиваются Можно было ожидать ее продолжения, но этого не произошло, как незавершенной осталась и третья шолоховская книга — «Они сражались за Родину». Видимо, надежды и задумки автора не оправдались.

Изменений в нашей школе-семилетке не происходило, только мы перестали получать школьные «горячие завтраки». Наступали медленные и весьма скромные улучшения в экономической деятельности колхозов и самих крестьян. Весной мы продолжали высаживать картофель, кукурузу и подсолнечник на школьных огородных участках, но плодами их в натуре теперь не пользовались. Директор школы, кроме нас, учащихся, видимо, оказывал материальную помощь и учителям. Собранные продукты, скорее всего, продавались, а деньги могли идти на ремонт школьного здания.

Глава 2.
Жизнь в предвоенные годы

Переезд в райцентр

Весной 1937 года отец закончил в районной МТС курсы трактористов. Получилось так; что по руслу нашей реки Большой Зеленчук проходила административная граница Краснодарского и Ставропольского краев. В последний входила наша Черкесская автономная область, куда теперь отходил наш хутор, а наша станица до 1939 года принадлежала Краснодарскому краю. Наш райцентр теперь располагался в ауле Хабез и там же организовали МТС. За одну зиму отец овладел не очень сложной профессией тракториста, и его после курсов оставили заведовать складом запасных частей для тракторов, автомобилей и всех сельхозмашин. Сняв комнату у местных жителей-черкесов, он основал этот склад и приступил к работе, не имея ни помощника, ни заместителя, ни кладовщика. И это при окладе в 120 рублей в месяц, когда только что начали продавать рабочим хлеб из районной пекарни. Стоимость его была один рубль килограмм черного и один рубль пятьдесят копеек — белого, один килограмм сахара стоил 4 рубля 50 копеек, папиросы «Беломорканал» — 2 рубля 20 копеек пачка.

Отцовского месячного жалованья на семью из шести человек могло хватить практически только на хлеб и то — только на черный, если рассчитывать по полкило на человека. На оставшиеся 30 рублей нужно было покупать все остальное необходимое: одежду, еду и платить за снимаемую комнату. Теперь отец становился «пролетарием-гегемоном» и ему полагался паспорт.

С этой целью он обратился в станичный совет по месту рождения, где ему выдали свидетельства о рождении на всех. На меня и сестер были записи в метрических книгах, так как регистрации производились уже после Гражданской войны, а на отца и мать ничего не сохранилось, так как сколько раз менялась в станице власть, столько раз служивые разбирали на закрутки метрические книги. И после Отечественной войны и полугодовой оккупации не осталось ни одной довоенной учетной книги. Таковы «МЫ» во всем и навсегда. Отцу и матери выдали метрики по записям детей. Из пяти тогда человек членов семьи все мы, из Лебедевых по-уличному и по колхозным спискам

переименовались по метрикам Лебединцевыми, а младшая сестренка Надя и в книгах была записана Лебедевой. При получении паспорта в районе местный сотрудник-черкес решил сократить писанину и выдал отцу паспорт с фамилией Лебединец, как его звали все трактористы и служащие МТС, сокращая окончание. Эту же фамилию получил и младший братишка Георгий, родившийся в 1938 году. Только я да мать впоследствии носили фамилию Лебединцевых.

Короче. Получив свидетельство об окончании семи классов, я вернулся в отчий дом уже не на хутор, где осталась проживать бабушка, а в аул, куда уже переехала мать с сестренками. Если на корову и птицу хозяйка-черкешенка соглашалась, то соседство в одном дворе со свиньей (чушкой) ей совсем было ни к чему. А без откорма хрюшки нам было не прожить. И решается отец на отчаянный шаг. На южной окраине аула до этого функционировал примитивный кирпичный заводик, где русские работяги построили пять землянок. Кирпич давно не производился. Землянки занимали подсобные рабочие МТС. Одна из них продавалась за 100 рублей, и отец, не раздумывая, купил ее. Это сооружение было построено не по чертежам армейских фортификаторов, а по образцу цивильного проживания тогда еще неразвитого социализма. Никто не вымерял ее площадь и кубатуру. Теперь уже невозможно их установить, но есть исходные данные: у одной из стен стояла кровать для родителей, у второй — деревянный топчан для сестренок, между ними помещался небольшой столик, при входе слева стояла небольшая кухонная плита. В комнате было два табурета. Я спал на матраце на полу, матрац надень, естественно, убирался. Были небольшие сени со ступеньками вверх. Котлован был отрыт до уровня узких рамок окон, а выше до двускатной крыши стены были выложены саманом. Чердака, естественно, не было. На продольную балку были положены жерди и хворост, сверху солома, затем замес глины с соломой. Внутренние стены и потолок тоже мазались глиной, потом побелка известью — и дворец пролетариям готов. Правда, места было мало, особенно когда привезли из роддома младенца Жору. Второе неудобство проявилось после ливневого дождя, когда в глиняном перекрытии оказалось с десяток протечек. Мать плакала от сознания того, что еще не жила в землянках, а тут протечки и младенец. Дворика не было, но для коровы стоял столбик, за который мы привязывали животное на ночь. Нашлось место для загона кур, уток. Отец после ночных вызовов в кладовую приносил по три черепицы с уже перекрытого железом сарая. В один из выходных начали крыть черепицей землянку, но после укладки двух рядов продольная балка начала

опасно прогибаться. Пришлось незамедлительно ставить посередине столб-опору.

Наступил сентябрь. Сестренки пошли в школу. Несмотря на то, что аул являлся райцентром, в школе было только семь классов, и я не имел возможности продолжать образование. Только на следующий год обещали сделать восьмой класс.

Я часто навещал отца после обеда, когда в кладовую запчастей завозили хлеб для рабочих и служащих по списку едоков на каждую семью. Отец, вытерев о мешок руки от машинного масла, начинал развешивать хлеб. Однажды механик попросил меня сделать на боковых бортах только что полученной полуторки надписи «Евдокимовская МТС», а на заднем — крупными цифрами — госномер. Работа моя была признана отличной, так как я еще в школе пробовал писать к праздникам призывы на кумаче или обоях. Главный бухгалтер конторы поинтересовался, почему я не хожу в школу. Отец объяснил ему, и тот тут же предложил занять «вакансию» в бухгалтерии — должность ученика с окладом 75 рублей в месяц. Такова была стипендия конторского подмастерья. Я согласился и на следующий день вышел на работу вместе с отцом. Кроме главбуха, Максимова Кондрата Ильича, был его заместитель и четыре счетовода на картотеках. Я их всех знал, а с Ирой Решетниченко заканчивал седьмой класс в 1936. Основной моей обязанностью было приносить утром главбуху пачку папирос «Эпоха». Стоимость ее была 1 рубль 30 копеек. Курил он много, хотя страдал открытой формой туберкулеза. После он бросал через стол какую-либо форму ведомости или отчета и я должен был ее вычертить.

Незаметно пролетел месяц. Заместитель главбуха составил платежную ведомость на зарплату конторских служащих. Последней стояла моя фамилия. С выплатой зарплаты в то время было примерно такое же положение, как ныне в нашей державе с выплатой зарплаты работникам госбюджетной сферы. Задержки бывали по несколько месяцев. Выплачивали небольшими авансами на хлеб. Мою первую получку начислили полностью. Я предполагал, что должен был угостить своих сослуживцев с первой получки, но они решили сделать это с последующей, а в тот раз все мы зашли после работы в сельмаг и купили мне по росту костюм, стоимость которого была ровно 75 рублей. Впервые я чувствовал на своей шее прикосновение суконного воротника. Выходил я из магазина самым счастливым во всем районе. На родителей и сестер это тоже произвело впечатление. На следующий день, идя на работу, я услышал позади себя подавленное сожаление одной женщины, видимо, из станицы

Исправной, которая произнесла такие слова: «Вот как нарядно одет мальчишка. Мне бы купить хоть один такой костюм на троих, чтобы было в чем сфотографировать по очереди на память». А был этот костюмчик весьма прост и дешев, по типу школьной формы, введенной в послевоенные годы, только не серого, а синего цвета. Осталась память о нем на одном из групповых снимков год спустя. А я не застегивался на две верхние пуговицы и купил даже галстук. И это при проживании в самой настоящей землянке. Лет пять тому назад я прочитал очерк известной белорусской журналистки Светланы Алексиевич, который был озаглавлен «У нас сознание людей, выросших в землянке». Ей это чувство было понятным, так как у большинства белорусских семей землянка была связана с понятием «жилье» в послевоенные годы.

Наступала осень, предвестница годового отчета, который должна была готовить бухгалтерия. На эти осенние месяцы разрешалось выплачивать полуторный оклад за вечернее дополнительное время работы. Засиживались мы обычно до полуночи. Я, как и все остальные, под конец «клевал носом». В таком положении в вечерние часы однажды и застал нас на работе совершенно незнакомый человек. Он спросил меня: «Мальчик, а ты что здесь делаешь в такой поздний час?» Пришлось назвать свои обязанности. Он скомандовал мне идти домой, а главбуху учинил разнос за незнание кодекса о труде учеников при подобных учреждениях. Выяснилось, что мой рабочий день должен быть продолжительностью не более шести часов, а о сверхурочных заработках и речи не могло быть. Оказалось, что это был инспектор охраны труда краевого земельного управления. Главбух получил выговор в приказе, а я молчаливый упрек взглядом моего начальника. Он перестал посылать меня за папиросами, покупая их в магазине по пути следования, перестал давать задания, и я пенял, что пора писать заявление «по собственному желанию», что я и сделал по совету отца. Конечно, эта работа была мне не по душе, да меня и не учили ничему.

Через пару недель старшая сестра принесла из школы парочку тетрадей, сшитых в один экземпляр. На обложке была наклеена этикетка земляничного мыла и стояла надпись: «Альбом». В нем были переписаны пара стихов. Сестра попросила и меня внести посильный вклад в юное ученическое творчество. К тому времени я уже был постоянным читателем районной библиотеки. Читал в основном журнал «Новый мир». Полистав немного, я нашел приличествующий данному случаю стих, видимо Ахматовой, в котором были такие строки: «О всем, что

чувствую и знаю, я рассказать тебе хочу. Но почему же я вздыхаю, но почему же я молчу...» Потрудился и акварелью нарисовал букет роз. Сестра была в восторге и отнесла подружке. А там альбомчик пошел гулять по партам, пока не попал в руки заведующего учебной частью, тот предъявил улику директору семилетки, и через мою сестру последовало приглашение в школу не родителей, а самого виновника, совращающего любовными виршами шестиклассниц. По крайней мере, из рассказа сестры я это понял недвусмысленно. Утром с сестрой проследовал в школу. Постучал в учительскую, где меня встретил и директор и завуч. Положили передо мной улику и спросили: «Ты писал?» Отрицать было бесполезно, и я предъявил журнал, из которого переписал стишок. Они похвалили мой разборчивый почерк, спросили, чем занимаюсь. Я впервые рассказал свою еще небогатую биографию. Узнали они и о моем «трудовом стаже» и тут же предложили дело — занять должность счетовода-библиотекаря в этой школе. Я справился: «И что буду получать за это?» — «Конечно, 150 рублей в месяц», — ответил он. Я очень был удивлен, сравнив сразу с отцовским окладом в 120 рублей при ненормированном рабочем дне. Отца почти каждую ночь поднимали с постели, чтобы он выдал порванный ремень или сломанную шестеренку. Попробуй не выдай. К утру будешь «врагом народа». Конечно, я признался откровенно, что в бухгалтерском «лицее» я не получил никаких навыков и вряд ли смогу делать начисление заработной платы учителям. На это директор мне ответил чистосердечно: «Я и сам еле с этим справляюсь, твое дело будет переписать начистую да сделать ведомость на уборщиц, себя и завхоза. А библиотеки как таковой пока в школе нет. Будем ожидать поступление книг». Конечно, я был очень рад такому назначению, да и окладу, превышавшему отцовский на 30 рублей. Но более всего я был доволен тем, что вливался в коллектив, где директор и завуч были замечательные молодые люди, только что закончившие двухгодичные учительские институты и продолжавшие учебу заочно. С учителями предстояло познакомиться впоследствии.

Дома мать обрадовалась прибавке к отцовскому окладу, а у него самого помутнели очи, когда он узнал о такой несправедливости в расценках заработной платы, но ничего не сказал, а только спросил: «А справишься ли, сын?» Я ответил, что директор обещал научить. Я исполнял все просьбы директора и завуча, даже сводное расписание переписывал, завел личные послужные дела на учителей, закупал краску для ремонта, топливо. Здесь, в школе, уже существовала первичная комсомольская организация, и меня приняли в ее ряды. Это было

непременным атрибутом молодежи тех дней. Работать мне было легко. Директор поручал возглавлять многие спортивные и оборонные секции, в частности по стрельбе из малокалиберной винтовки, для выполнения норм на значки «Юного Ворошиловского стрелка», «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Готов к противовоздушной обороне» (ПВО) и «Готов к санитарной обороне» (ГСО). Конечно, все нормативы были детскими, и почти все школьники были «значкистами». Спортивное общество района ставило рекорды по охвату школьников в свои секции, чего еще не было в то время в станице Исправной и в помине.

В праздничные майские дни школьные классы выводились под руководством преподавателей и классных руководителей на шествия по главной улице. Демонстранты несли знамена, находясь при спортивных знаках отличия, и непременно исполняли в строю песни. С русским языком у учащихся было не совсем благополучно, поэтому самая популярная в то время песня звучала примерно так: «На наша (шей) граница (це) стоит пулимот (пулемет), на ном (нем) управляет советский народ...» — потом припев без слов: «Гайда — да — райда...» Да, так тогда было, хотя в десяти километрах в моей родной станице школьники в тот год еще не видели и этих значков. А зависело это от одного человека — спорт-организатора «Осоавиахима» района. Было тогда такое добровольное оборонное общество. Шли по пыльным улицам босиком, радуясь весеннему солнцу и звону полного «банта» спортивных знаков, так как три последних подвешивались на цепочках» как гири от часов «ходики». Преподавателями в то время в национальных школах были преимущественно мужчины, так как только начинался процесс раскрепощения девушек-горянок мусульманского вероисповедания. Возглавляли начальные классы учителя из бывших красноармейцев. Когда-то они окончили по два-три класса, потом работали, были призваны в армию, а вернувшись домой, были назначены учителями начальных классов, хотя бы потому, что были в военной форме и не только видели, но и даже ездили в поездах. Их брали на работу в районные учреждения, избирали председателями колхозов и бригадирами. Таков был почет и уважение бывшим служивым не только среди мелких горских национальностей, но и в русских селах и станицах, нередкими были случаи, когда учитель имел два класса образования, а вел третий или четвертый класс.

Бедность была во всем, особенно сильно проявлялась в одежде и обуви, в том числе и учителей. В магазинах товаров просто не было. Когда привозили одежду или ткани, то у

магазинов бывали давки даже со смертельным исходом, так как понятия об очередях в те годы в селах и аулах не существовало. Ситец можно было приобрести только за сданные заготовителю яйца. Костюм мне купили только потому, что он был многим не по карману. Видимо, по этой причине красноармейская форма, в которой уходили со службы военные, считалась предметом вожделенной мечты каждого молодого человека, особенно учителей. Но не вечной была хлопчатобумажная ткань цвета «хаки». Гимнастерки и брюки чинились по много раз. Особенно престижным было иметь армейскую фуражку со звездочкой на околыше. Обычной летней одеждой учителя начальных классов в те годы была мужская в полоску сорочка с галстуком, но не в брюки, а навыпуск и непременно с поясом, желательно армейским, в крайнем случае, его можно было заменить кавказским наборным ремешком или, на худой конец, веревочным с кистями. Брюки должны были быть непременно галифе, хотя сапог ни у кого не было. Да и обычных ботинок не было. Жены сами шили из войлока старой бурки домашние «шлепанцы», как мы теперь понимаем, а тогда это была обычная обувь в сухую погоду. В грязь она, конечно, была непригодна, приходилось надевать любую старую кожаную обувь, чтобы добраться до школы и обратно.

С фотографией в те годы было плохо. Делали карточки только для паспортов. Снимки школьных классов ни по окончании, ни перед началом учебного года не делали. «Мода» на фотографию была отменена в период голодных лет, да так и не восстановилась. Первой фотографией в моей жизни оказался групповой снимок в 1932 году всех ребят хутора, куда попали первый председатель, отец наш, как кладовщик колхозного склада, и наши две наставницы. Несмотря на жаркое лето, все мы в шапках-кубанках. Впереди сидящие дети на земле не скрывают своих грязных пяток босых ног. Потом получился разрыв до самого 1937 года, когда наша семья сфотографировалась после окончания мной седьмого класса. Очень жалко, что теперь невозможно найти этот снимок с учителем в описанном наряде в центре.

Учеба в Ессентуках

После выпуска седьмых классов начались летние каникулы, многие учителя и директор уехали на летние сессии в заочных педагогических институтах. В эти дни меня вызвали в районный отдел народного образования (РОНО), где мне было предложено отправиться на трехмесячные курсы библиотекарей в город Ессентуки на Кавминводах. Конечно же, я с удовольствием согласился! Там уже два года функционировал библиотечный техникум, но выпусков еще не было, а библиотеки нуждались в специалистах. Я поехал с охотой, так как в школу начали поступать детские книги.

В техникуме начались летние каникулы, а в здании и общежитиях проходил ремонт всех помещений. Слушателей наших курсов поместили в Доме колхозника. Эго было не такое уж плохое место проживания на три месяца. Нас, семь парней, поместили в одну комнату, а 23 девицам и дамам был отведен отдельный зал. Нам выплачивали стипендию в 100 рублей. На эту сумму мы питались в основном с рынка, покупая хлеб, селедку с помидорами, иногда брали ливерную колбасу, а вместо чая запивали обеды, завтраки и ужины нарзаном, которого было в этом городе бесплатно «от пуза».

Занятия с нами вели преподаватели и сама завуч техникума, которая курировала наши курсы. Изучали мы только самое необходимое: библиотечное дело, работу с читателями на абонементе, классификацию литературы по разрядам и русскую литературу. Эта наука давалась мне чрезвычайно легко. Скоро я знал деление книг на десять отделов, каждый отдел делился на подотделы и т. д. Все это я запомнил твердо и быстро. Курсовые занятия проходили в читальном зале городской библиотеки. Ежедневно было по шесть часов занятий, на которых все воспринимали «на слух». В перерывы мы выходили на главную улицу, именовавшуюся тогда Интернациональной. Через улицу была изгородь курортного парка. Мы покупали один билет на месяц за один рубль и проходили в паре поочередно, передавая билет тут же другому через металлическую изгородь. На мое великое счастье, именно в эти месяцы вышли два номера журнала «Роман-газета», в которых публиковалась четвертая книга «Тихого Дона» М. А. Шолохова. Я успел дважды прочитать этот заключительный том и вместе с героями романа постоянно был под впечатлением пережитого и узнанного о Первой мировой и Гражданской войнах.

После третьего часа занятий у нас бывал

пятнадцатиминутный перерыв. Наша стипендия позволяла угощаться мороженым. Это лакомство в те годы не продавалось в расфасованном виде. Хранили его в бидонах, которые стояли в еще большей емкости. Пустота заполнялась битым льдом, который заготавливали с зимы и сохраняли в ледниках. У продавщицы была круглая формочка с выталкивателем в донышке. Первоначально на донышко вкладывался кружочек вафли, ложкой в форму накладывалось мороженое, накрывалось снова вафлей, и стержнем в рукоятке выталкивалась порция мороженого. Стоимость его была в зависимости от сортности от 15 до 40 копеек.

Среди женской «половины» курсов, составлявшей более трех четвертей от общего числа, были и замужние: староста Настя, Шура и другие. Я стал замечать, что в перерывы Шура окидывает меня взглядом, как удав кролика. Через пару дней она попросила: «Девушки, крепче удерживайте Сашу за обе руки, я его сейчас зацелую до полусмерти».

Девушки действительно взяли меня за обе руки и пытались удержать, а она подступала ко мне с решительным намерением. Это было вторым для меня испытанием после того, как в пять лет чуть не зарубил свою тетку Аксинью. Я, конечно, вырвался из рук и отбежал на приличное расстояние, вызвав бурный хохоту всех. Назавтра это повторилось снова. Но прервал звонок на урок. Староста группы Настя посоветовала мне не показывать смущенного вида и сказать примерно следующее: «Ну что ж, Шура, ты красивая, я согласен, давай поцелуемся». В следующий раз я так и поступил. Шура смутилась и после перестала шутить вслух, но «глазки» мне продолжала строить.

Последнюю неделю все мы проходили производственную практику в библиотеках города и санаториев. Чтобы кто-то не убежал домой раньше выпуска, нам на неделю задержали стипендию, и мы буквально остались голодными в чужом городе. Все мы ходили от этого злыми, что и заметили сотрудницы главной курортной библиотеки, где проходили практику парни. После выяснения причины сотрудницы начали подкармливать нас своими запасами и мы с миром завершили программу. В один из этих дней я поздно возвращался из летнего кинотеатра через курортный парк. Было пустынно на всегда заполненных днем аллеях. По сторонам на полянках была выкошена трава и стояли копны сена. Из-под одной из них вспорхнула парочка и сразу разошлась, кавалер — в ближайший санаторий, а барышня, в которой я узнал нашу старосту Настю, шла впереди меня, отряхивая былинки сена с платья и прически. И тут она узнала меня. Настя взяла меня под руку и спросила, голоден ли я. Я

ответил утвердительно, она направилась к ближайшей открытой забегаловке и потребовала десяток горячих пирожков с требухой и две кружки пива. Поужинали мы с ней на славу. На следующий день к Насте пришел, видимо, тот же «хахаль» прямо в общежитие. Чуть позже, мы, парни, сидели на ступеньках крылечка, возле нас остановился молодой мужчина в очках и спросил, не знаем ли мы Настю. Я догадался, что это ее муж, и тихонько улизнул, чтобы предупредить Настю о нежданном госте. Любовника как ветром сдуло из нашей «общаги», а она с распростертыми объятиями пошла встречать супруга. За день до выпуска в нашей мужской комнате появилась Настя с большим подносом винограда и бутылкой Прасковеевского вина. Она поцеловала меня в щечку и сделала всем «ручкой». Ее супруг в районе редактировал многотиражку и ничего не знал о ее флирте с курортниками.

Утром нам вручили удостоверения о присвоении классности. Я, да и другие были немало удивлены, когда удостоверение по третьему разряду вручили только мне одному, всем другим — второй разряд, а одной — даже первый, самый низший. Я слышал, что третий разряд присваивался только после окончания техникума с хорошими и отличными оценками.

На прощание и Шура поцеловала меня в щечку и просила не обижаться за ее шутки. Возвращался я в свой район полным надежд и необходимых знаний, чтобы использовать их на практике.

Библиотекарь

Конечно же, я надеялся, что меня ожидает прежнее место в школе, но мне предстояло появиться в РОНО, который направлял меня на курсы. Встретила меня инструктор культурно-массовой работы РОНО Зурият Тлисова. Видимо, она была единственной в районе женщиной-горянкой, бывшей членом партии. Она же и посылала меня на курсы. Прочитав мой документ, с ходу объявила, чтобы я немедленно приступил к приему районной библиотеки, так как ее заведующая, жена начальника районного отдела НКВД, и ее сотрудница, жена районного военкома, должны быть обе освобождены в связи с переводом их мужей в областной центр к новому месту службы.

Начало моей новой работы осложнилось тем, что райком партии выселял библиотеку из двух хороших комнат на втором этаже районного Дома культуры. Дело в том, что другие комнаты на этом этаже занимал партийный кабинет райкома партии и он решил райкомовскую библиотеку разместить вместе с ним, переместив районную библиотеку на первый этаж в помещение, которое было в два раза меньше прежнего. Усложнялось положение еще и тем, что я был один, без сотрудницы. (Должен сказать, что популярность райкомовской библиотеки на новом месте ничуть не повысилась. У них по-прежнему было «пусто», а у меня «густо».) Читатели любили районную библиотеку за то, что здесь можно было прочитать газеты, журналы, получить книгу и даже сыграть партию в шахматы или шашки. Это противоречило статуту читального зала, но излишнего шума не создавало. Я в одиночку перенес все книги вниз в новое помещение, установил стеллажи, расставил все книги согласно классификации и приступил к работе на новом месте.

Вскоре появился постоянный читатель — инструктор райкома партии. Но он пришел не за очередной книгой для чтения, а принес обширный список врагов народа, которые были репрессированы, а книги их изымались из библиотек и подлежали уничтожению, сначала сожжением, а позже они перерабатывались на бумажных фабриках. Когда с вредными книгами было покончено, я спросил инструктора, а как быть с теми книгами, где фамилии «врагов народа» упоминаются в тексте. Он не знал, что мне ответить, и из партийного кабинета позвонил секретарю райкома, но и тот ничего определенного не смог сказать. В Полном собрании сочинений Ленина на титульном листе стояли фамилии трех редакторов, среди которых был Бухарин.

Эту фамилию мы широким плакатным пером во всех томах зачеркнули черной тушью. А книги «врагов» вынесли во двор и предали огню, так как не разрешено было оставить их для использования на растопку печи.

Обратив внимание, что я работаю один, инструктор предложил свою жену в сотрудницы библиотеки. Я быстро ввел ее в курс дела, и она неплохо работала. Но наступила зима. Топлива нам не отпускали по бедности нашего района. Моя сотрудница пыталась согреваться, заигрывая и толкаясь со мной плечами. Вскоре она уволилась. Я заказал в штемпельно-граверной мастерской в Пятигорске печать и штампы.

К весне появился новый заведующий районным клубом Туманов Константин, громко именовавший себя директором Дома культуры. Летом отец и мать решили вернуться в свою хату на хуторе, где временно проживала бабушка, которая хотела перейти в Исправную к дочери Аксинье, у которой было трое маленьких детей. Я решил временно оставаться при своем деле. Мы с Костей в доме напротив сняли комнату, перетащили туда постели и зажили холостяками. Днем делали прополку на огороде, оставленном родителями. Мать оставила мне примус, и я на нем готовил еду. Мы вместе с Костей входили в одну систему народного образования, подчиненную инструктору Тлисовой. Она требовала готовить самодеятельные коллективы, и Костя вовлек меня, своего массовика, моего друга Ивана, машинисток из нарсуда и райисполкома Марию и Анну в самодеятельность. Мы подготовили несколько коротких водевилей, вроде чеховского «Юбилея». С большим успехом выступали сначала в своем, а потом и в клубах других аулов. О нашей затее писали даже в областной газете. Регулярно демонстрировались в клубе кинофильмы, хотя райцентр по-прежнему не был электрифицирован. Кинофильмы показывали с помощью клубного движка, хотя шел уже 1939-й год.

Аня была замужней и имела ребенка, Мария работала в суде секретарем и была года на два старше меня. Отличалась неповторимой восточной красотой и имела многих почитателей в райцентре. Со временем она стала оказывать мне некоторые знаки внимания, вроде Шуры в Ессентуках, но я не имел опыта амурных дел, хотя она мне нравилась. Однажды она ущипнула меня за щеку, я ухватил ее за кисти рук, она положила свою голову мне на плечо, и я поцеловал ее в щечку, как маленького ребенка. Она быстро выдернула свои руки, и я приготовился получить пощечину. После некоторого смущения она произнесла: «Саша, да ты еще и целоваться не обучен». Это делается вот так... и преподала мне урок затяжного поцелуя, от которого у меня

перехватило дыхание. Потом все репетиции заканчивались уроками поцелуев. Я догадывался, что и Анна была ко мне неравнодушна и ревновала. Но все закончилось тем, чем должно было завершиться. Убрав огород в Хабезе, мать и отец попросили меня уехать с ними снова на хутор, так как приближался год моего призыва. Моя начальница Тлисова несколько раз выспрашивала меня о том, сможет ли она справиться с обязанностями заведующей. Я заверил, что с хорошей сотрудницей она справится вполне и передал ей все налаженное хозяйство. Особенно ей нравилось ставить печать и штампы на книгах. Я прощался с двумя годами моей первой трудовой деятельности, с друзьями, которых у меня оказалось немало, и первой любовью, научившей меня искусству поцелуев.

Пионервожатый

К этому времени моя родная станица становится райцентром и переходит из Краснодарского края в Черкесскую автономию. Район был маленький — всего две станицы и два хутора, объединявших с десяток колхозов. Теперь уже и на хуторе была семилетка, а в Исправной НСШ развернули в полную среднюю школу. В новом райкоме комсомола мне предложили в третий раз сменить профессию и послали на учебу в Пятигорск в Краевую школу старших пионервожатых, которая базировалась при педагогическом институте. Я никакого желания не имел, но тут было комсомольское поручение, от которого по тем временам отказываться было не принято. Да и в окладе я не ущемлялся. Оклад и стипендия были 200 рублей. Учеба наша продолжалась с 1-го декабря 1939 года по июнь месяц 1940 года. По численности эти курсы были в два раза большими, чем библиотечные. Всего было 55 человек курсантов, разделенных на две учебные группы. Как и в Ессентуках два года назад, мы изучали свои предметы на слух, не имея учебников по главным предметам, кроме литературы и исторических дисциплин. Вели записи в виде конспектов. Начальник школы и заведующий учебной частью были штатными. Они же вели и главные дисциплины по профессиональному обучению, остальные — приватные из пединститута.

Первоначально лекции проводились в аудиториях института. Там же в студенческой столовой питались, проживали в студенческих общежитиях или на частных квартирах, преимущественно в полуподвальных помещениях. Нас было четверо в одной такой комнатке. В Пятигорске началась для нас и там же закончилась война с Финляндией. Примерно в марте всех студентов и нашу школу убрали из здания института, обратив его в пункт формирования команд, призываемых из запаса. Для занятий нас перевели в замечательное помещение, которое до революции построил для себя главный инженер железной дороги. Это был двухэтажный особнячок, выполненный с большим вкусом и художественным мастерством. Конечно же, его присвоила себе руководящая и направляющая партия большевиков, обратив под парткабинет, пустовавший, как и везде, без особой надобности. Студенческую столовую перенесли в парк «Цветник», где в зимнее время пустовало двухэтажное здание курортного кафе.

Наш завуч Шевченко Григорий Михайлович «натаскивал» нас по предмету пионерского дела и международного детского движения. Мы изучили все формы пионерской работы,

руководящую роль партии и комсомола, проведение лагерей и всех спортивных мероприятий. Одновременно мы изучали историю партии и советского государства. Григорий Михайлович был одаренным человеком и всеобщим любимцем. Ко мне он питал особенное чувство старшего наставника и сделал для меня за полгода больше, чем другие за семнадцать лет моей тогдашней жизни. Он строго следил за выбором мною книг для чтения и руководил подбором авторов. Питался он вместе с нами в студенческой столовой, но выходили мы из нее часто с чувством недоедания. Каждый день мы проходили мимо одного из кафе в подвальчике, и он всегда приглашал меня на чашку кофе со всевозможными ватрушками чувствах. Но не всегда сходятся чувства двух сердец... Наступил день прощания. Расставались с большим сожалением, увозя с собой фотографии и библиотечку книг, которой меня и пять человек других отличников по всем двенадцати предметам обучения наградили за отменные успехи.

Мои родные сообщили мне в последнем письме о том, что переехали на новое место жительства в греческое село Спарта Кувинского района с райцентром в ауле Эрсакон. Видимо, самой судьбой было уготовлено нашей семье жить в землянках. Здесь стены были из самана без потолка с двускатной крышей из глины с неизбежными протечками во время ливней. Мать и отец работали осень в колхозе. Прибыв под отчий кров, я на следующий день пошел в районный центр, находившийся в пяти километрах. В райкоме комсомола обрадовались моему появлению и решили с началом учебного года назначить меня старшим пионервожатым в средней школе, а сейчас в таком же качестве быть в районном пионерлагере. Это была первая затея районного начальства — создать пионерлагерь на общественных началах в одной из школ. Питание предполагалось брать натурой из тех колхозов, которые послали своих пионеров. Сами дети обязаны были привезти постель, миску, ложку и кружку. Из-за отсутствия продуктов в колхозных кладовых детей вскоре пришлось отпустить по домам.

С началом учебного года я обратился к своим прямым обязанностям. Представился директору школы. Это был больной туберкулезом человек, осетин по национальности, по фамилии Валиев. Он представил меня учительскому коллективу, и я приступил к работе. Вместе с комсоргом учителем Физиковым мы распределили комсомолок-девятиклассниц отрядными вожатыми в каждый из младших классов. Работа эта была мне не по душе, так как в ней не было шаблонности. Я понимал, что все эти пионерские сборы являются дополнительной нагрузкой на занятость учащихся в стенах школы, хотя им еще предстоит дома

готовить уроки и почти в каждой семье что-то делать по хозяйству. Конечно, некоторые пионеры занимались стрельбой и в других оборонных кружках, получая в виде поощрения значки. Кроме того, я уговорил директора школы зачислить по совместительству клубного капельмейстера в качестве преподавателя пения, так как его трубы бездействовали. В школе он отобрал ребят, имевших хороший слух, и принялся обучать их игре на духовых инструментах. Это полезно было самим детям, клубу, школе и в целом всему району. К Октябрьским праздникам оркестр уже мог играть «Марш авиаторов» и «Марш физкультурников» во время демонстрации в райцентре. Обучение продолжалось, и к новому, 1940 году исполняли и несколько несложных песенок.

Вторым значительным мероприятием для школы явилась новогодняя елка. Проводилась она в школе впервые, и всю ответственность за ее организацию я брал на себя. Денег в школе, как всегда, не было. Я написал об этом в краевую комсомольскую газету «Молодой Ленинец». Статью опубликовали, и вдруг меня приглашают в районный финансовый отдел и выдают 30 декабря 200 рублей на покупку игрушек для елки. Конечно же, их в магазине нашего аула не имелось. Я срочно выехал за ними в город Невинномысск, а завхоз привез из леса натуральную ель, и мы принялись ее украшать. Провести встречу Нового года в полночь мы не могли по такой прозаической причине, как отсутствие в районе электроосвещения. Не встречать же Новый год при керосиновых коптилках! Елка была установлена в пионерской комнате. Оркестр исполнял новогоднюю песенку и марши Каждому классу (пионеротряду) отводилось определенное время. Дети водили хоровод и восхищались невиданным зрелищем, конечно, и не помышляя в то время о новогодних подарках. Я предложил директору раздать детям елочные игрушки, но, подумав, он решил этого не делать, так как неизбежными могли быть нарекания и обиды ребят оттого, что кому-то достались лучшие, а кому-то похуже. Да и на верилось, что в следующем году финансовые органы окажутся столь же щедры. Никто тогда не знал, что это была первая и последняя предвоенная встреча Нового года с елкой. Директор поблагодарил меня за успешно проведенное мероприятие. Учителя принялись разбирать елочные украшения и, естественно, разобрали лучшие игрушки по своим сумкам.

Руководитель оркестра показал мне повестку военкомата о призыве его на службу, он страшно переживал, обдумывая пути, как избежать призыва. Я, наоборот, прекрасно осознавал неизбежность этого события в моей жизни и относился к этому

соответственно. Жизнь и работа были однообразными. Иногда посещали кино, и только оно вносило некоторое разнообразие в наш повседневный быт. Учителя старших классов были грамотнее, чем в прежней Хабезской семилетке, однако многие продолжали обучение на заочных факультетах педвузов. Начальные классы по-прежнему вели малообразованные учителя, подготовленные после десятого класса на трехмесячных курсах. Они не владели методикой, не хватало и учебников на их родном языке.

Ходить мне приходилось на большое расстояние — пять километров. В дождливую погоду и метели я не возвращался домой, а ночевал в своей пионерской комнате, где имелся диван, а в шкафу были простыня, одеяло и подушка. Обедать приходилось в столовой, а ужинать иногда салом или колбасой с хлебом. В светлое свободное время я по-прежнему много читал. После окончания рабочего дня в школе иногда задерживался холостяк — учитель Физиков. Он был обременен массой общественных обязанностей: комсорга школы, профорга, вел почти все кружки, какие имелись в школе, особенно спортивные и оборонные. Часто оставалась учительница начальных классов Хаджет Умаровна. Она по совместительству ведала школьной библиотекой, хотя книг в ней почти не было.

Была поздняя осень, когда у мусульман проходил месячный праздник рамадан. Весь день верующие не могли употреблять пищу. Это было заметно на учителях местных национальностей. Физиков не придерживался адатов Корана и иногда питался у меня. Он ел даже свиные колбасы и сало. Однажды, перекусив в пионерской комнате, мы вышли в учительскую, где Умарова выдавала книги малышам. От скуки и плохого настроения Физиков начал учительнице-библиотекарше учинять допрос: «Хаджет, ты соблюдаешь у разу?» Конечно, она ответила отрицательно. Тогда он налил стакан воды и заставил ее отпить из стакана. Она не согласилась пить воду, мотивируя это тем, что вода — не угощение кавалера, вот если бы это было вино или лимонад, то есть то, чего у него не было в данный момент. Комсорг пошел в пионерскую комнату, взял кусочек сала из моих запасов и потребовал от нее съесть хлеб с салом. Умарова не рассчитывала на такую его наглость, но он с ожесточенным упрямством настаивал. Физиков был атлетического сложения и огромной силы. Зажав левой рукой ее голову, он насильно стал совать ей в рот сало (!). Я пригрозил вызвать милиционера, районный отдел находился через улицу. Тогда он прекратил издевательства и удалился. Я дал Хаджет кусочек мыла, и она долго мыла лицо, рыдая от такого оскорбления. На следующий

день она не вышла на работу, и мне пришлось провести все ее уроки на русском языке. Как комсорг, Физиков потребовал от меня, как нештатного корреспондента комсомольской газеты нашего края, написать об этом статью. Он продиктовал, я записал, не сообщая о его неприглядных действиях, в надежде не отсылать эту статью, но он захватил рукопись и сам отправил в редакцию. Я умолял судьбу, чтобы статья не прошла, но через неделю поступил номер газеты, которую выписывали почти все старшеклассники-комсомольцы. Статья появилась за моей подписью. От стыда я почти не появлялся в учительской, отсиживаясь в своей комнате. Хаджет Умаровна мечтала отомстить, но как это сделать, не знала.

Однажды вечером Физиков пригласил меня к себе на квартиру на вечерний ужин, за который садились с заходом солнца все правоверные. Хозяйка дома накрыла на стол, Физиков открыл бутылку вина, чтобы отметить перемирие. После ужина он дал мне в руки перечень всех его общественных поручений, которые ему давались последние два года. Их оказалось пятнадцать! Я посочувствовал ему, а он попросил об это написать в ту же газету — Я охотно выполнил его просьбу и отослал заметку в газету. Через пару недель, после получения газеты, снова шум в коридоре, и называются мое и Физикова имена. В учительскую вбегает Хаджет Умаровна и развернутый номер буквально вешает Физикову на нос. Он в растерянности и я не меньше. Оказалось, что к моему столь маловыразительному тексту литсотрудник редакции присовокупил стишок, а художник сделал рисунок, где изображен лежащий Гулливер, а вокруг него торчало пятнадцать колышков, за которые был привязан известный литературный герой. А внизу такое четверостишие: «Когда у комсомольца пятнадцать поручений, то там и тут справляться не сможет даже гений. Легко с таким подходом, когда исчезнет мера, любого активиста связать как Гулливера». Казалось, что физиков должен был радоваться, но он обиделся на меня надолго, а Хаджет даже поцеловала меня в щеку. Вот таким пустякам мы радовались и огорчались в последние предвоенные месяцы.

Курсант

Было начало марта, когда мне и нескольким другим призывникам принесли повестки из военкомата. Поскольку в нашем маленьком районе военного комиссариата не было, то вышли мы вечером и к утру прибыли в аул Икон-Халк. Утром прошли медкомиссию. Затем нас направили в областной военкомат на повторное медобследование для рекомендации в военные училища. Прошел и здесь всех специалистов. Сотрудник военкомата пояснил мне, что теперь нужно ехать в город Орджоникидзе (тогда, а ныне, как и прежде, Владикавказ), проходить там медкомиссию и сдавать экзамены по русскому языку (диктант) и алгебре (письменно). Не уверен, что я получил положительные оценки, но, тем не менее, на так называемой мандатной комиссии мне объявили, что буду учиться. Видимо, мой почти трехлетний стаж работы на разных должностях и последние характеристики от директора и комсорга сыграли положительную роль.

Так как выпуск второкурсников училища должен был состояться на первомайские праздники, то нас отпустили по домам, чтобы вернуться в конце апреля к началу учебы. Дома и на работе встретили меня с радостью. Отец и мать понимали, что служба неизбежна. Я пояснил, что курсантом буду получать в училище 40 рублей в месяц, а по выпуску самый минимальный первоначальный оклад будет 600 рублей. Даже эти деньги казались огромными, так как учителя в старших классах получали не больше 400–500 рублей при полной нагрузке и с институтским дипломом.

Городской трамвай от самого вокзала шел до проходной нашего училища и делал здесь поворот. Выйдя из него, я увидел возвращение рот и взводов с учебных занятий и стрельб. Шли они Военно-Грузинской асфальтовой дорогой, создавая ужасный грохот подошвами своих сапог.

А уже через месяц мы также давали «ножку», как и наши предшественники. Теперь все понимают, что этот прусский строевой шаг никому не был нужен, тем более на войне. (Хотя в немецкой военной хронике можно увидеть такую же парадную муштру, но, как мне думается, именно в этом мы даже их превосходили.)

От проходной посыльный сопроводил меня в палатки карантина. Там я провел ночь на соломенном матраце, а утром — в строй. Нам объявили распорядок дня. Главное-время подъема и отбоя, а также часы приема пищи. Об армейской службе я мало

что знал. Даже в книгах об этом писали мало, а в кино все выглядело в «розовом» свете. Например, в известном тогда кинофильме «Сердца четырех» были дисциплина, послушание, подчинение, организованность и порядок. Так примерно и я понимал службу.

Появился старшина нашей роты. Это был старший сержант «краснознаменец»[1]. По национальности он был осетин, плохо говоривший по-русски, но имевший боевой опыт Финской войны. За давностью лет я забыл его фамилию, кажется, Касаев. Он был единственным орденоносцем нашего училища, так как даже начальник училища, полковник Морозов, и полковой комиссар имели всего лишь по медали «XX лет РККА». Из шестнадцати рот только одна наша была удостоена такой чести — иметь старшину «краснознаменца». Построив нас на плацу, он объявил распорядок на первый день: санобработка и мытье в бане, получение обмундирования, подгонка формы и обуви. Перед мытьем нас всех остригли. К обеду все мы, 120 будущих курсантов, стояли в ротном строю. После обеда явился командир роты старший лейтенант Фоменко и с ним три взводных лейтенанта, все они были молоды.

Роту построили в одну шеренгу по ранжиру (росту), потом отсчитывали по десятку в отделение. Четыре отделения составляли учебный взвод. Рота была из трех взводов. Как я и предвидел, благодаря своему росту я оказался в третьем взводе замыкающим четвертого отделения. Взводным командиром, преподавателем тактики, уставов, строевой подготовки и физкультуры был лейтенант Омельченко. (Тогда это мне ничего не говорило, так как и у моих земляков немало было фамилий, оканчивавшихся на «о», а позднее это стало неизбежной закономерностью в армейской жизни. Процент украинцев среди маршалов, генералов и офицеров был самым высоким, после великороссов. Не даром в армии бытовала поговорка: «Що то за хохол в армии, колы вин без лычек».) Командирами отделений назначили курсантов из числа тех, кто прибыл из частей, если даже и не имел сержантских званий. Именно таким оказался наш командир отделения, родом из Мордовии.

От подъема до отбоя мы занимались шагистикой. Начинал лейтенант, а после него командовали, как «тянуть ножку», командиры отделений. Завершались занятия прохождением во взводной колонне. Нас усиленно готовили к первомайскому празднику, чтобы не посрамиться перед трибуной, когда будут выпускаться первый и второй батальоны. Кормили нас в курсантской столовой во втором потоке по норме курсантского пайка, который по тому времени был одним из лучших в

сухопутных войсках. По сравнению с пайком рядовых красноармейцев нам утром и вечером полагалось по 200 граммов белого хлеба и 40 граммов сливочного масла. Рацион продуктов был богаче. На еду нареканий не было, готовили вкусно, и ее хватало всем, несмотря на огромную ежедневную физическую нагрузку.

Выпускавшиеся второкурсники получили добротное комсоставское суконное обмундирование, двубортную шинель, снаряжение, хромовые сапоги и фуражки. Особенным предметом реквизита являлось боевое снаряжение командира, включавшее поясной ремень с двумя портупеями, кобурой к пистолету, кожаной полевой сумкой и кожаным планшетом для топографической карты. На плацу все время раздавался скрип еще не разношенных сапог и ремней, а в столовой ощущался сильный запах свежей кожи сапог и снаряжения. Многие сдали свою курсантскую форму и ходили в лейтенантской, правда, без знаков различия. Свои «кубари» они могли одеть в петлицы на воротниках только после зачтения приказа Народного Комиссара Обороны. После их выпуска мы становились первокурсниками, а проучившиеся год — второкурсниками. Праздничное настроение не покидало выпускников, и мало кто из них понимал, что менее чем через два месяца они станут первой добычей прожорливой войны, которая унесет их молодые жизни. А их полевые сумки достанутся в виде трофеев немецким лейтенантам. Насколько мне известно, именно за этими сумками охотились немецкие офицеры, не признавая весь остальной наш реквизит. (Одну из таких кожаных сумок я вернул, вырвав ее из рук немецкого унтера, убитого мной в бою в селе Васильевка 18 августа 1943 года. Пронес я ее до конца войны. Верно послужила она мне в боях и сражениях, хотя и порядочно натирала правое плечо своей тяжестью от карт, бумаги, куска мыла в мыльнице. Хранил в ней письма и редкие на войне фотографии, облигации госзаймов, получку, ложку и карандаши. Многое перебывало в ней.)

Выпуск лейтенантов с зачтением приказа о присвоении воинского звания производился командованием с трибуны. Оба батальона были выстроены на правом фланге в ротных колоннах в лейтенантском парадно-выходном одеянии, но без знаков различия. За ними второкурсники с винтовками «к ноге», далее мы без оружия, в пилотках. Зачтение длилось более часа по команде «смирно», и в наших ротах начался «падеж» курсантов от сильно затянутых поясных ремней и сильной жары. В числе их оказался и мой земляк-одноклассник. Наконец все окончилось, и началось прохождение торжественным маршем. Мы браво шагали по плацу, поднимая носки сапог и подбородки. После

торжественного прохождения вновь испеченные лейтенанты принялись прикалывать по парочке квадратиков на свои петлички, благо их в магазине было в то время много и стоили они дешево. Мы же крепили на свои красноармейские петлицы малинового цвета с черной окантовкой литеры «1ОКПВУ», то есть Первое Орджоникидзевское Краснознаменное пехотное военное училище. Иногда слово «военное» опускалось, так как пехотным могло быть только училище, а не академия. Одним словом, мы сразу раскупили весь запас литер, и всем не хватило.

Нам полагались курсантские петлицы, введенные в 1940 году. Они отличались тем, что состояли из маленькой малиновой петлички, окаймленной сверху и справа красным сукном. В месте стыка прошивался золотистый кант, а вся петлица обшивалась тоже черным кантом. Сержанты имели свои треугольники посредине петлицы и в верхнем углу так называемый «ефрейторский» треугольник. Такие петлицы полагались представителям всех родов оружия, основа всегда сохранялась, обшивка для всех была красной. Об этом нововведении ныне почти никто не помнит, даже военные консультанты кинофильмов с эпизодами довоенных съемок. Литеры на петлицах держались плохо, и вскоре мы все их потеряли, а петлицы так никто и не поменял.

После побелки казарм нас переселили туда, хотя лагерные палатки убирать не стали. На смену нам поместили курсантов курсов младших лейтенантов из запасников. Теперь мы получили ватные матрацы, нормальные подушки, простыни, одеяло, каждому ранец со скаткой шинели вокруг него. Размещались мы на двухъярусных кроватях. Я, внизу, наверху — из нашего отделения Миша Лофицкий. Начались занятия по ротному расписанию. Теперь первейшим наставником стал наш взводный командир. Он вел строевую, физическую, тактическую, огневую подготовку и уставы. А мы в то время только этим и занимались в классе, на плацу и спортивном городке. Было показное занятие и на стрельбище. Шесть часов плановой учебы и три часа самоподготовки. За каждым взводом были закреплены примерно по десятку учебных винтовок, на которых мы изучали материальную часть и взаимодействие частей и механизмов. На них же обучались штыковому бою и защите от нападения. Для прочности цевье учебной винтовки обивалось тонким кровельным железом, при обучении штыковому бою и защите. В отведенное время мы ежедневно чистили винтовки по очереди, приобретая навыки и в этом деле. В затворах были спилены бойки, а патронник ствола был просверлен. (К сожалению, при использовании на учениях такого оружия было много ранений

большого пальца левой руки, поскольку в послевоенные годы на учениях выдавались холостые патроны для обозначения стрельбы. Ленивые солдаты брали в поле на занятия учебную винтовку и ставили в нее затвор из боевой, чтобы после не чистить боевую винтовку. Такая винтовка производила выстрелы, но в месте сверления вырывался круглый кусочек оболочки патрона и обычно разрывал фалангу большого пальца левой руки, если стрельба велась на ходу. Бывало, что осколок попадал даже в глаз).

Заботу нас было так много, что не оставалось времени даже написать письмо родным. Помню первое занятие по топографической подготовке. Вел его капитан-топограф недалеко в поле. В перерыве мы поинтересовались у него о происходящем в Германии, и он впервые намекнул нам, что наша «союзница» сосредотачивает свои войска вблизи нашей границы, а ее самолеты открыто нарушают воздушное пространство. И что от нее можно ожидать всего, даже самого худшего. Вот с того сообщения многие стали задумываться.

Это было 17 июня 1941 года. Когда мы вернулись к обеду в казарму, то дневальный роты позвал меня к тумбочке и вручил телеграмму, в которой стояли четыре слова: «Срочно выезжай, папа умер». Всего четыре слова, а как они меня потрясли своим содержанием! Я знал о том, что отец не болел, поэтому сразу вспомнил его последнее письмо, в котором он сообщал об устройстве на работу сплавщиком леса по нашей быстрой горной реке. Показал депешу командиру взвода, и он сразу направил меня в строевое отделение. Мне немедленно оформили десятидневный отпуск и выдали проездные документы. На следующий день я был дома, хотя отец был похоронен 16 июня, так как стояла южная, летняя жара. Мать, сестренки и братишка были в неутешном горе. Поплакав у могилы, я дал клятву матери помогать ей в меру сил. Это было 21 июня. Мать рассказала о том, что, когда бригада с лесосплавом поравнялась с селом, отец вечером приехал домой, где и провел ночь в кругу семьи. Мать дала ему флягу молока, и уходя, он напевал песенку о походной фляжечке. А в обед его не стало. Свидетелей гибели не оказалось. Труп нашли ниже по течению, прибитый к берегу, без особых травм. Шел отцу тогда сорок первый год. Он был ровесником века. Я никогда не помнил ни одного случая, чтобы он выругался нецензурно. Конечно, жизнь почти у всех в те годы складывалась не совсем гладко. Бывали иногда семейные ссоры, закачивавшиеся примирением. Отец даже стеснялся в моем присутствии курить, и я следовал его примеру, воздерживаясь от этой дурной привычки. На следующий день я пошел в райцентр,

чтобы сдать в милицию паспорт отца и увидел большое оживление. Сдавал я паспорт начальнику районного отдела внутренних дел Обижаеву, поинтересовался необычайным шумом, и он мне сказал, что утром на нашу страну напала Германия. Это сообщение явилось не меньшим ударом, чем гибель отца. Не предполагал я тогда, что именно с этим начальником мне доведется стать однополчанином на протяжении полугода в 339-й стрелковой Ростовской дивизии, в которой я прошел три ступени своего служебного роста: командиром взвода пешей разведки, командира стрелковой роты и адъютанта старшего штаба батальона. А он в ней пройдет весь боевой путь от оперативного уполномоченного артполка до заместителя начальника отдела контрразведки «Смерш» этой дивизии. Более того, моей будущей супругой окажется его падчерица Мария. Однажды она спросит нас обоих в 1952 году: «Почему у вас был одинаковый номер полевой почты в начале войны?» И мы будем приятно удивлены такому совпадению и совместной службе.

Вернувшись домой, я застал мать в еще большем горе и принялся ее успокаивать: что мне еще два года учиться, но ни она, ни я не верили теперь ни во что, кроме судьбы и божьего провидения. Пробыв дома еще сутки, я выехал раньше на пару дней, чтобы не слышать причитаний и не видеть слез близких. Обнялись на прощание, и я пошел до ближайшего полустанка, чтобы вернуться в училище, которое для меня стало родным. Друзья пожурили зато, что прибыл на двое суток раньше. Их гимнастерки были уже в ружейном масле, и они надраивали свои боевые винтовки СВТ-40 (Самозарядная винтовка Токарева) — так именовался новый образец этого личного оружия стрелка образца 1940 года.

Не откладывая на будущее, расскажу об этой винтовке более подробно, так как в ее истории множество легенд и вымыслов. Эту винтовку много раз предавали анафеме, стрелки ругали ее за множество задержек при стрельбе, но даже многие вооруженцы не знали главной причины. Была она несомненным шагом вперед по сравнению с Мосинской, давно устаревшей. Эта «самозарядка» отвечала всем требованиям современного боя, так как имела большую (в два раза) емкость магазина и повышенную скорострельность ввиду автоматического перезаряжания. Причина задержек крылась не в ее конструктивных недостатках, а в давно устаревшей конструкции винтовочного патрона, который был уже не пригоден и для Мосинской пятизарядки. Не могу сказать, когда немцы перевели свои винтовки системы «Маузер» и единый пулемет МГ-34 на новую форму патрона. Он отличался от

нашего винтовочного патрона тем, что был как бы «плавающим» в своем магазине, а наши донным выступом для зацепа выбрасывателя всегда при перезарядке цеплялись за такой же выступ (фланец) нижележащего патрона в магазине. У немцев уже не было ни одного подобного патрона, а у нас винтовки, карабины, СВТ, ручные и станковые пулеметы имели эти патроны, хотя пистолетные патроны к пистолетам ТТ, автоматам, патроны к крупнокалиберным пулеметам ДШК и противотанковым ружьям уже делались именно такой свободноплавающей конфигурации. Особенно наглядно этот недостаток проявился именно в винтовке СВТ. Если при снаряжении магазина самозарядки строго соблюдать принцип наполнения путем заталкивания в приемник магазина от пульной стороны, то в этом случае «ступеньки» донышек позволят выпустить все десять патронов без задержек. Но беда в том, что многие это не понимали и наполняли магазин сверху, как было гораздо удобнее, но ошибочно. Это можно было легко проверить, удерживая в левой ладони магазин, а правой рукой одним патроном, его пулей, разрядить все десять патронов.

Старшина роты не настаивал на получении мной оружия. Он сразу попросил меня написать ему печатными буквами список роты для вечерней переклички, так как список, написанный от руки, рукописный почерк он плохо читал (хотя и с печатными буквами он искажал почти каждую фамилию). Кроме того, он вручил мне новый ротный барабан и отправил в оркестр обучиться мастерству барабанного марша. Не скрою, это здорово мне помогало в строю, так как на тактические учения и стрельбы необходимо было выходить в полной боевой экипировке, то есть с ранцем и скаткой на нем. В строю у меня на груди был барабан, а на спине — винтовка на ремне. Следовательно, от ранца я освобождался, а это уже было кое-что.

На занятиях особенно тяжело было делать стремительные перебежки, переползания по-пластунски. Взводный до занятий отводил меня в сторонку и приказывал выдвинуться овражком на горку «Огурец», замаскироваться там под кустиком и обозначать дробью барабана огонь пулемета. В подобной роли на полевых занятиях за шесть часов не очень устанешь. Была еще одна выгода для всей роты: пока я бью в барабан, ротный не требует петь строевые песни. Стоило мне хоть на минуту прекратить стучать палочками, как раздается команда: «Запевай!».

Сейчас трудно вспомнить, сколько прошло всевозможных формирований через наше училище в то первое военное лето и осень. Готовились десантники, младшие лейтенанты, политруки. Всех не вспомнить. Кухня не действовала круглые сутки. Весь день мы в поле на занятиях, а ночью на разгрузке или погрузке

военных грузов, топлива, фуража. Военные тревоги объявлялись почти через день. Вести с фронта приходили самые разноречивые. Нашего заместителя командира батальона по политической части мы почти не видели, да и политических информации не было. Ротных политруков к тому времени отменили, а батальонный комиссар просто бездействовал. Скорее всего, он боялся высказывать свое мнение и отвечать на наши вопросы, ибо за каждое сказанное не то слово приходилось тогда отвечать головой. Из обоих батальонов через пять месяцев выпустили всех курсантов, которые прибыли из частей. Они убыли на фронт лейтенантами. Потом командиров отделений выпустили раньше, а в первых числах декабря дошла очередь и до всех остальных.

Приказ о присвоении нам первичного командирского звания «лейтенант» был подписан командующим 56-й армией 1-го ноября 1945 года за №011. Для того чтобы доставить его из Ростова-на-Дону, видимо, потребовалось несколько дней. За один вечер нас переобмундировали. Опишу подробнее, как это происходило в то суровое время, когда враг был у самого Ростова — ворот Северного Кавказа. После мытья в бане нам выдали зимние суконные шаровары. Мне достались такого большого размера, что я их мог надевать даже на ватные брюки. Гимнастерка была цвета хаки грубошерстного сукна, но первого размера. Шинель выдали обычную солдатскую новую и по размеру. Зимних головных уборов не было, как и сапог тоже. Уезжали в своих курсантских поношенных «кирзачах». Мой буденновский шлем сделал не один выпуск в училище, да и сапоги верно и надежно мне послужили с апреля месяца. Командирского снаряжения не оказалось, как и обычных солдатских ремней, поэтому нам выдали кожаные ружейные ремни вместо поясных «комсоставовских». Но пряжка на них не держала затягивание, и мы сами делали «собачку» в пряжке и отверстия в ремешке. Кто додумался выдать нам в утешение повседневные комсоставские фуражки с малиновым околышем на фронт в наступившую зиму, не понятно до сих пор. Вот и весь наш выпускной реквизит будущих фронтовиков. По этому поводу я не услышал ни единого возражения. Возмущались только тем, что не дали вещевой мешок для сухого пайка в дорогу. Старшим команды в дорогу в нашем взводе назначили теперь уже лейтенанта Лебедя Максима. Он здорово был похож на нынешнего (уже покойного) генерала Лебедя. Может, это один из его племянников? Тот Максим был из донских казаков.

Нам выдали в руки сделанные из жести квадратики, покрашенные защитной краской, и мы прикрепили их на воротники новых солдатских шинелей. Чтобы положить наш

дорожный паек, мы подобрали в углу казармы рюкзак с домашними вещами только что прибывших курсантов, вытряхнули цивильное и поместили нашу еду на всю группу. Медленно тянулись ночные часы до нашего полуночного отбытия на железнодорожный вокзал. После зачтения приказа не было ни поздравлений, ни криков «ура». Я в последний раз прилег на сетку своей кровати, положив под голову рюкзак с дорожными харчами, и подумал о матери и всех близких. В последнем письме я писал ей о возможном ближайшем выпуске и отправке на фронт.

Фамилии многих курсантов взвода давно забыл. Сохранился в памяти только один самый близкий друг, Миша Лофицкий, с которым довелось пройти отделы кадров Южного фронта, 9-й армии, 339-й стрелковой дивизии и оказаться вместе в одном 1135 стрелковом полку. Максим Лебедь тоже попал с нами в одну дивизию, но в другой полк. Невероятно, но факт — за 33 года моей службы в армии я не встретил ни на фронте, ни на учебе в военно-учебных заведениях, ни в войсках ни одного человека из своего выпуска! Только сразу после войны в отделе кадров ЗакВО в 1947 году я узнал в одном из подполковников-топографов нашего преподавателя, тогда капитана, который предрек в ближайшее время нападение на нас Германии. Много лет спустя после войны я прочитал в армейской газете просьбу политического отдела нашего училища откликнуться бывших курсантов первого, теперь уже дважды Краснознаменного пехотного училища в городе Владикавказе.

Я послал свои воспоминания об учебе и дальнейшем боевом пути и упомянул фамилию нашего помкомвзвода, оставленного в штате училища лейтенанта Марчукова. Офицер из Музея боевой славы ответил мне, что Марчуков погиб под Сталинградом в 1942 году, где курсанты училища выступили в роли рядовых. Я встречал однокашников из группы на курсах «Выстрел», из Офицерской школы штабной службы, из Академии им. М.В. Фрунзе, но не встретил ни одного из нашего батальона грозного сорок первого. Видимо, нас очень мало осталось в живых. Узнал только о гибели своего дружка, Миши Лофицкого, и захоронении его в братской могиле станицы Эриванской в Краснодарском крае.

Моя родительница, получив последнее письмо, без моего приглашения решила навестить меня в училище перед отправкой на фронт. Доехала, но не застала меня, опоздав всего на одни сутки.

Глава 3.
Жизнь на фронте в обороне

Я — лейтенант

В этой части книги в моих фронтовых и тыловых воспоминаниях очень мало описания боев — мой соавтор почти все эти эпизоды вывел во вторую часть книги — «Обе стороны медали». А в этой первой части осталось описание не всей войны, а по большей части только ее быта — это не война, а всего лишь жизнь на войне. На наш с соавтором взгляд, в подавляющей части мемуаров фронтовому и тыловому быту уделено очень мало места, и в результате часто создается впечатление, что советские солдаты — это что-то вроде ангелов, которые не пьют, не едят и до ветру не ходят И у них никогда не бывает не только такой потребности, как, к примеру, написать документ или письмо, но и вшей уничтожать им нет необходимости. У читателей может сложиться впечатление, что я очень много места уделяю еде, но хотел бы сказать, что в немецкой армии ей придавалось столь большое значение, что немецкая военная поговорка «Армия марширует брюхом» для немецкого командования была чем-то вроде святой заповеди. Так разве не интересно узнать, что и как случалось поесть советскому солдату?

Но вернемся снова в стены нашей казармы, точнее, на плац перед ней. Напутственных речей командования училища никаких не было, как не было и их самих. Не было и командира батальона и командира роты. Многие из них были откомандированы в действующую армию. Нас построили в последний раз по ранжиру и тихо повели строем через проходную затемненными улицами к железнодорожному вокзалу. Была полночь, стояли морозы, прохожих на улицах не было. Соблюдалась военная светомаскировка. Мы шли вольным шагом через весь город, который мы за время учебы так и не узнали, ибо увольнений не давали. Немногие из нас побывали только в гарнизонном карауле или патрулями на улицах города. На тротуарах иногда стояли военные парные патрули из курсантов нашего первого и второго пехотных, училища связи и Пограничного училища войск НКВД. Один из патрульных назвал мою фамилию и подбежал к последней шеренге. Это был курсант-связист, бывший секретарь райкома комсомола Хатукаев из аула Эрсакон. Мы хорошо знали друг друга по последней моей работе до армии. С началом войны

он был призван и направлен курсантом училища связи. На ходу он кратко рассказал о себе, я сообщил ему о выпуске и о том, что еду на фронт. (Спустя много лет, когда я уже был три года на пенсии, оказался в его родном ауле и мы тепло встретились. Вспомнили ту ночную встречу и рассказали друг другу о своей жизни. Воевал он в прославленной дивизии Румянцева и закончил войну командиром батальона связи в этом соединении. После войны вскоре уволился, якобы по семейным обстоятельствам, а фактически, скорее всего, за пристрастие к «зеленому змию», так как работал он всего лишь экспедитором в организации «Сельхозтехника».) Проходя по пустынным улицам, я вспомнил единственный организованный предвоенный выход нашего батальона в выходной день в городскую оперетту, где давался шефский спектакль «Свадьба в Малиновке». Роты поочередно пели в строю походные песни. Наша рота исполнила популярную тогда песню: «Эх, махорочка-махорка,/ Подружились мы с тобой./ Вдаль глядят дозоры зорко,/ Мы готовы в бой, мы готовы в бой». О том, какой была наша боеготовность в то время, показали события первых дней вражеского нападения.

Пятая рота замечательно исполняла в строю «Марш физкультурников», в котором были такие начальные слова: «Страна молодая, Отчизна родная, цвети, улыбайся и пой./ В огне мы родились, в борьбе закалились, идем и цветем мы с тобой». Потом всем строем подхватывался припев: «Порой чудесною, проходим с песнею, мы физкультурники — страны своей сыны./ Чуть грянет, кличь: «На бой!» — и все готовы в час любой./ Мы все пойдем в поход, за край любимый наш, за весь народ./ Посмотри, как цветет без края, вся в сиянии страна родная...» и т. д. и т. п. Должен сказать, что слов патриотизма и пафоса было слишком много, но музыка этого марша была выше всяких похвал! После войны по радио я слышал эту песню очень редко и позабыл ее слова. Наша рота в самом начале взяла на «вооружение» только что сложенную в 1940 году новую песню, в которой были такие слова: «Враг, подумай хорошенько,/ Прежде чем идти войной./ Наш нарком товарищ Тимошенко/ — Сталинский народный маршал и герой...» Странное дело, что мы пели ее даже первые два месяца после начала войны, но ни один из огромного аппарата политработников, политруков и комиссаров даже помыслить не мог о содержании этих слов. Только наш ротный командир, старший лейтенант Фоменко, спустя два месяца вник в содержание слов, остановил роту при возвращении со стрельбища и разразился матерщиной примерно такими словами: «Вы думаете, что поете, уже оставлен Минск и Смоленск, половина Украины. А вы: «Подумай хорошенько». Уже

подумал»...

Видимо, с нами ехали выпускники и первого батальона, так как весь поезд был занят военными. Неожиданно в одном вагоне с нами оказался бывший наш старшина роты. Он уже возвращался из госпиталя снова на фронт. Его провожала жена. Мы пытались расспросить его о делах на фронте, но он больше отмалчивался и не шел на откровенный разговор. Невольно подумалось: значит, не-утешительные вести с фронта, если видавший виды на Карельском перешейке сержант, теперь в чине лейтенанта, не может ничего рассказать своим вчерашним ротным однокашникам.

Уже было светло, когда поезд сделал остановку на станции Невинномысской. Возможно, именно в это время мать ожидала поезд в обратном направлении, чтобы навестить меня, не зная о моих делах. Я больше разговаривал с Мишей Лофицким. Но почему-то мы мало вспоминали о прошлой короткой довоенной жизни. Станционные пути были забиты воинскими эшелонами, и мы медленно продвигались на север. Задержались некоторое время на станции Кропоткинской. Оказалось, что поезда с юга на Ростов уже не пропускают и нас завернули на Сталинградскую ветку через Сальск. Погода была пасмурной. Большую часть времени мы отсыпались, некоторые играли в карты и даже «принимали» самогон. На подходе к Сталинграду утром мы впервые услышали заводские гудки воздушной тревоги и хлопки наших зениток, стреляющих по вражеским бомбардировщикам. Проводницы метались по вагонам, почему-то строго предупреждая: «Открывайте окна и двери». Вскоре дали отбой, и мы прибыли на главный вокзал. Многие были впервые в этом городе. Мы покинули вагоны, и нас покормили горячим обедом в столовой продпункта. Так узнали мы и о продпунктах, о которых ни слова не говорили в училище.

Ростов-на-Дону был оккупирован немцами 21-го, а освобожден 29-го ноября 1941 года, поэтому нас и повезли объездным путем. Как я писал выше, приказ о присвоении нам первичного командирского звания был подписан командующим 56-й армией, входившей в состав Закавказского фронта, а направлялись мы с назначением в состав 9-й армии Южного фронта. Эти две армии отмечались в приказе Верховного за освобождение Ростова вместе с войсками, отбросившими немцев от Москвы. На следующее утро мы были в Миллерово, но нас завернули снова на юг в город Каменск, где находился отдел кадров Южного фронта. Полк или батальон резерва командного состава размещался в здании сельскохозяйственного техникума на окраине города. Остаток ночи мы провели на сетках

студенческих кроватей. Утром объявили получать на каждую группу предназначенный в армии сухой паек на путь следования. Наша группа предназначалась в 9-ю армию, освобождавшую Ростов. Ее отдел кадров размещался в Новочеркасске, куда нам предстояло выехать. Я снова назначался «продовольственником» и пошел за сухим пайком, а к подъезду двухэтажного дома общежития было подогнано с десяток машин-полуторок для доставки лейтенантов в отделы кадров армий.

Утро было пасмурным. Продовольственный склад размещался рядом. Подходя к нему, я услышал гул летящего бомбардировщика. Тогда я еще не мог различать по звуку работы мотора своих и чужих. Но тут ударила батарея наших 37-мм зенитных пушек и, как всегда, в «белый свет», так как была низкая облачность. Получил я сухари, рыбные консервы и копченую колбасу на нашу команду из восьми человек. Я оставил маленький довесок колбасы, чтобы съесть по пути. Только я стал подниматься по лестнице на второй этаж, как звук мотора повторился и завизжали падающие бомбы. Первая из них упала на могилы кладбища в 150 метрах, вторая в центре скопления машин у порога нашего двухэтажного здания, а третья ударила в угол соседнего помещения. С испуга я с остервенением грыз довесок колбасы, а затем бросился бежать вниз, так как меня всего осыпало осколками стекла из окон. У подъезда лежали убитые и раненые лейтенанты. Раненые просили о помощи. По их повседневным петлицам я понял, что это были выпускники Ташкентского пехотного училища. Все бросились бежать в поле, и я последовал за ними к скирде соломы, где и упал в изнеможении. Я впервые увидел убитых от бомбежки и их кровь.

Сбросив с плеч рюкзак, я, неизвестно почему, полез в карман сумки и вынул три общих тетради с конспектами по тактике, огневому делу и Истории ВКП(б) и засунул их глубоко под скирду соломы. Увиденная смерть и пролитая кровь заставили меня подумать о земном, а не о светлом будущем, которое сулила нам историческая наука в недалеком будущем. Наверное, посмеялся скотник или доярка, найдя все эти тетради в соломе. Скорее всего, их пустили на растопку печки или для туалетных надобностей. Не спеша, мы начали собираться у машин. Некоторые из поврежденных от взрыва машин, отбуксировали в сторону, а на исправные срочно усаживали нас для отправки по армиям. Спустя много лет, проходя службу в Главной инспекции МО в Москве, я вспомнил в своем отделе и рассказал друзьям про этот случай. Сослуживец по отделу полковник Мироненко Александр Иванович подошел и пожал мне руку, сообщив, что хорошо помнит тот эпизод, так как был в числе именно той

команды лейтенантов из Ташкентского училища.

Ехали мы разбитыми полевыми дорогами на полуторке в Новочеркасск, где располагался отдел кадров 9-й армии. По пути мы сделали остановку на ночлег в одной из казачьих станиц. Намучившись от подталкивания машины в грязи, мы уснули на соломе в теплой хате. Утром я вручил хозяйке брикеты концентратов пшена, она приготовила нам кашу и чай. Четыре наших армейских картуза были измяты в рюкзаке так, что я все их оставил хозяину — деду-казаку, и он сердечно благодарил за такой щедрый подарок, так как это казачье войско в качестве летнего головного убора имело фуражки хотя и не с малиновым, но все же с красным околышем. Вскоре приехали в Новочеркасск, сдали предписание, и нас определили в общежитие. С другом Мишей решили вечером пойти на поздний киносеанс. Город был затемнен, и мы не смогли ночью найти наше пристанище. Заночевали в одной хате, куда нас пустила бабушка, и утром она даже накормила нас горячим завтраком.

Снова выезд. Теперь нас осталось только пять человек, направлявшихся в 339-ю стрелковую Ростовскую дивизию, которая принимала участие в боях за Ростов и вышла на рубеж реки Миус у райцентра Матвеев курган. Штаб дивизии располагался в селе Политотдельском. Уже явственно доносились разрывы снарядов. На ночлег мы остановились в селе, которое на несколько дней подвергалось оккупации. При отходе немцы сжигали соломенные крыши, но жители спасали стены и перекрытия и продолжали жить в тепле. В одной из хат мы с Мишей расположились на ночевку. Хозяйка стонала от «хворей» на русской печке, а хозяин сварил нам из концентратов суп-пюре гороховый, а после ужина принес свежей соломы и дал нам подушку. Подстелив рядно, мы легли и укрылись шинелями. Но тут раздался настойчивый стук в дверь. Хозяин попытался объяснить пришедшим, что у него на постое два командира, но сержант был непреклонен и втолкнул четырех солдат-красноармейцев из маршевой роты, следующей из запасного полка в нашу дивизию на пополнение. Впервые мы видели тех, кем предстояло завтра командовать. Они уселись на солому спина к спине, развязали свои вещевые мешки и, что-то отщипывая внутри них, бросали в рот. Миша поднялся, расправил гимнастерку и спросил, кто у них старший, но они молчали. Тогда он потребовал по очереди стоять часовым у входа. На это требование один из них ответил по-русски примерно следующее: «Лейтенант, твоя боится — карауль, а наша не боится — юхлай (спать) будет»... Так завершился диалог, и мы уснули. Это были азербайджанцы. О них мы еще вспомним не раз

в боях на Кавказе, да и летом на Курской дуге, где в полку из 338 человек за два дня боев их останется в строю только 17 человек. Еще через полгода их в списках будет 26, и это будут ездовые при лошадях в гужтранспортной роте. Много будете ними заботу лейтенантов в пехоте. Как правило, они не знали русского языка, в армии ранее не служили, стрелять не умели и больше подходили к выражению «пушечное мясо». Впрочем, не лучше обстояло дело и с таджиками, узбеками, киргизами и солдатами других национальностей Туркестана и Средней Азии, особенно немолодыми по возрасту солдатами, да еще в зимнее время.

На реке Миус

В штаб дивизии мы прибыли к обеду и были приняты комдивом полковником Морозовым, комиссаром и начальником штаба дивизии. Все они имели по четыре прямоугольника в петлицах[2]. Комдив в двух словах ввел нас в курс боевых действий дивизии. Формировалась и сколачивалась она в Персияновских лагерях под Новочеркасском. Стрелковым полкам были присвоены шефские наименования по местам комплектования: «Ростовский», «Таганрогский» и «Сальский». Дивизия в боях за Ростов понесла заметные потери, и в стрелковых полках в наличии было только по два стрелковых батальона. Накормив нас обедом, вручили предписания: мне и Мише в 1135-й Сальский стрелковый полк в Матвеев курган, другим подвое — в остальные полки. В наш полк направлялся по излечении из госпиталя заместитель командира полка капитан Любимцев Я.З.

В район огневых позиций артполка шла полуторка с боеприпасами, и нас поместили в кузов. Разрывы снарядов все ближе и ближе, но населенный пункт Матвеев курган за небольшим холмом. Никогда не забуду дату своего боевого «крещения». Это было 24 декабря 1941 года, то есть сочельник по новому стилю. Ехали полем, на котором стояли стебли кукурузы. На огневых позициях располагалась гаубичная батарея, справа пехота отрывала окопы. Вдруг, как из-под земли, на бреющем полете с востока на нас пошел «мессершмит» и дал по машине пулеметную очередь. Шофер остановил грузовик, и мы бросились бежать в разные стороны. Слышу, один из стрелков называет мою фамилию, и я узнаю друга из нашего взвода, выпущенного на неделю раньше. Обнялись. Он поинтересовался: все ли выпущены? Я ответил утвердительно и задал ему самый глупый вопрос: «Боевая?» — указывая на гранату у него за поясным ремнем. «Здесь, Саша, учебных гранат не бывает», ответил он, усмехаясь. Был он в одном из полков нашей дивизии. Миша тоже с ним обнялся, но тут нас к себе позвал капитан.

У гаубицы лежал труп артиллериста с оторванной ногой. Миша поднял его карабин, проверил магазинную коробку, она была с патронами в магазине, и он взял винтовку на ремень. Капитан похвалил друга за хозяйственную струнку. Пройдя несколько сот шагов, мы увидели примерно в километре от нас большое село. Это и был районный центр Матвеев курган. Там должен был размещаться штаб нашего полка. Вечерело. По селу в разных местах поднимались фонтанчики взрывов от вражеских

мин, которые не скупясь посылали нам немцы. Снаряды более плотно ложились там, где чаще пробегали наши воины. Я ожидал, когда вражеская минбатарея начнет обстреливать нас троих в открытом поле, но наступившая темнота спасла нас от этого. На полевой дороге мы увидели еще двоих убитых, уже со снятыми ботинками. Видимо, они уже не один день лежали непогребенными.

Штабы легче всего искать по проводам полевого телефонного кабеля. Так мы и поступили. Штаб 1135-го стрелкового полка размещался в обычном, ничем не приметном домике из двух комнат. В одной из них находился капитан БутвинаС.Д., начальник штаба полка. Первым представился наш попутчик, капитан Любимцев Я. З., за ним я и Миша. Первыми словами начштаба, обращенными в наш адрес, были: «Хороший комсостав дает ваше училище». После этого он вызвал своего помощника по учету личного состава и решил назначить нас обоих командирами групп пешей разведки. Для нас такие должности были неизвестны, и мы обратились к начальнику за разъяснениями. Он нам сообщил, что в стрелковом полку по штату положено иметь взвод пешей и взвод конной разведки, но из-за отсутствия лошадей конного вообще нет, а за счет отсутствующего третьего батальона в полку содержатся четыре группы пеших разведчиков по штату пехотного взвода разведки. В первой группе командир взвода, лейтенант Тарасов В. М., вчера был ранен во время разведки боем и я назначаюсь на его место, а Лофицкий назначается в четвертую группу, так как ее командир, ввиду преклонных лет, назначен командиром транспортной роты командовать ездовыми. Здесь же я увидел и заместителя начальника штаба (первого помощника начальника штаба полка по оперативной работе — ПНШ-1), им оказался лейтенант Успенский М. П. Нашего непосредственного начальника в штабе не оказалось. Им был ПНШ-2 — начальник разведки капитан Татаринцев П. П. Никакого представления командиру полка, естественно, не было. Тут же вызвали из соседней комнаты обоих посыльных от групп, и им было приказано провести нас до места расположения взводов. Посыльный из группы Тарасова представился мне, и мы пошли окраиной села в дом, занимаемый взводом. Он был гораздо больше, чем тот, в котором размещался штаб, о чем я сказал посыльному. На это он ответил: «Штаб лучше размещать в малоприметном помещении. А нам в этом не страшнее, чем в разведке». Что ж — ответ, достойный разведчика. В доме оказалось три просторных комнаты, и покрыт он был оцинкованным железом. Хозяйка средних лет охала и ахала, собираясь в эвакуацию с переднего края в ближайший тыл и

наказывала разведчикам присматривать за имуществом. Посыльный доложил помощнику командира взвода сержанту Михаилу Босову о прибытии нового лейтенанта вместо Тарасова. Сержант надел ремень, построил разведчиков и представил взвод. Ему было лет тридцать. Всего в строю было 12 человек. Каждый из них делал шаг вперед и называл фамилию и откуда родом.

Разведчики помогли хозяйке вынести кое-какие вещи на повозку, и она убыла километров за восемь в тылы дивизии.

В комнате топилась печь. Около нее орудовал разведчик, которого все уважительно называли Павел Платонович. Он выглядел старше всех, примерно лет сорока. Два разведчика принесли из походной кухни в котелках ужин и поставили на плиту для подогрева. На плите что-то шкворчало, и по комнате разносился запах «свежака», как у нас на Кубани называли первую зажарку мяса для забойщика и разделочников мяса после забоя свиньи. Посреди комнаты стоял большой кухонный стол, за которым и разместился весь взвод, кроме посыльного в штабе полка. За столом сержант продолжил мое знакомство с людьми. Он и с ним еще двое были из станицы Белокалитвинской с Дона. Все они работали в потребкооперации. Назвал и остальных по памяти. Павел Платонович подавал на стол жаркое с картофелем — дар хозяйки резакам[3]. Разведчики ели, расхваливая мастерство «стряпухи». Минометный обстрел противника не прекращался ни на минуту. Разрывы мин то приближались, то отдалялись, а мне всякий раз казалось, что следующая мина попадет прямо в дом. Хуже всех за столом в тот вечер чувствовал себя я, но старался не показывать вида. Все о себе рассказали кратко, только нештатный повар ничего не сказал о себе. И я решил его вовлечь в разговор, спросив:

— Павел Платонович, а почему вы о себе ничего не рассказали?

— А мне рассказывать не о чем. Вы заметили, что почти у всех есть земляки и только у меня нет ни одного близкого во всем полку, а может, и в дивизии. Один я.

— Ну так назовитесь, хоть откуда вы?

— Да я ставропольчанин, с Черкессии родом, — ответил он нерешительно.

— А какой станицы? — спросил я, так как уловил в его разговоре что-то близкое и родное. Его тоже, видимо, смутило, что я не назвал ни села ни деревни...

— Сторожевой, — ответил он не особенно уверенно. Я поднялся и произнес:

— Вот теперь и у вас будет земляк — командир взвода! Я родом из станицы Исправной, а жили мы на хуторе

Новоисправненском.

— А кто ваш батько?

— Лебединцев, а по-уличному — Лебедев, — ответил я.

— Захар Кондратьевич? — удивился он. — Мы же вместе в тридцатом на недельных курсах бригадиров учились.

Сержант и все разведчики с интересом слушали наш диалог и принялись поздравлять Павла Платоновича с появлением и у него земляка. Он тут же покинул свой пост у плиты, вытащил из вещевого мешка свою флягу, в которой сохранилась двух — или трехдневная зимняя «наркомовская» пайка, и разлил всем ради встречи, хотя, как выяснилось, у них было неписаное правило — в ночь не «принимать» по той причине, что всегда могут вызвать на задание. Земляк сел рядом и принялся расспрашивать о моих близких. Я рассказал о гибели отца на сплаве леса и где проживает мать. Я заметил, как по его пышным буденновским усам стекали слезы, которых он не стеснялся. Я спросил его о том, как он в таком возрасте мог попасть во взвод пешей разведки. Он пояснил, что еще во время формирования полка его, как казака, определили во взвод конной разведки, но лошадей не было и его перевели в пешую разведку. Этой же ночью состоялось мое первое боевое крещение, но о нем в главе «О храбрости и трусости».

Бой был удачным, и мы возвращались в свой домик в приподнятом настроении. Здесь нас ожидал политрук Шинклопер, с которым я познакомился впервые. Он был закреплен на все наши четыре разведывательные группы, и, прослышав о нашем боевом успехе, немедленно появился именно в группе Тарасова, теперь уже Лебединцева, чтобы вручить нам те документы, которые мы оставляли Павлу Платоновичу до возвращения из поиска. Узнав о том, что взводу причитаются новогодние подарки, он захватил с собой двух разведчиков и немедленно пошел получать их. Каждому из нас было вручено по посылке. Они были в сумках из домотканого холста, в которых обычно содержалось: кусочек сала, сухари или же булочки с запеченным яичком внутри. Иногда кусочек домашней колбаски с чесноком, сухофрукты или пара яблок, сохраненных с осени. Почти в каждой был кисет с табаком и вложенным письмом, чтобы крепче бил воин ненавистного врага. Мне вручили и вторую посылку из Ростова-на-Дону. Она отличалась от сельских — в ней была общая тетрадь, цветные карандаши, пачка печенья и почтовая бумага для писем. Тетрадь мне три года служила для записей адресов, полученных приказаний, служебных распоряжений, и в ней я вел запись маршрута отхода наших войск и с самого Черного моря в 1942 году. Была вроде

дневника, хотя последним приказом нашего Верховного вести дневник в действующей армии запрещалось. Сутки или двое дали нам отдохнуть, а потом снова каждую ночь поиски и все с одной и той же задачей — взять «языка», как будто взять в камере хранения чемодан. Неужели начальники не понимали, что немцы как нация значительно умнее нас? Они превосходили нас по интеллекту, по общему развитию, навыкам, так как жили в ином мире, их окружали машины и культура на каждом шагу. Наша армия, особенно пехота, комплектовалась исключительно из сельского населения, которое значительно уступало по своему развитию даже нашему городскому населению. Причем, захват «языка» становился показателем боевой деятельности в позиционной обороне. За контрольных военнопленных получали ордена не только те, кто их добывал, но и отцы — командиры полкового и дивизионного ранга. Даже соцсоревнование устраивалось между разведчиками и разведывательными подразделениями.

Больше всего заданий давали моему взводу по известному принципу: «Кто везет, того и погоняют». С каждым днем оборона у нас и у немцев усовершенствовалась и укреплялась проволочными заграждениями, минными полями, долговременными огневыми сооружениями, сигнализацией. Одна сторона всегда готова была перехитрить другую. Я пробыл в пехоте непосредственно на переднем крае, не поднимаясь выше штаба полка два года, два месяца и 17 дней и не помню случая, чтобы немецкие разведчики приходили к нам за «языком». Да и что им было приходить, если мы сами им порой оставляли своих разведчиков, не в силах вынести раненого и при угрозе попасть в плен всей группе. Ведь было же это, хоть мы и тщательно это скрывали.

Одним из заданий нашего взвода было проникнуть через передний край немцев и устроить засаду в бумажной фабрике с целью захватить пленного, если немцы придут за бумагой. Две ночи мы находились в засаде, но никто не явился по весьма прозаической причине: у них в избытке была бумага для штабов и для солдатских писем, как и конверты, до самого последнего дня войны, а у нас знаменитые «треугольнички» появились уже в летние дни сорок первого. Та бумажная фабрика работала на целлюлозе, бумага производилась и из соломы зерновых культур этого степного края Это была тонкая оберточная бумага для магазинных надобностей, но по нашей исключительной бедности она пошла в штабах за первый сорт писчей бумаги. Мы набили ею наши вещевые мешки, принесли в штаб и там писари сброшюровали из этой бумаги все книги учета и долго еще

использовали ее для записи боевых приказов и донесений. Эта розовая и голубая бумага еще сотню лет будет храниться в Подольском архиве МО. Я листал эти книги, приказы и донесения. Для желающих сообщаю отправные данные: Фонд 1135-го стрелкового полка, опись 11186, дело 4. В этой Алфавитной книге вписан и ваш покорный слуга под номером 134.

Встреча первого нового, 1942 года на фронте прошла в патрулировании стыка с соседом слева.

Неизвестно, сколько бы мы так упражнялись, если бы не сдали свой район обороны 1133-му стрелковому полку. Теперь наш полк был переброшен на правый фланг дивизии, а 1137-й оказался на левом фланге. Наш 1135 сп оборонял первым батальоном село Большая Кирсановка, а вторым — район Старая Ротовка, Колония № 3. Штаб покинул Матвеев курган и перешел в хутор Полтавский, примерно в трех километрах от фронта. По кубанским меркам это был очень маленький хутор, имевший всего одну улицу около 300 метров. Здесь разместились рота связи, саперный взвод, химики, комендантский взвод. Третьего батальона все еще не было, так как пополнения поступало мало.

В эти дни в полк прибыл новый начальник штаба полка старший лейтенант Веревкин Федор Васильевич, который сразу же получил звание капитана 15 февраля 1942 года, а 25.05.42 года стал уже майором. Он был 1913 года рождения, прибыл с должности адъютанта старшего учебного батальона нашего училища.

17 января 1942 года все взводы разведки были собраны в Большой Кирсановке. Здесь мы расположились в одной из уцелевших хат. Район этого населенного пункта оборонял наш 1-й стрелковый батальон, а южнее до Матвеева кургана — 2-й стрелковый батальон 1133-го стрелкового полка. Наш 2-й стрелковый батальон был во втором эшелоне дивизии. Рубежом противостояния сторон по-прежнему являлась река Миус, впадавшая в Азовское море. Это был южный фланг Южного фронта, оборонявшийся 56-й армией до побережья. Здесь делалось несколько попыток овладеть Таганрогом, но все они оказались безуспешными. Русло реки сильно петляло по равнинной степной местности, поэтому нейтральная полоса в отдельных местах могла достигать полутора километров. Сама река была шириной 10–15 метров, глубиной от 2-х до 3-х метров. Западный берег, занимаемый противником, был господствующим на большинстве участков боевого соприкосновения, что и позволило немцам остановить наступление наших соединений и частей после взятия Ростова-на-Дону 29 ноября 1941 года.

В Доме отдыха

Мне удалось отличиться в очередном бою, в котором погиб сержант Босов и о котором в главе «О добросовестности и паразитизме» и меня вызвали в штаб полка, чтобы наградить направлением в Дом отдыха. Перед моим уходом огнем немецкого снайпера был у порога ранен посыльный штаба. Ох, как мне не хотелось вылезать под вражескую пулю, зная, что вечером могу оставить полк на целых десять дней! Но как выйти если через воротный проем все время «вжикают» пули снайпера? Не сидеть же мне здесь до вечера, тем более что мне хотелось поделиться радостью с моими разведчиками. У двери сеней стоял мешок с соломой. Я осторожно выбросил этот мешок за дверь, и его прострелила пуля. Я мгновенно бросился, и пуля просвистела следом, когда я был уже за каменной изгородью. Так боевая обстановка приучала нас обманывать врага в большом и малом деле.

Разведчики ожидали моего возвращения, чтобы узнать причину вызова. Я рассказал о том, что вечером отлучусь на десять суток в Дом отдыха. Их всех, не меньше, чем и меня самого, удивило, что во время войны может быть такое чудо. Наказывали привезти табачку, так как с ним были частые перебои. Мы с Таджимуканом написали письмо жене Михаила Босова со словами скорби и утешения. Наказал всем подчиняться временному командиру Телекову. Раздеваясь, чтобы умыться перед поездкой в глубокий тыл за семьдесят километров от фронта, я не смог снять с головы мой разлюбезный буденновский шлем. Шишак был сорван в бою, и верх изрешечен осколками гранаты. Колпак шапки не снимался, и я почувствовал боль на самой макушке. Пришлось делать ножницами разрез сверху и частично выстригать волосы, которые с кровью присохли к подкладке шлема. Хозяйка дала в тазике теплой воды, я промыл волосы, и мне прижгли ранки йодом. Другой шапки не было, и только шапка Павла Платоновича смогла мне подойти по размеру (60 см), поэтому мы временно сделали обмен.

Когда было светло, немецкие минометчики не впускали и не выпускали санный и гужевой транспорт в село и из села. Да и в темноте часто обстреливали этот отрезок дороги. Провожать меня к штабу вышел почти весь взвод. Я попрощался и с Михаилом Лофицким. Подошли Чернявский и Ищенко — храбрые командиры роты противотанкистов. Подъехали к штабу легкие комиссарские сани, и мы вместе с Е.П. Ищенко выехали в политотдел, по чистой случайности располагавшийся в селе,

именовавшемся Политотдельское. Из села Большой Кирсановки мы воспользовались другим выездом, так как на главной дороге постоянно разрывались снаряды и мины. Мела пурга, но дорогу в политотдел ездовой знал хорошо.

Как мы удивились, когда увидели в хате настоящую керосиновую лампу со стеклом и «политчинов», что-то записывавших в тетради и читавших газету, ведь это было одной из главных их обязанностей на фронте, по принципу «каждому — свое». Работали они в гимнастерках с чистыми подворотничками, на петлицах у них сверкали рубиновые знаки отличия, почти как в довоенное время. Мы доложили о цели приезда. Видимо, о нашем прибытии было сообщено заранее, и нам вручили одно на двоих направление с подписью и печатью. О том, как нам добираться до Ростова, посоветовали узнать у главного интенданта дивизии, располагавшегося в соседнем селе в пяти километрах отсюда. Чтобы не заблудиться в пургу, нам посоветовали взять «в зубы» провод полевого кабеля и шагать по нему полем против ветра. Это был испытанный метод, и мы пошли, обдуваемые вьюгой и метелью. Мороз крепчал, снег бил в лицо. Наконец провод привел нас, мы пришли в нужный дом, который занимал интендант первого ранга. У него тоже было так же, как и у политотдельцев, — «тепло, светло и мухи не кусали». Доложились по форме, только назвали его «полковником», хотя он со своими тремя прямоугольниками соответствовал званию подполковника.

Он предложил нам раздеться. Я снял солдатскую ушанку, а под ней был надет шерстяной подшлемник. Оказалось, что он примерз к моему лицу от дыхания, и я сорвал со щеки кожу размером с монету в три копейки. На лице появилась кровь. Помощник командира дивизии по снабжению (так именовалась его должность) решил угостить нас ужином, так как уже знал о наших боевых делах. Конечно же, приняли мы «наркомовские» 100 грамм и поужинали горячим. В соседней комнате мы провели остаток ночи, а рано утром он вызвал «вещевика» и приказал одеть нас как женихов. Но на складе нашлась только новая шапка-ушанка по моему размеру да яловые сапоги. С первой машиной в Ростов нас усадили в кабину трехтонки, и мы в тепле прибыли на Пушкинскую улицу, где в одном из двухэтажных особнячков поместился пресловутый армейский Дом отдыха для отличившегося в боях командного и начальствующегося состава 56-й армии.

Так уж получилось, что мы оказались первыми и последними его обитателями. Закрыли его ровно через десять суток после первого потока отдыхающих. Причина мне неизвестна. Очень

сожалею, что мы тогда не запечатлели наш образ на коллективной фотографии для истории. Но все же я сделал там три снимка на колхозном рынке у еврея-фотографа на пятиминутном фотоаппарате. При современном уровне фотокамер, увеличительной аппаратуры, лабораторий и химии ныне трудно себе представить громоздкие фотокамеры тех лет, совмещавшие в себе в одном большом коробе-камере все фотографические процессы того времени и выдававшие через пять минут фотоснимки, которые фотограф, правда, выдавал в мокром виде, завернутыми в обрывок газеты трубочкой.

Но вернемся на Пушкинскую улицу в дворянский двухэтажный особнячок, где нас принял начальник в ранге майора медицинской службы или, как он тогда именовался, военврач второго ранга. Медсестра сразу провела нас вниз в ванную комнату, где было прохладно, но в топке титана горели дрова, и мы с Е.П. Ищенко впервые в жизни помылись в ванне, а в это время где-то рядом делалась прожарка от вшей нашего верхнего обмундирования, так как мы кое-кого привезли с собой из нашего фронтового быта. Белье нам выдали первой категории, и мы за полчаса стали совершенно другими людьми. Нас тут же провели в столовую, где было с десяток столов, накрытых белыми скатертями. Нам были указаны места за одним из них,

принесли поздний завтрак и по стакану портвейна вместо обычных фронтовых ста грамм «наркомовской» водки на фронте (как правило, разбавленной и не лучшего качества).

Нас поместили в четырехкоечной палате с обычными казарменными железными кроватями, аккуратно застеленными полным комплектом постельного белья. Наши шинели и ватные брюки тоже были подвергнуты обработке и уже висели на вешалке. Мы решили отдохнуть с дороги, поэтому быстро разделись, и я впервые за месяц пребывания на фронте почувствовал, как приятно чистое белье, теплое помещение и тишина провинциального города. Не было слышно орудийных и минометных раскатов, не взрывались авиабомбы, не было треска пулеметных очередей.

Ефим Парфенович уснул, как только прислонился щекой к подушке. Я же как только начинал засыпать, то вздрагивал и просыпался. Так повторилось несколько раз, и я понял, что не смогу уснуть на ватном матраце. Не мог же стакан крепленого вина так подействовать на меня и лишить сна? Я поднялся, взял шинель, постелил ее на прикроватном коврике, положил под голову противогазную сумку и быстро уснул. Проснулся от того, что кто-то тормошил меня за плечо. Это теребила меня медсестра, а рядом стоял начальник в очках. Он приложил руку к

моему лбу, потом проверил пульс и спросил, чем не понравилась мне постель. Я что-то пролепетал в ответ. Два стоявших рядом летчика засмеялись. Начальник с медсестрой удалились, а я разбудил Ищенко, и мы принялись знакомиться с подселенцами. Оба они были в сержантских званиях, но шинели на них были двубортные, темно-синие, комсоставского покроя, а на головах фуражки с кокардами (как они говорили — с «капустой»). Мы малость были в курсе того, что Сталин издал приказ всех рядовых летчиков выпускать в сержантских званиях, но денежное содержание и обмундирование у них были офицерскими. Впоследствии это было отменено и, более того, тяжелыми танками командовали лейтенанты, и даже механики-водители на них имели по одной звездочке.

Я спросил, на каких аэропланах они летают, и один из них с гордостью ответил: «На «Чаечках». Тут я вспомнил недавний случай на высоте 73.1, о котором будет рассказано в главе «О добросовестности и паразитизме» с подбитой машиной и геройским спасением летчика горящей машины. Они оба засмеялись и сказали, что это они и есть. Да, у одного из них был и явный признак ожога щеки. Вскоре в палату вошел майор, как оказалось, это был их комиссар полка в звании батальонного комиссара, хотя в авиации никогда не было батальонов, как и рот тоже. Он привез бутылку коньяка, откупорил ее и разлил в стаканы. Каждому пришлась «наркомовская» норма, и я впервые пил этот благородный, элитный напиток и не понимал одного: почему все говорили, что от него исходит запах клопов? Впрочем, в наших станичных и хуторских хатах клопы никогда не водились.

Мы спустились вниз в столовую, где начался обед. К обеду тоже положен был стакан вина. Еда была, по-видимому, по санаторной довоенной норме, только вместо табака на столе лежало по пачке папирос ростовской фабрики «Наша Марка» и по парочке мандаринов с аджарских плантаций. Это тоже для нас было дивом, хотя мне и приходилось их пробовать раньше. При входе в углу играл оркестр из четырех музыкантов филармонии. Молодая пианистка пыталась петь модные тогда песенки. Во хмелю я отважился сделать «заказ» и попросил исполнить известную и популярную тогда модную песенку «Чилита». Она очень мило одарила меня взглядом и выполнила мою просьбу. Потом, всякий раз, когда мы входили в столовую, исполнялась именно эта песня. Все музыканты этого ансамбля были еврейской нации, как сказал бы старшина Васков из очень известного кинофильма «А зори здесь тихие...»

Всего в Доме отдыха нас было человек пятьдесят. Самым

старшим по чину оказался бригадный комиссар, носивший «ромб» в петлицах, на носу круглые очки и чем-то очень напоминавший известного тогда секретаря МК Щербакова. Массовика в Доме отдыха не полагалось, но кто-то водил нас несколько раз в филармонию и на киносеансы. В один из таких выходов мы шли тротуаром по Буденновскому проспекту. По проезжей части маршировали в баню со свертками белья под мышкой зенитчицы. Вдруг я слышу крик одной из них: «Товарищ старшина, разрешите выйти из строя». Потом окрик: «Александр Захарович, одну минуту». Ко мне спешила Лена Бобрышова, бывшая отрядная вожатая из десятиклассниц последней школы, в которой я был старшим пионервожатым. Она прильнула ко мне и на радостях, что встретила близкого человека, пустила слезу, а также сообщила, что служит в зенитном артиллерийском дивизионе и что они охраняют железнодорожный мост, и вместе с ней служат Раиса Власенко и Мария Приходько — бывшие ее одноклассницы. Я записал номер их полевой почты и обещал написать, так как все они были помощницами в моем пионерском деле. Мы долго переписывались, потом связь прекратилась, и, только будучи уже на пенсии, мы имели несколько теплых встреч в городе Черкесске.

Памятуя о том, что здесь, в городе, проживает и работает с довоенного времени на кирпичном заводе двоюродная сестра отца Гиренко Елизавета Дорофеевна, я захотел навестить ее. Начальник Дома отдыха отпустил меня на день, и я пошел на поиски без адреса. Нашел без особых трудов, только лишь назвав фамилию родственницы. Она была очень рада встретить близкого человека в такое лихое время, угостила меня, и мы пошли в центр города на главный рынок у городского собора. (Здесь мы и повстречали того самого фотографа пятиминутки еврейской нации.) Я на радости сфотографировался с тетей, потом в одиночку, в полный рост и до пояса. Все снимки были на холоде с опущенными «ушами» шапки. Качество этих снимков оказалось вполне подходящим, и я смог выслать их родным и оставил себе и тете. Так прошел еще один день. (Тем фотографиям была уготовлена удачная судьба. После войны я их переснял и они вошли в некоторые ветеранские издания моих однополчан.)

На следующий день мы упросили начальника Дома отдыха совершить прогулку на лыжах по бульвару, но в послеобеденное время перебросили лыжи во двор через забор, а сами пошли в гости к знакомым моего напарника Ищенко. В предвоенные годы он закончил Ростовское пехотное училище и водил знакомство с официантками и другими служащими этого училища. Встреча и знакомство было с выпивкой. Нас расспрашивали о делах на

фронте, вспоминали бывших знакомых. Подходил конец нашему беззаботному отдыху, и мы все чаще вспоминали о своих однополчанах, подкупая им гостинцы, хотя в магазинах товары были только по карточкам. Нам здесь смогли продать по два килограмма мандаринов и по десятку пачек хороших папирос. С этим и возвращались мы с моим неразлучным рюкзаком, в котором я вез гостинцы сослуживцам. Было начало февраля. Грунтовые дороги днем оттаивали, и автотранспорт по ним проходил с трудом.

Снова в полку

Разведчики встретили меня с большой радостью, обрадовались необычным подаркам. Все я раздал своим разведчикам и только начальнику штаба дал пачку папирос и несколько мандаринов. Взвод без меня в разведку не посылали, а использовали в основном на патрулировании и наблюдении.

С моим приездом снова начали посылать с заданием взять в плен немца, «языка», об одном из них я рассказываю в главе «Об уме и тупости». Должен повторить, что такие контрольные пленные были прежде всего мерой активности войск в обороне. Как соцсоревнование шахтеров в добыче угля, вроде стахановского движения. Меня тридцатитрехлетняя служба не баловала стабильностью профиля обязанностей, и я всегда должен был много запоминать, осваивать многое заново, особенно в послевоенные годы в Главной инспекции МО, но из 33-х лет именно в разведке был самый тяжелый период в моей службе, хоть длился он немногим более четырех месяцев.

В начале марта в штабе пошли разговоры о готовности к наступлению. Штабу было приказано выдвинуться из хутора Полтавский в бывшую немецкую колонию Старую Ротовку. В четырех километрах от нее были Новоротовка и колония № 3. Теперь штаб полка находился в одном километре от переднего края, откуда предстояло наносить удар по противнику. Как всегда, прошли бурные партийные и комсомольские собрания с призывами громить и уничтожать ненавистного врага, как будто с ним можно было еще и обниматься. Да и присяга призывала нас к разгрому врага. Позднее, уже на Кавказе, мы пойдем дальше — начнем заключать социалистические договора на большее истребление немцев. Да-да, было и такое. И исходило оно, конечно, от партийно-политического аппарата, не в меру ретивого и просто бестолкового.

Март был временем самой ужасной распутицы на полевых грунтовых дорогах, а асфальтовых дорог на этом направлении вообще не было. Автотранспорт застрял в грязи по самые оси, лошади не могли вытащить даже пустые телеги. Подвоз боеприпасов задерживался, начались перебои и с продовольственным снабжением. Интенданты начали вывозить зерно из разрушенных и сожженных районных зернохранилищ Матвеева кургана, вручную молоть его и выпекать хлеб из этой муки. Запас боеприпасов в артминбатареях был незначительный. Знало ли об этом вышестоящее начальство? Если знало, то зачем было готовить это наступление с прорывом

глубокоэшелонированной вражеской обороны? Тем не менее это наступление на высоту 73,1 было проведено и запомнилось мне как одно из самых тяжелых, кровопролитных и неудачных из всех, в коих мне довелось участвовать за войну. Я вкратце рассказал о нем в главе «Об уме и тупости», а спустя много лет после войны, видимо по инициативе местных жителей и властей, умельцы соорудили на этой высоте огромный памятник в форме корабельного якоря из бетона и стали, который воплощает подвиг черноморских пехотинцев на Ростовской земле. Ежегодно я проезжаю по железной дороге Матвеев курган, Таганрог и всегда за пять километров различаю этот необыкновенный обелиск памяти отважным морякам. Рассказываю пассажирам подробности этого боя 8 и 9-го марта 1942 года. Кроме героики тех дней, я с горечью вспоминаю павших там, кого я близко знал: Чернявского, Мишу Босова, а позже Телекова Таджимукана и многих-многих других молодых бойцов, которые остались лежать в этой земле из-за бездарных начальников и плохой подготовленности к войне, нашей бедности с боеприпасами и несовершенного оружия. Кто исследует по документам те бои, тот сумеет сделать надлежащие выводы и рассказать правду о тех днях, чтобы никогда не повторилось то, что вынесло в годы войны то поколение наших мужчин и женщин.

Уставшие за двое суток этих непрерывных боев, мои разведчики вповалку спали на полу бывшего колхозного клуба. К разрывам вражеских снарядов и мин добавились разрывы снарядов очень большого калибра. Артиллеристы говорили, что это наши орудия береговой артиллерии, захваченные немцами в Одессе, установленные на железнодорожные платформы и стрелявшие нашими снарядами. Один из снарядов не разорвался, и мы все ходили смотреть его. Длина его составляла почти метр.

Вскоре штаб полка с подразделениями боевого обеспечения вернули на хутор Полтавский, где они разместились по своим старым квартирам. Мой взвод был задействован на службу ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь), для чего начальник штаба полка вручил мне пособие по опознанию своих и немецких самолетов по их силуэтам. Впрочем, мы их уже и без пособий знали и хорошо отличали от своих. Повесили гильзу у штаба, вручили наблюдателю бинокль и стали докладывать о пролете переднего края вражескими самолетами и направление курса их полета. Это было несложно, и с этим справлялись сами разведчики. Разведку переднего края немцев вести было невозможно ввиду сильного весеннего разлива реки.

Я был назначен оперативным дежурным штаба полка, вел рабочую карту, хорошо справляясь с этим, чем привлек внимание

начальника штаба. Но вскоре начало поступать пополнение в дивизию, и стал вопрос о развертывании третьих батальонов во всех полках, для чего потребовались командиры рот и взводов. Мне предложили командование 8-й стрелковой ротой в 3-м батальоне. Конечно, это было повышение по службе, а 3 марта мне было присвоено очередное звание «старший лейтенант». Кроме того, расформировывались все временные подразделения, такие как рота истребителей танков и все четыре разведывательные группы. Вместо них оставался один взвод пешей и формировался взвод конной разведки. Командиры других групп вступали в командование ротами 3-го батальона. На взвод пешей разведки я рекомендовал Телекова Таджимукана с направлением документов командующему 56-й армией на производство его в младшие лейтенанты за боевое отличие. Все разведчики поддержали меня, и сам Телеков возражать не стал. Состав взвода основательно обновился за счет других разведчиков, в основном из молодых и опытных бойцов.

Вместо роты истребителей танков формировалась рота ПТР (противотанковых ружей), которые начали поступать в дивизию. Наводчики готовились в дивизионной школе младших командиров, куда был направлен и мой земляк Стаценко Павел Платонович. Пополнение в дивизию поступало хорошее, в основном из Ростова и других городов области. По возрасту это были второразрядники из запаса, которые осенью, зимой и весной были землекопами в так называемой Ростовской саперной армии, которая готовила несколько оборонительных рубежей на подступах к Ростову. В самом городе строились бетонные баррикады на всех улицах западного направления. Большинство пополнения были рабочими из Россельмаша и других предприятий города и области. Работая в тылу и питаясь по соответствующей норме, были сильно истощены и первое время очень нуждались в дополнительном питании и восстановлении сил.

Наш старшина роты тоже ночами вывозил зерно из взорванного в Матвеевом кургане элеватора и после помола организовал дополнительную выпечку хлеба, усиливалось и котловое довольствие. Наш батальон был выведен во второй эшелон для оборудования позиции полкового резерва в трех километрах от переднего края. В перерывах между земляными работами я проверял стрельбу по мишеням. В этом мне здорово оказывал помощь мой заместитель лейтенант Авдюгин И.В. В тот год еще существовала такая должность, как и политрук роты. Ее занимал политрук по званию Гурьевский ВТ. Взводами временно командовали сержанты. У нас всегда чего-либо не хватало, а

людей — постоянно.

В те мартовские и апрельские дни сорок второго меня почти все радовало: комбат оказался весьма хорошим человеком, не требовалось ломать голову, как выкрасть «языка», солдаты перекрывали нормы земляных работ, меня не тревожили глобальные проблемы, письма от родных поступали регулярно.

15 апреля 1942 года командир батальона, в который входила моя 8-я рота, старший лейтенант Зайцев Нил Александрович потребовал представить в штаб батальона схему организации обороны роты с указанием на ней системы огня и взаимодействия с соседями. Дело было для меня новое, но привычное в смысле того, что я быстро соображал и выделял нужное в каждом отдельном случае. Выйдя на местность, я нанес все траншеи, огневые точки, показал секторы огня и отправил с посыльным в штаб. Вскоре комбат спросил меня по телефону: «Кто тебе вычерчивал схему?» Я ответил, что делал все лично. За сим последовал приказ явиться самому пред его ясны очи.

Прибыл в штаб батальона, и комбат спросил меня: не смогу ли я сделать такую схему за батальон? Я ответил утвердительно, и он тут же приказал адъютанту старшему лейтенанту Байстригину принять мою 8-ю стрелковую роту, а мне приступать к его обязанностям. Байстригин командовал саперной ротой полка, но ее свернули по весне во взвод, он оказался не у дел и дал согласие на штабную должность, но не «потянул» ее. Назначение сапера на стрелковую роту тоже было не гоже. Жалко мне было расставаться с моей ротой, но такова судьба военного. В батальоне встретили меня тепло. Комбат был уважаемым человеком в полку, его заместителем стал теперь уже капитан Ищенко Е.П., а комиссаром батальона был назначен старший политрук Криворотов. Комбат имел баян и прекрасно играл на нем в вечерние часы.

Вскоре комиссар как-то за ужином сказал, что пора мне подумать о вступлении в кандидаты партии. Я сослался на то, что не имею поручителей, но он пообещал в их роли себя и комбата, и через неделю я был принят в кандидаты партии. Комбат дал мне своего верхового коня, и я в один из дней поехал в политотдел за кандидатской карточкой. Обочины полевой дороги уже были покрыты густой травой. Конь то и дело опускал голову, чтобы сорвать былинку зеленого корма после голодной зимы. В воздухе замирал на месте, трепеща крылышками и щебеча, жаворонок. Слева протекал ручей, заросший камышом, где надрывались в споре лягушки. Артиллерийского и минометного огня не было с обеих сторон. Казалось, что никакой войны нет, и в мире покой и благоденствие. Хотя это было не так.

Уже 12 мая разразилось Харьковское сражение в районе Изюма, Барвенково и Балаклеи, где под командованием маршала Тимошенко войсками Юго-Западного направления был освобожден Харьков. Советские войска прорвались до Красноград, но немцы контрударами танков с юга отсекли их и нанесли им тяжелое поражение в живой силе и технике. Только 22 тысячам удалось прорвать кольцо и выйти из окружения. Поражение советских войск превратилось в поспешный отход нескольких армий Юго-Западного фронта и выход немцев к Волге и горам Северного Кавказа.

Отъезд на первую учебу

Вскоре произошли и другие изменения. Начальник штаба полка, теперь уже майор, был назначен на должность начальника оперативного отделения штаба другой дивизии, его заместитель (ПНШ-1), капитан Успенский М. П., был переведен с повышением в 1137-й полк начальником штаба полка. Новый начальник штаба пригласил меня в штаб и предложил должность ПНШ-1, но я категорически отказался и остался в батальоне, сославшись на слабую подготовленность в таком объеме и просил его при случае направить меня на курсы усовершенствования.

Вскоре такая возможность представилась, так как потребовались кандидаты на Курсы усовершенствования командного состава Юго-Западного фронта (КУКС), которые размещались под Сталинградом в районе станции Обливской. Из нашего полка на них направлялись: ПНШ-4 (по учету), я и еще один из лейтенантов. В штабе дивизии к нам примкнул еще один лейтенант из офицеров связи командования. Судя по отметке в книге учета, находящейся в Архиве МО, нас откомандировали на учебу 9 июля 1942 года. Нам выдали направление (одно на всех), сухой паек и продовольственный аттестат. Приказано было сдать личное оружие. Сдал и я свой пистолет «ТТ», но оставил неучтенный револьвер, так как даже в тылу он всегда мог пригодиться в то суровое военное время. Только нехватка личного оружия на фронте вынуждала к сдаче его офицерами при временном выбытии из части. До 1943 года обычно личное оружие выдавалось только командирам боевых подразделений, а начальники служб тыла, связи, саперных подразделений его не имели. В связи с этим приведу еще такой пример. Весной 1942 года совершенно перестали поступать на снабжение револьверные боеприпасы, и вооруженцы додумались рассверливать барабанные каморы револьверов под пистолетный патрон и ими стреляли, так как калибр пули соответствовал, хотя бывали осечки.

Получив проездные документы, мы выехали до ближайшей железнодорожной станции Ростов-на-Дону.

Этот город был родиной троих моих попутчиков, в нем проживали их близкие и родственники. Уже в пути следования они договорились провести там не менее трех суток, так как срок прибытия нам установили с расчетом всяких случайностей. Только я один был не ростовчанином, но заверил попутчиков, что приют себе найти смогу, рассчитывая на ту самую тетушку на кирпичном заводе.

Из машины мы вышли в знакомом мне центре у рынка, где я

встретил и узнал уже известного читателю фотографа. Спешить мне было некуда, и я устроился на стуле перед объективом аппарата теперь уже в летнем обмундировании с комсоставским ремнем с двумя портупеями, снятыми с погибшего лейтенанта, при малиновых петлицах мирного времени с рубиновыми квадратиками на них, которые неизвестно где добыл мне ротный старшина. Были и нарукавные знаки в брючном кармане, которые не успел пришить. Фотограф предложил сложить руки накрест и приложил мое украшение на рукав для съемки. Вытерпел положенную для съемки минуту, но тут тишину города нарушили гудки заводов и фабрик и вой сирен, возвещавших воздушную тревогу. Рядом с фотографом стоял мастер, точивший ножи, ножницы, правивший бритвы, и я по случаю отдал ему наточить последнюю и единственную память о покойном отце — его бритву. Однако, услышав сирены и оставив на месте орудия своего труда, оба мастера быстро убежали в убежище. А я стоял неприкаянным и размышлял, куда бежать. Когда уже послышался гул авиационных моторов и начали палить наши зенитки, один милиционер потащил меня в глубокое бомбоубежище под городским собором. Оно было переполнено базарным городским людом. Я протолкался к стенке, сзади меня схватила в крепкие объятия девица лет семнадцати, прижалась к моей спине и вздрагивала при каждом взрыве бомбы. Она обильно лила слезы и призывала родненькую маму в защиту. Младшая ее сестренка, закрыв личико ладонями, тоже что-то шептала, вроде молитвы. После первых разрывов в соседнем корпусе патронного завода начали взрываться боеприпасы. Бомбежка длилась не менее пятнадцати минут. Самолеты улетели, не потеряв от зенитного огня ни одной машины. Но треск горевших ящиков с патронами долго еще был слышен, пока пожарные не погасили пожар. Выйдя на площадь, я застал своих мастеров на месте. Они вручили мне бритву и шесть фотографий. Снимок того собора я сделал много лет спустя, когда ветераны праздновали сорокалетие победы в 1985 году.

Завернув снимки в мокром виде в газетную бумагу, мастер поручил еще раз промыть их в воде и досушить дома. (Как далеко был мой дом в ту лихую годину!) Не желая еще раз спасаться в бомбоубежище, я направил свои стопы на кирпичный завод и через час был у знакомого мне с зимы барака. Постучался в дверь, но мне никто не открыл. Выглянула соседка и узнала меня, запомнив с зимнего появления. Она объяснила, что моя тетка с началом интенсивных бомбежек бежала от них в станицу Мечетинскую за Дон, препоручив ключ от своей комнатки ей. Я объяснил цель своего посещения, и она охотно открыла дверь.

Она позвала меня к себе и тут же отправила младшую дочь с ведром за вином в ближайший киоск, где оно продавалось в разлив. Это было знаменитое Цимлянское. Продажа велась по довоенной цене без всяких карточек. Я вынул кое-что из своих дорожных запасов. Обедали мы, запивая хорошим винцом. Бомбежки, как по расписанию, повторялись ежедневно три раза в день. Жители поселка прятались в щелях, но сюда ни одна бомба не была сброшена, так как кирпичи не представляли для немцев стратегического значения, хотя именно из них возводились баррикады на западной окраине города. Вечером за ужином мы снова угощались вином. У соседки были две дочери. Старшей было лет семнадцать, а матери до сорока лет. Накануне ее муж был призван и интендантом отправлен на фронт. Старшая дочь строила мне «глазки». Она пригласила подружку, недавно вышедшую замуж и уже проводившую своего мужа на фронт. Та принесла гитару и пела «блатные» песни, подчеркивая ими свое «пролетарское» ростовское происхождение. Но снова послышался сигнал воздушной тревоги, и меня увели в щели за домом. Здесь повторилось то же, что я слышал и в подвале собора днем: слезы и причитания, призывы к всевышнему пощадить их судьбы и кров. С молодушки как ветром сдуло всю ее браваду, она причитала наравне с другими и даже больше.

В условленный день и час я и мои попутчики собрались в пустом здании железнодорожной станции у кассы. Дальние поезда на север уже не ходили. Только пригородный поезд до Новочеркасска стоял у перрона, на нем мы и выехали. Через час мы спустились на пустынную платформу Новочеркасска, и здесь я увидел выходящего из здания вокзала моего бывшего комбата Нила Александровича Зайцева. На его груди сиял новый орден Красного Знамени Сам он выглядел изможденным после тяжелого ранения в грудь, поэтому обнялись мы без прижиманий и похлопываний. Все в группе знали Зайцева и решили «обмыть» его первую награду, а в буфете кстати продавалось Цимлянское. Зайцев получил в госпитале отпуск по ранению и должен был ехать в Краснодар к родным. Прощаясь с ним, я вспомнил о фотографиях и решил подарить одну из них ему, сделав дарственную надпись на обороте. В почтовом отделении нашелся конверт, и я написал письмо родным, в котором известил о выбытии на учебу и тоже вложил пару снимков. Я попросил Нила Александровича опустить это письмо на станциях Кропоткинской или Армавире, что он и сделал. Снимки были получены родными. Летом 1985 года я был приглашен на встречу однополчан 339-й дивизии и узнал, что Зайцев тоже поддерживает связь с советом ветеранов, а проживает он в Москве. Вернувшись, я немедленно

обратился в адресный стол Москвы и получил его адрес, но, к великому сожалению, он уже был в другом мире. Его супруга показала мне коробку с его фотографиями, среди которых был и тот мой снимок 1942 года. Она предложила выбрать на память его фотографию — на ней он запечатлен в послевоенные годы, и на его груди были ордена Отечественной войны 1-й степени и Александра Невского в дополнение к тому ордену Красного Знамени еще без колодки. Те ордена чтились, в конце войны как знаки геройского отличия.

Далее до узловой станции Лихая мы ехали на грузовике. Это было 14 июля. Немцы уже выходили в окрестности Лихой и Новочеркасска. Станция была переполнена эшелонами, кроме того, везде поддеревьями стояли только что вышедшие из боя танки, за ними и охотились вражеские «Юнкерсы» Под одной раскидистой акацией танкисты прямо на броне обедали с сухарями из консервных банок и прикладывались к кружкам, черпая прямо из погнутого промасленного ведра какую-то жидкость. Предложили и пехоте. Надо сказать, что танкисты к ней относились с самым душевным уважением, не то что артиллеристы или конники. Мы приняли приглашение, и нам вручили по сухарю и кружке того самого напитка, который оказался разливным коньяком неизвестной марки. Пока мы грызли сухари, они рассказали нам о трагедии под Барвенково и об отходе нескольких армий Юго-Западного и Южного фронтов. Мы об этом ничего не знали.

Бегство

Тут снова «завыли» паровозные гудки, предвещая новый налет вражеской авиации. Танкисты полезли под танки, куда последовали и мы. Налет был массированным и безнаказанным для немцев, так как зениток не было, а наша истребительная авиация в те дни вообще не показывалась в воздухе. До нас доносились только непрерывные пулеметные очереди «Максимов» с соседней полуторки, принадлежавшей танкистам. Потом услышали крики: «Горит, горит!». Когда мы вылезли из-под танка, то увидели горящий самолет и обезумевшие глаза наводчика пулемета, который, выпустив тысячу патронов, не мог оторвать ладоней от рукояти пулемета. Он даже рот расцепить не мог от перенесенного страха пикировавших на него бомбардировщиков. Так и увезли героя в санчасть, чтобы сделать ему противошоковый укол.

Военного коменданта на станции уже не оказалось, а машинисты сказали, что в сторону Сталинграда составы не идут. Карту нас не было, и мы решили пробиваться на станцию Тацинскую. Всю ночь мы ехали на разных перекладных и к утру 16 июля въехали в станицу, имевшую железнодорожную станцию.

Мы были голодны и решили искать продпункт на станции, но его там не оказалось. Вся станица была заполнена машинами и телегами гужевого транспорта. Везде царила паника. Только мы отошли от станции, как на нее был совершен налет бомбардировщиков «Хейнкель-111». Они сбросили свой смертоносный груз на эшелоны и пристанционные склады. Мы подумали, что, возможно, найдем что-либо съестное, но продовольствия нигде не было, а всевозможное обмундирование и обувь стали грабить не только местные жители, но и наши армейские обозники, видимо, для последующего обмена на продукты [4]. Нам без своего транспорта было не до плащей, шинелей и сапог.

Неожиданно раздалось несколько разрывов артиллерийских снарядов. Какая тут началась паника! Все машины, трактора с орудиями и повозки ринулись на восточную окраину станицы в надежде поскорее уйти от места обстрела. Полевая дорога вела на пригорок. Многие ехали даже обочинами. За все время я не увидел и не услышал ни одного слова команды или какого-либо распоряжения относительно занятия позиции или рубежа. Впрочем, пехоты и танков здесь не было видно, только транспортники и обозники, которыми никто не руководил и не управлял. В колонне двигались пушки-гаубицы большого калибра

на прицепе тракторов ЧТЗ, ими руководила женщина воентехник первого ранга с тремя квадратиками в петличках. Ее команды охотно выполняли, но артиллерийских командиров я не видел. Поднимаясь на пригорок, я бросил на обочину свою шинель. Пыль стояла огромным столбом над всей полевой дорогой, маскируя отходящую колонну как дымовой шашкой.

Дышать было нечем в этой сплошной, непроглядной завесе, и я решил свернуть вправо, чтобы далее следовать проселочной полевой дорогой. Увидел балку, по которой протекал ручеек. В нем застряла полуторка железнодорожников, и они безуспешно толкали и не могли ее вытолкнуть. Я подбежал и помог им. Наконец выехали на сухую дорогу, и они бросились в кузов. Я тоже с заднего борта попытался влезть, но получил удар по кистям рук, машина поехала, а я ост алея. Вытащив свой револьвер, я сделал три выстрела по колесам и прострелил одну шину. Но они и тогда не остановили машину, только один из мужчин вытащил немецкую винтовку и пригрозил мне. Кто это был? Наши? Немцы?

Я снова вернулся в колонну. Начальница тракторной тяги гаубиц пригласила меня на сиденье трактора, и мы пару часов ехали и вели разговор на злободневную тему нашего грандиозного бегства. Потом поблагодарив ее за участие, я спрыгнул с трактора, и меня подобрал один ездовой конной упряжки, чтобы я подменил его, пока он делал «перекус» Он предложил и мне пару сухарей и фляжку с теплой водой. По очереди мы управляли лошадьми и иногда засыпали. Вечером у ручья сделали остановку, чтобы подкормить лошадок. Сварили перловую кашу и подкрепились. Более всего мы дорожили и охраняли буквально с оружием на изготовку нашу пару лошадей.

В наступившем рассвете мы увидели голубую ленту Дона и слева большую станицу Константиновскую, где был большой понтонный мост. Здесь, в начале спуска дороги, на обочине я увидел стоящего одного из моих попутчиков — лейтенанта по имени Петр. Мы обрадовались встрече. Ни он, ни я ничего не знали об остальных двоих из нашей команды. Я спрыгнул с повозки, и мы начали спускаться к реке южнее станицы с ее мостом, который подвергался непрерывным налетам вражеской авиации и бомбежкам. Мы решили искать другой способ переправы и он вскоре перед нами возник — обычная рыбачья лодка, на которой ее хозяин перевозил на другой берег таких же солдат, как и мы. Следующим рейсом он доставил нас на противоположный берег. Пройдя с десяток шагов, мы увидели грядку с огурцами. Собрали несколько штук и съели их без соли и хлеба, затем в изнеможении крепко уснули на лужайке.

Проснувшись через пару часов, решили продолжить наш путь в сторону хутора, видневшегося вдали.

В одном из более зажиточных дворов увидели старика на порожке дома и его старуху, хлопотавшую у летней печки во дворе. Зашли во двор без спроса, поздоровались и сели на ступеньки. Я сразу понял, что мой попутчик более моего стесняется начинать разговор о еде, поэтому я спросил прямо: у кого можно купить что-либо из продуктов. Но старик ответил, что мы не первые с таким вопросом обращаемся. Я вспомнил о вчерашней стрельбе из револьвера по колесам полуторки и решил перезарядить барабан. Вынул его и начал шомполом выбивать пустые гильзы и вкладывать боевые патроны. Я как-то даже не придал значения этому, а на деда подействовало. Он немедленно поднялся, спустился в погреб и вынес полкаравая хлеба и сала размером с кусок хозяйственного мыла и велел жене налить нам по миске супа. Я оставлял им денег, но они не взяли, надеясь на то, что, может, и их сынов накормит какая-нибудь доброжелательная хозяйка. Мы сердечно поблагодарили хозяев, унося не только полбулки хлеба и сало, но и теплоту в сердце.

Нам нужно было выходить к железной дороге Кропоткинская-Сальск-Сталинград, чтобы разыскать пресловутые наши курсы в таком сплошном потоке отступления двух фронтов. Дед посоветовал нам держать путь на станицу Большую Мартыновку и далее выходить на ближайшую станцию Кубырле. Во вчерашнем потоке бегущих мы много раз видели отступавших на самых различных видах транспорта, вплоть до верховых лошадей с телогрейкой вместо седла. Петр высказал мысль о том, что и нам следовало бы подумать об этом. И тут на пустынной полевой дороге обгоняет нас мальчишка на рессорной двуколке. Она свернула вправо к полевому вагончику, у которого обычно бригадные стряпухи готовили еду колхозным работягам. В данном случае мальчик, видимо, привез обед отцу-трактористу. Петр отвязал повод и занял место в этой двуколке и скомандовал мне: «Карета подана!» Мне ничего не оставалось, как сесть и с чувством огромного стыда продолжить наш путь дальше. Весь день мы ехали теперь по совершенно пустынным полевым дорогам, изредка подкармливая коня на обочинах дорог. К вечеру появились тучи и мы продолжили путь, пока в темноте при вспышках молнии не увидели впереди село. Да, это была Большая Мартыновка — донская станица. Все дворы в ней были заполнены кавалерийскими лошадьми. В комнатах вповалку спали всадники, не выставив не только часовых, но и обычных дневальных. Разразился гром, и начался дождь, от которого мы смогли укрыться только в курятнике, всполошив хохлаток полуночным

визитом к ним. После ливня мы в темноте выехали за околицу и выпрягли лошадь на лужайку. Сами мы, сидя в дрожках, ожидали рассвет. При восходе солнца мы позавтракали нашими скудными припасами и поехали на восток. Только во второй половине дня мы увидели вдалеке проходящий поезд и услышали его гудок. Работавшее звено молодых колхозниц подтвердило нашу догадку о том, что впереди станция Кубырле. Лошадь наша выработала свои последние лошадиные силы и понуро стояла на обочине. Я предложил девчатам в общее их пользование коня с двуколкой, за что они нас хорошо покормили теплым еще кулешом и домашними фруктами. Последние пять километров мы прошли пешком, как и положено пехоте. Возвращение двуколки колхозницам хоть в какой-то мере оправдывал тот неблаговидный поступок, который мы совершили вчера с изъятием ее у колхозников.

Добрались до станции Кубырле. Теперь этот населенный пункт именуется Пролетарским. Ничего не узнав здесь, мы решили ехать в Сталинград, чтобы выяснить судьбу наших курсов. На подножке товарного вагона мы доехали до города Котельниково, где была городская военная комендатура. У коменданта мы выяснили, что все учебные заведения выводятся из города в южном направлении. Мы были голодны и без продовольственного аттестата, который остался с общим на всех направлением на курсы у нашего старшего, бывшего ПНШ-4 нашего полка. Неожиданно мы оказались рядом со столовой военного училища летного состава. Я поинтересовался у поварихи насчет еды, и она предложила нам пол кастрюли перловой каши без хлеба. Мы поблагодарили сердобольную женщину и вернулись на станцию. Первым же поездом в южном направлении мы выехали, устроившись на ступеньках санитарного вагона. Вечерело, когда медсестра впустила нас в тамбур, а после ужина для раненых предложила нам и ужин — такую же точно кашу, какой угощали нас в Котельниково, но мы были рады и такой пище. Утром мы сошли с поезда в городе Сальске. Здесь ничего выяснить не удалось, так как комендатуры не было. В городе было тихо, он еще не подвергался налетам авиации противника. Через него уже начали отходить какие-то обозы и команды, в основном не вдоль железной дороги, а на юго-восток, в сторону Ставропольского края.

Мы решили провести ночь в городе, чье наименование носил мой родной 1135-й стрелковый Сальский полк. От стыда я твердо решил не признаваться об этом печальном факте местным жителям. Приютила нас на ночь одна сердобольная женщина, покормившая ужином. На ночь мы устроились на совершенно

свежей соломе во дворе, хозяйка дала нам по подушке и летнее одеяло. Утром после завтрака мы простились и, поблагодарив за приют и питание, влились в одну из проходящих неорганизованных колонн.

На одном из перекрестков полевых дорог мы решили подождать другие проходящие части. Вскоре увидели в первой шеренге колонны нашего старшего группы, который за эти дни отпустил бородку и усы. Рядом с ним шагал и четвертый наш лейтенант. Вот, право, как оказался мир тесен! Оказалось, что наши попутчики отыскали наши курсы. Это для нас имело огромное значение, так как метаться по дорогам отступления без всяких сопроводительных документов было крайне опасно, а мы не имели даже удостоверений личности, которые в войну не выдавались. Читатель поймет опасность нашего положения, если вникнет в то, что это было 26 июня, то есть в самый канун выхода в свет знаменитого приказа Верховного «Ни шагу назад» под номером 227 от 28 июля 1942 года.

Справа от дороги показался большой пруд с чистой водой, и нам скомандовали большой привал, чтобы помыть портянки, белье, да и обмундирование. У меня сохранился кусок бельевого мыла, который очень пригодился всей нашей команде. Сделав постирушку, мы долго барахтались в воде, смывая многодневную пыль. О трусах и майках мы в те годы и понятия не имели, поэтому мылись и сушились, как ныне нудисты. Я решил надеть еще влажные кальсоны и в это время услышал из кустов свою фамилию и направился туда. Каково же было мое изумление, когда у повозки увидел в кругу людей у котла своего последнего командира батальона — капитана и адъютанта старшего — того же сапера Байстригина, а с ними вместе с ездовым и бывшего своего старшину роты, ставшего теперь командиром хозяйственного взвода батальона. Они деревянными ложками черпали и ели с сухарями пшенный суп из котла. Не много ли таких неожиданных встреч за какую-нибудь первую половину дня? Я только и сумел молвить: «Мир тесен!»

Старшина тут же дал мне ложку и предложил участвовать в их трапезе. Оказалось, что шли уже вторые сутки, как был сдан Ростов. Оставив оборону на реке Миус, войска 56-й армии бежали, чтобы не оказаться в котле после выхода немцев к Азовскому морю и захвата донской столицы.

В той панической неразберихе в ночное время комбат с начальником штаба батальона потеряли управление ротами и далеко уклонились от маршрута отхода основных сил дивизии. Они оторвались так далеко, что их могли признать дезертирами, чего они и боялись в то время. Видимо, батальоном командовал в

это время заместитель командира батальона капитан Ищенко Е. П.

Расспрашивать дальше было бесполезно. Я услышал команду: «Приготовиться к движению» и, поблагодарив за обед, побежал снимать с веток одежду. Надевать пришлось еще влажную. Подбежавший старшина вручил мне в вещевом мешке пару килограммов сухарей и банку тушенки. На прощание он сказал:» С вами мы бы не заблудились...» В походном строю я рассказал своим однополчанам о встрече с бывшими сослуживцами, и мы представили огромный размах той катастрофы, которая произошла в разгар лета сорок второго года на юге советско-германского фронта. Немцы устремились к Сталинграду и на Кавказ к нашим нефтяным источникам.

Так как я был небольшого роста, то всегда безошибочно занимал место в последней шеренге, куда и пристроился в ходе марша. Рядом позвякивал «малиновым» звоном своих шпор старший лейтенант с синими петлицами и эмблемами кавалериста (скрещенные шашки на фоне подковы) на них. Сосед был коммуникабельным, он представился, назвав себя Епьниковым Афанасием Ивановичем. Родом он оказался из села Надежда, что под самым Ставрополем. Я тоже назвался, и он обрадовался, что мы земляки из одного края. Протянув руку, он сказал: «Будем дружить». Далее он предупредил, чтобы я держался ближе к нему. Полезность этого я вскоре понял из его практических действий. Колонна курсов вступала в большое село Белая Глина. Мой новый друг успел захватить под жилье приличную хату с молодой хозяйкой и поручил мне охранять их от посягательств других охотников, а сам отлучился на минутку, после чего принес бутылку самогонки. Так началась наша дружба. Он всегда являлся добытчиком, а я всего лишь хранителем. С такими людьми было удобно дружить, полагаясь на их контактность с местным населением. Таким был сапер Николай Стрижов на Кубани, таким мне показался и Афанасий с первых часов знакомства.

Наутро за завтраком из полевой кухни: нам приказали оставаться в помещении школы, где должна быть прочитана лекция. Но это была не лекция, а указания начальника курсов о том, что нам предстоит длительный марш до города Прохладного. Понятно, что это слишком далеко, и он рекомендовал добираться самостоятельно любым видом транспорта. Тогда он еще не знал о вышедшем приказе Верховного. Мой друг сразу принял решение непременно навестить мать в селе и сестер в Ставрополе, а потом заехать и к моей матери в Черкесской автономии.

Покинув Белую Глину, мы прямо в поле сумели сесть на ступеньки железнодорожных цистерн и доехали до Тихорецка, потом до Кропоткина, откуда на пригородном поезде приехали в Ставрополь и оказались у замужних сестер моего друга. Несмотря на тяжелое время, встреча была с выпивкой, со слезами радости и горя одновременно. Вечером мы были в селе, в родной хате друга, где были проводы его младшего брата в армию. Затем мы, простившись с его родными, поездами снова выехали до Кропоткина, а далее на юг через Армавир к ближайшей станции Невинномысской.

Ехали мы на тендере паровоза. Перед нашим приездом эту станцию впервые бомбили немецкие самолеты. На перроне вокзала лежали неубранные трупы эвакуированных, в их вещах уже «шуровали» железнодорожники. Здесь мы встретили еще двоих наших попутчиков с курсов. Пошли искать продпункт, так как мой друг еще не успел сдать свой продовольственный аттестат на курсах и надеялся получить сухой паек. Рядом оказалась вокзальная столовая. В ней уже были выбиты окна, хотя дверь была на замке. Один из наших проник в окно и передал нам булку хлеба и с десяток подгоревших котлет прямо со сковородки на плите. С этой добычей мы удалились подальше от станции. Одна из казачек предложила покормить нас свежим борщом, и мы пообедали первый раз за этот день. Обстановка оказалась настолько сложной, что я даже не стал напоминать другу о поездке к моей матери, так как очень опасался отрыва от главной железнодорожной магистрали. В предгорьях вполне можно было оказаться прижатым к горам со всеми вытекающими последствиями.

Снова товарными вагонами мы прибыли на следующее утро на крупную узловую станцию Минеральные Воды. Ее тоже перед нашим приездом впервые отбомбили немецкие самолеты.

Почти все железнодорожные пути были забиты эшелонами с эвакуированным оборудованием, грузами и скотом. Стоял состав с погруженными свиньями какого-то совхоза, которых уже никто ничем не кормил. Наши попутчики ушли на продпункт, так как мы слышали, что там военным раздают хлеб, а мы с другом решили упросить свинарок дать поросенка для забоя на питание. Но они ни под каким предлогом не решались на это, хотя свиньям было в пору поедать самих себя в вагонах без корма и воды. Друг выбросил одного прямо на пути и, взяв мой револьвер, подстрелил, избавив от голодных мучений.

Встретились с попутчиками и вышли на восточную окраину города. Здесь в одном из дворов мы обнаружили свежую солому, на костре из которой можно было осмолить поросенка. Нас

впустили во двор, и я быстро справился с разделкой тушки, а три девушки-хозяйки уже приготовили котел для варки мяса с молодым картофелем, который предложили нам прямо с грядки. Приготовленная пища из свежего мяса утолила наш голод, но вовсе не улучшила настроения, особенно нас двоих, покидавших свои родные места. Девицы прямо сказали: «Куда же вам дальше отходить? Оставайтесь, здесь найдется, кому вас приголубить». Только одна из них была замужем и имела ребенка. Афанасий начал уточнять, кому он может стать утехой, но я положил руку на кобуру револьвера, и он все обратил в шутку.

Я все время чувствовал себя виноватым перед родительницей, сестрами и братишкой, что не смог отойти от железной дороги на 30 километров и увидеться с ними хоть один час. Позже я понял, что поступил тогда правильно, иначе оказался бы припертым к перевалам Кавказского хребта и в лучшем случае попал бы в плен.

Мы снова вышли на большак, ведущий к нашему пункту назначения. Колонны автомобилей и гужевого транспорта пылили на грунтовых дорогах. Вечер застал нас у одного хутора недалеко от Георгиевска, там мы и остановились на ночлег. Старушка, приютившая нас, намекнула на то, что ее сосед припрятал под кукурузными стеблями колхозный тарантас, на котором возил председателя, и пару коней. Афанасий вскрыл утайку гужевого транспорта и конфисковал в пользу армии. На следующий день ехали мы на своей линейке. Преимуществ перед пешим маршем было больше, чем недостатков. Во второй половине дня мы увидели справа от дороги строения какой-то фермы, откуда военные несли забитых кур. Мы тоже свернули и получили десяток тушек. Вечером мы были в городе Прохладном, где уже дымила полевая кухня, и привезенные нами куры были весьма кстати.

И снова новая задача на переход, теперь уже до узловой станции Беслан, куда мы добирались на своем транспорте. С этой станции ехали поездом до города Орджоникидзе. Это был город моего военного училища. Разместили нас во втором пехотном училище, которое полностью было выведено на фронт. Нам была прочитана лекция на тему: «Особенности совершения маршей в горно-лесистой местности». Я не запомнил ни одного из правил той убогой лекции, построенной на положениях боевых уставов.

Утром в конце августа курсы походной колонной выступили с двумя повозками и походной кухней по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал. На выходе из города я окинул взглядом до боли знакомую мне проходную и корпуса своего училища. На территории никого не было видно, видимо, и оно

уже сражалось на подступах к Сталинграду. Военно-Грузинская дорога была мне знакома на протяжении десяти километров. По ней мы ходили на стрельбище, по ней совершали марш-броски и в составе караула ходили на охрану водонасосной станции, питавшей весь город водой. Сейчас уже трудно вспомнить, сколько дней продолжался наш марш в 202 км от училища до Тбилиси. Но до грузинской столицы мы не дошли. Нас погрузили на открытые платформы в городе Мцхета и повезли по железной дороге до Сухуми, где и выгрузили, разместив в лесу недалеко от моря.

Еще пару слов об Афанасии Ельникове. Как-то возвращались мы из города в свой лесной табор через железнодорожную станцию, где имелся продовольственный пункт для проезжавших воинских команд и отдельных военнослужащих. Здесь можно было получить продовольствие в виде сухого пайка или горячую пищу в столовой по продовольственному аттестату, выдававшемуся всем командированным. В то время бланков аттестатов не имелось, и писались они от руки на любом листике бумаги с прикладыванием печати. Об этом и вспомнил мой друг Афоня. Такой аттестат на свое имя он получил на два человека, когда командировался из своего кавалерийского полка на курсы, Прибыв в наш «колледж», он не успел сдать его в хозяйственную часть. Сейчас он вспомнил о нем и тщательно рассматривал этот документ, размышляя, как из него извлечь наибольшую выгоду. В аттестате было написано, что старший лейтенант Ельников А. И. и с ним один человек по такое-то число удовлетворены продовольственным пайком. После этого прошел уже месяц. За прожитое время на продовольственных пунктах пайки не выдавали и можно было получить только наперед на трое суток. Не смущаясь, он в почтовом отделении дописывает к слову «один» «надцать» и получает сухим пайком на трое суток тридцать шесть сутодач. Это составило несколько буханок хлеба, пакет сухарей, несколько банок тушенки и рыбных консервов, была и местная брынза из овечьего молока. За буханку хлеба кладовщик дал нам пару мешков, и все это продовольствие мы унесли со склада. Напрасно я переживал и волновался. Все обошлось без последствий. Оставив булку хлеба, немного сухарей, брынзу и консервы, Афоня тут же обменял хлеб и сухари на «чачу» — грузинский виноградный самогон, — и мы удалились в наш лагерь.

Через пару дней нам объявили о распределении всех бывших слушателей курсов по армиям Закавказского фронта. Мне предстояло убыть под Новороссийск в 47-ю армию, а Афанасию в 18-ю армию. Мы переживали, что пути наши расходятся. Курсы

расформировывались, так как на этом фронте таковые были свои.

Мы прибыли в отдел кадров фронта, где мой друг сумел провернуть еще одну операцию. За время отступления и длительных маршей наша обувь пришла в полную негодность, да и гимнастерки с шароварами прохудились на локтях и коленях. Афанасий разведал, что здесь есть вещевой склад, и за бутылку чачи договорился о замене нашего поношенного обмундирования. Вернулся он со склада в новом обмундировании и потребовал, чтобы я следовал за ним на склад. Заведующий предложил нам подобрать одежду по росту и взамен оставить свою поношенную. Мой друг успел надеть на меня два комплекта. Выйдя со склада, я разоблачился, и он тут же поменял второй комплект снова на чачу и грецкие орехи. Каково было наше разочарование, когда мы убедились, что наши брюки и сорочки оказались из обыкновенной сатиновой ткани и даже не цвета хаки, а серого. Но тогда об этом не задумывались. Еще хуже было, когда вместо наших разбитых «кирзачей» нам выдали английские ботинки из свиной кожи, сильно походившие на футбольные бутсы. Афанасий оставил свои старые сапоги со шпорами, а я в придачу получил к ботинкам пятиметровые «голенища», как именовали тогда обмотки. В этой одежонке пришлось встретить и провести на перевалах зиму, получив к холодам телогрейку тоже из сатиновой ткани и башлык из серой байковой фланели, так как тогда даже солдатских ушанок не было.

В один из дней я был назначен сопровождающим на автомобиль, на котором наши офицеры отправлялись в 18-ю армию. По единственной приморской дороге движение автотранспорта было весьма интенсивным. Часто возникали пробки. У одной из них, где заглохла полуторка, мы остановились. Вдруг появилась кавалькада легковых автомобилей. Из второй машины вышел знакомый всем по своим усам маршал Буденный С.М. и подошел к кабине полуторки, в которой спал техник-интендант первого ранга. Шофер маршала окликнул его, и тот предстал перед очами командующего войсками фронта. Семен Михайлович отвесил ему зуботычину, а у шофера мигом спихнули машину на обочину, освободив проезд.

Расставание с моим другом было теплым. Он беспокоился, что я со своим характером сгину без его опеки. Более чем месячная дружба на дорогах войны сблизила нас, как земляков. Жалко, что мы не обменялись домашними адресами, хотя я прекрасно помнил его хутор Надежда в шести километрах от Ставрополя. Несколько раз писал туда в послевоенное время, просил узнать однополчан-ставропольчан, но так ничего не смог выяснить о его судьбе.

Северокавказский фронт

Через пару дней получил и я направление под Новороссийск. В Фальшивом Геленджике размещался штаб Черноморской группы войск. Командующим ею был генерал Петров И. Е., а Членом Военного Совета у него был Л.М. Каганович, народный комиссар путей сообщения и член Политбюро ЦК ВКП(б). Все отделы полевого управления 47-й армии размещались в окрестностях Геленджикской бухты, и в составе одной из групп я прибыл в отдел кадров этой армии. Вскоре на армейские курсы младших лейтенантов из наших офицеров отобрали нескольких человек в качестве командиров учебных взводов, в число которых попал и я. Подбор производился по принципу наличия фронтового опыта и методических навыков. Курсы находились в греческом селе Пшада, где-то между Геленджиком и Туапсе.

Армия держала оборону на широком фронте на левом фланге Черноморской группы войск, входившей в Закавказский фронт. В ее состав входили 318, 337, 383, 216,176 и 339-я стрелковые, 242-я горностелковая дивизии и три отдельных стрелковых бригады. Передний край фронта простирался от станицы Азовской на правом фланге до Цемесской бухты у самого Новороссийска по северному подножию гор Главного Кавказского хребта.

Итак, из не состоявшегося слушателя фронтовых курсов я превратился в командира учебного взвода и преподавателя почти всех военных дисциплин трехмесячных армейских курсов младших лейтенантов. Нам вменялось в обязанность обучать курсантов тактике пехотных подразделений, огневому делу, материальной части всего стрелкового оружия, строевой подготовке, физкультуре и рукопашному бою, инженерной подготовке, топографии и всем уставам. Из преподавателей-специалистов был только химик. Организационно курсы включали две стрелковые и одну пулеметную роты, в каждой по три учебных взвода. Возглавлял курсы подполковник, у которого в подчинении был и начальник учебной части и три командира учебных рот. В каждом учебном стрелковом взводе было по одному ручному пулемету и личное оружие курсантов, с которым они пришли из боевых частей, чаще всего это были карабины и реже автоматы ППШ. Никаких учебных пособий, естественно, не было, в том числе и уставов и наставлений, так как курсы создавались на пустом месте. Курсантами являлись рядовые и сержанты из стрелковых частей и подразделений. Образование курсантам требовалось иметь не ниже семи классов. Но были воины и с начальным образованием, которые проявили себя в бою

на сержантских должностях. Пулеметчиками были матросы в основном из бригад морской пехоты, которые комплектовались экипажами затонувших кораблей и матросами из всех береговых тыловых служб. Моряков можно было узнать только по морской экипировке да блатным одесским песням.

За три дня мы пополнились и организационно оформились. Мой первый взвод первой роты разместили в помещении поселкового детского сада, состоявшего из двух комнаток. Нам выдали матрасные чехлы, которые курсанты наполнили опавшими листьями, и мы спали прямо на полу, укрываясь шинелями. Командиром роты был назначен старший лейтенант, имевший парадно-выходное обмундирование с довоенными знаками различия. По всему было видно, что он еще не нюхал пороха. Он совершенно не вникал ни в организационный, ни в учебный процессы взводов. Скорее всего, у него была «лохматая рука» в верхах, о чем нам было неведомо, так как он даже взводным не представился, как, впрочем, и всей роте.

Расписание занятий было составлено на все взводы одно, и мы приступили к работе. Два дня я нажимал на тактические занятия, отрабатывая те приемы, которым нас учили год тому назад, хотя и с учетом только что вышедшего Боевого устава пехоты, часть 1-я (БУП-42). По основным положениям нового устава начальник курсов сделал для командиров обобщенное сообщение, и мы его приняли к руководству. Речь в основном шла об изменении боевых порядков: о введении пехотной цепи в наступлении и сплошной линии траншейной обороны до батальонного уровня, а также о месте командира в бою. Эти положения получили свое дальнейшее развитие в 1943 и 1944 годах в специальных наставлениях по прорыву позиционной обороны противника и по организации огня в нашей позиционной обороне, которое основывалось на полученном опыте боев.

Видимо, на третий день занятий в конце сентября после завтрака я вывел курсантов на занятия по строевой подготовке в прилегавший колхозный сад, уже сбросивший листву. Я показал, какие необходимо отрабатывать приемы и приказал командирам отделений приступить к занятиям самостоятельно. Один из курсантов сообщил мне, что в расположение взвода проследовал начальник курсов с начальником учебной части. Я бегом бросился им докладывать и уже в помещении вдруг услышал визг бомб и два разрыва на месте, где проходили занятия. Мы упали на пол, потом я вскочил и бросился к местам разрывов, откуда слышались стоны раненых. Все начальство сбежало, и я остался с убитым сержантом и шестью ранеными без всякой медицинской помощи. Начальник курсов слышал стоны, но не направил к

раненым даже санитарного инструктора курсов.

Перевязав им раны разорванным бельем и полотенцами, я помог раненым выйти на улочку, где проезжала колхозная повозка, на которой я и отвез их на медицинский пункт для проходящих раненых, расположенный в крайней хате на западной окраине села. Меня приняли врач с медицинской сестрой и санитаркой. Врач сообщила о том, что никаких обезболивающих средств не имеет, а располагает только скальпелем и стираными бинтами. Для обработки ран солдатам просила выделить пятерых крепких человек, которые смогли бы держать каждого раненого за руку или ногу и за голову. Первым положили помощника командира взвода, у которого была проникающая рана в грудь. Сделав перевязку, его тут же на проходящей машине отправили с сопровождающим сержантом за 20 километров в Туапсинский госпиталь. Остальные бойцы были ранены в конечности.

Видимо, самым страшным для меня моментом в жизни явились те несколько часов, что я провел у изголовий своих курсантов, удерживая головы этих страдальцев. Четыре курсанта удерживали конечности, как на распятье, а врач извлекала из ран осколки, не имея ни пинцета, ни зажимов, ни резиновых перчаток, орудуя только скальпелем и перевязывая раны стираными бинтами, смоченными раствором марганцовки или фурацилина. Два курсанта постоянно делали самокрутки, прикуривали их и давали затягиваться: одну — страдальцу, а вторую — нашей исцелительнице. Благо недостатка в хорошем табаке в этом селе не было, так как именно здесь он выращивался и сушился.

В сквозные раны врач протаскивала смоченный бинт и протягивала его как сквозь ткань нитку с иголкой. Часа за три все было окончено. И за все это время ни один человек не прибыл от командования и не поинтересовался исходом обработки раненых, в том числе и командир роты. Только на следующий день на моем рапорте о случившемся в учебном взводе начальник курсов наложил резолюцию о выделении из каждого учебного стрелкового взвода по одному курсанту на покрытие некомплекта моего взвода. Узнав, что не отправлена даже «похоронка» на погибшего сержанта, я написал письмо родным с указанием причин гибели и месте похорон.

Возвращаясь на следующий день строем с полевых занятий, мы проходили мимо медицинского пункта. На порожке стояли три женщины в белых халатах. Я подал команду: «Взвод, смирно, равнение на ...лево!» Женщины подтянулись и с улыбкой проводили строй. И хоть это не было предусмотрено Строевым уставом, я считал, что поступил правильно. Но я не подал такой

команды, повстречав командира роты, о чем потом были разговоры.

Еще через день меня вызвал начальник курсов и лично поставил задачу на проведение разведки по нашему ущелью вплоть до перевальной точки Главного Кавказского хребта. Мне вручили карту-километровку, выдали сухой паек на день, и я, выслав головной дозор, повел взвод к намеченному пункту. Видимо, командующего армией интересовал вопрос, не проникли ли германские горные егеря на перевалы. Этот поход все время в гору не очень изнурял моих курсантов. Все мы были молоды. Осень навевала грусть в связи с близостью наступления зимы, но горные склоны утопали в золотистом бархате листвы. Курсанты на привалах барахтались в листьях как дети на мягкой подстилке.

Прошли развалины Черного Аула, обозначенные на карте, и вскоре оказались на перевальной точке. Какой восторг вызвала панорама протекавшей на равнине Кубани и вид предгорных станиц: Северская, Азовская, Ильский, Холмск, Абииск. По железной дороге шли поезда, по шоссейным дорогам двигались автомашины. В тишине иногда доносились разрывы снарядов или мин. Я послал дозорных вправо и влево, но они никого не обнаружили. Здесь, на самых перевальных точках, я впервые понял всю тяжесть боев, которые предстоят нашим войскам, отрезанным от баз снабжения этими высокими горами и бездорожьем. Как мы только смогли выстоять и удержать перевалы и горы? Даже сейчас трудно ответить на этот вопрос, хотя мне самому пришлось их отстаивать вместе с моими курсантами, которым так и не довелось по-настоящему учиться на курсах.

Через некоторое время поступила команда курсам начать поход через горные перевалы на северные скаты Главного Кавказского хребта. Произошло это несколько дней спустя после очередной годовщины нашей державы. В этот праздничный день немцы решили «прощупать» оборону 1137-го полка моей родной 339-й дивизии и нанесли удар по станице Азовской, которую обороняли 2-я и 3-я роты этого полка. Роты бежали, оставив Азовскую, к следующей станице — Абинск. Для дивизии и всей армии это было огромное «ЧП», особенно после приказа Верховного «Ни шагу назад». Командующий 47-й армией генерал-майор Гречко А. А., вступивший в командование ею 19 октября 1942 года, приказывает во что бы то ни стало вернуть населенный пункт, но в ротах полка 55 и 58 человек. И тогда он принимает глубокомысленное решение: бросить свой последний оперативный резерв — армейские курсы младших лейтенантов, имевшие ровно столько же курсантов, сколько было в тех двух

отошедших ротах полка. Это в те годы было весьма модным — посылать десятками на верную гибель военные училища под Ростовом, под Подольском и Сталинградом. И погибали завтрашние лейтенанты в качестве рядовых без всякой поддержки своих атак не только танками, но и артиллерией. Приоритет принадлежал не Гречко, а генералу армии Жукову Г. К. и другим высшим военачальникам, требовавшим «любой ценой» и «мы за ценой не постоим». А потом ковали на трехмесячных курсах младших лейтенантов с четырьмя классами общего образования. Впрочем, я не берусь судить строго за те действия. Взгляды меняются часто. Наша военная история еще не все оценила и не сказала настоящей правды. А тогда, выступая в поход, мы даже не знали, кто командует армией, ибо командующих на ней с сентября 42-го по март 43-го сменилось пять человек. Все неудачи на фронте решались снятием, перемещением, отстранением, переводом военачальников, а не надлежащим обеспечением вооружением, боеприпасами и умением организовать и провести операцию и бой. Ниже я об этом непременно расскажу подробнее.

Двигались мы по горной дороге, по обочинам которой стояли повозки, застрявшие в грязи. Рядом лежали павшие от бескормицы и истощения лошади. Навстречу попадались караваны вьючных лошадей, на которых за Кавказский хребет доставляли боеприпасы, а обратно вывозили раненых. Но и вьючные лошади уже уступали дорогу ишакам, которых срочно изъяли у местных жителей. Они тоже везли за перевал по два ящика патронов, а обратно раненых. Наконец, нас обгоняли вереницы девушек из Геленджика и Кабардинки, которые несли на своих плечах на перевязи, как на коромысле, по два орудийных выстрела калибра 76 мм и в узелке харчишек с собой на двое-трое суток, и шли почти всегда под дождем и снегом на перевальных точках. Сколько же нужно было таких подносчиц, чтобы провести артиллерийскую подготовку, если на организацию прорыва на равнине требовались десятки железнодорожных эшелонов снарядов? Кто это нынче подсчитает на компьютерах и нужно ли это делать, чтобы еще больше растревожить ноющие память и раны ветерана? Ведь прижатые к горам наши войска оказались в таком же положении, как немцы в Сталинградском «котле». И все-таки ценой огромных жертв и лишений народ выстоял.

Задень мы смогли выйти только на перевальную точку хребта, где уже основательно лег снег и мела метель. Здесь решено было провести ночь. Курсанты начали делать настил из хвойных веток, но уснуть на них не пришлось от холода, так как зима застала нас в летней форме. У меня была только хлопчатобумажная телогрейка на вате, хлопчатобумажные

шаровары, гимнастерка и летняя пилотка. На ногах английские ботинки и советские пятиметровые «голенища». В придачу к пилотке полагался абхазский башлык, принадлежность казаков и горцев. У нас тогда только пилотка да обмотки соответствовали армейскому артикулу, все остальное было из серой хлопчатобумажной ткани, а башлык из серой байки, какая выдавалась зимой на портянки. Подкрепить фотографией, к сожалению, не имею возможности из-за отсутствия таковой. Спать нам, повторю, не пришлось. Мы собирали в темноте сушняк и жгли костры для обогрева, хотя вполне могли получить сверху бомбу, но обошлось из-за плохой видимости.

Мы спустились в предгорья, и тут, думаю, к месту будет рассказать об известной каждому фронтовику особенности фронтового быта. Мои курсанты захватили пустующую баню, имевшую крышу и двери, и тут же начали топить в ней печь. Вскоре вернулись курсанты Пшен и Ваня и принесли два вещмешка мяса убитых лошадок, которые верно послужили армии на фронтовых дорогах и, оказавшись убитыми, поддерживали нам жизнь в качестве пропитания. Долго варилось то мясо и осталось жестким, но молодые зубы сделали нужное дело, и мы уснули в тепле сытыми. Утром я вышел «до ветра» в крапиву и поинтересовался, что меня так сильно беспокоит в области растительности на лобковой части. Боже мой! Там обильно поселились лобковые вши, о которых я слышал не раз, но до этого не имел с ними дела. Я тут же пошел в штаб и нашел там военврача 2-го ранга, прикомандированного к нам на время боевых действий. Он сразу спросил: «На ком ты их прихватил?» Я ответил, что, кроме бани и сменных кальсон в Адербиевке, других источников не было. Он сказал, что нужна мазь под названием «полетань», но ее у него нет. Порекомендовал сбрить всю растительность и смазать керосином. Я захватил в крапиву кружку теплой воды, мыло, отцовскую бритву, керосиновую лампу из бани и в глуши зарослей оскоблил всю волосистую часть, потом фитилем смазал это место. Жжение было ужасным. Я листом лопуха дол го махал, как веером, уверяя себя в избавлении от этой напасти, как будто нам мало было самых обычных вшей, сопутствовавших нам всю войну. Но преждевременным было мое ликование. С отрастанием волос снова появлялись эти фронтовые спутники вплоть до июня 1943 года.

Здесь, в предгорьях Кавказа, наши курсы вступили в бои, которые характеризовались полным отсутствием управления боями со стороны всего командования курсов, включая и моего командира роты. Все начальники сидели в тылу, не видя и не

зная, что делают и как воюют взводы, не обеспечивая их даже едой. Мне со своим взводом удалось удачно атаковать румын, причем в качестве трофея нам досталась и румынская полевая кухня с мамалыгой, которая нам, голодным, оказалась очень кстати. Но об этом в главе «О смелости и нерешительности».

Вернулись мы вечером с пустой кухней и парой волов. Я обо всем доложил подполковнику и показал новое место 2-й учебной роты, о которой в штабе курсов три дня ничего не было известно. Через несколько дней обстановка стабилизировалась окончательно, хотя наши войска и не отбили Азовскую. Мы передали свои позиции 2-й и 3-й ротам 1137-го полка примерно в одном километре южнее Азовской и тихо, по старому маршруту, были выведены обратно в Адербиевку, а потом и в Пшаду. И так незаметно прошли почти три месяца, как мы с 18 сентября приступили к занятиям. И далее, не проучившись и одной учебной недели, получили приказ выпустить курсантов младшими лейтенантами, а сержантов лейтенантами. С таким же успехом те же чины можно было им присвоить 18 сентября в первый день формирования курсов. Мне могут возразить, что курсанты получили боевую практику. Но они ее имели и до прибытия на курсы. А то, что увидели в бою в составе курсов, то это надо было непременно забыть, как факт того, как не надо воевать. Но тем не менее мы узнали, что приказом командования начальник курсов был награжден орденом Красного Знамени, а начальник учебной части — Красной Звезды.

По этому поводу состоялось торжественное партийное собрание, но я на нем высказал критику командования за управление в бою и за фактическое отсутствие занятий с курсантами, а в ответ подвергся нападкам с их стороны. В мою защиту выступил политрук нашей роты. Тогда все переключились на него с требованием наказать вплоть до вынесения решения о его исключении из партии, за что и проголосовала вся верхушка. А нам, двоим взводным, единственным из всех принявших участие в атаках и имевшим боевые потери, объявили по выговору. Мы все трое тут же написали рапорта об откомандировании нас с курсов в боевые части и в тот же день получили предписания в отдел кадров армии. Политработники числились в отделе кадров политотдела.

На следующий день я встретил нашего политрука и он сообщил, что решение парторганизации курсов не утверждено и не будет занесено в наши кандидатские карточки. Ну в самом деле — как же он мог быть дальше беспартийным политруком? А другого он ничего в армии не умел делать. Не знаю, продолжали ли дальше функционировать эти курсы или их расформировали.

Через пару месяцев мне довелось встретить лейтенантом своего помкомвзвода, теперь лейтенанта Дортгольца. А много-много лет спустя я узнал, что он погиб в боях под Абинском в должности заместителя командира роты. А за все послевоенные годы довелось встретить в Баку в 1962 году одного из бывших курсантов Пашковского, теперь уже майора. Выпустился он младшим лейтенантом, в последующих боях получил ранение, лечился в бакинском госпитале, потом длительное время служил в одном из райвоенкоматов города. Встреча была очень теплой и радостной для нас обоих.

В армейском штабе

Вскоре я получил предписание явиться в село Марьина Роща в оперативный отдел штаба 47-й армии. Меня принял начальник в звании полковника. Он внимательно ознакомился с прохождением мной службы и объявил, что назначает меня офицером связи командования при штабе 318-й стрелковой дивизии, которая находилась в обороне, упираясь своим левым флангом в Цемесскую бухту при выходе из Новороссийска, а правым в высоту Сахарная Голова. Командный пункт ее находился на девятом километре от города на приморском шоссе в штольне скалы. Ранее на этой территории был пионерский лагерь под названием «Шесхарис». В мои обязанности входило ежедневно утром и вечером информировать офицера-направленца или оперативного дежурного штаба об обстановке. Требовалось периодически бывать в полках, изучать обстановку и информировать обо всех переменах и изменениях. Я понимал, что мне будет нелегко справляться с такими серьезными задачами при моем чине и молодости. Ведь мне 18 сентября исполнилось только 20 лет.

Я начал с того, что хорошо изучил по карте полосу обороны дивизии. Каждый день читал оперативные сводки и боевые донесения в штаб армии, запомнил командование и всех штабных офицеров, а порой и оказывал практическую помощь офицерам-операторам в вычерчивании схем и отчетных карт.

От Новороссийска нас отделяла бухта. Немцы по много раз в сутки обстреливали район командного пункта, но подземное убежище в скале могло выдержать разрыв даже самой мощной авиабомбы. Отдыхали мы ночью в зданиях бывшего лагеря, в которых были выбиты окна. Кормили и здесь весьма скудно, правда, конина здесь в рацион не шла. С наступлением темноты мы иногда спускались к берегу бухты и собирали на берегу оглушенную разрывами снарядов рыбешку и варили уху.

Когда обстановка в этой дивизии стабилизировалась, надобность в моей информации отпала и меня перебросили за Кабардинский перевал в поселок Эриванский, где саперы сооружали мосты через реки и делали трассу с жердевым покрытием. Это была единственная лесная дорога, выводившая от побережья к частям нескольких дивизий, но из-за заболоченности была непроходима даже для американских тягачей «Студебеккеров». На большом протяжении эту дорогу усиливали сплошным жердевым покрытием. По ней, не проваливаясь в топи, можно было ехать с минимальной скоростью, но у водителей от

трясучки немели кисти рук, а у пассажиров начинались колики в желудке. То была истинная езда по «стиральной доске». Но иного выхода в тех условиях наши инженерные войска просто не могли придумать. Именно по этой дороге мне пришлось пройти пешком с Народным комиссаром путей сообщения и членом Политбюро нашей партии Лазарем Моисеевичем Кагановичем, который в то время был Членом Военного Совета Черноморской группы войск, штаб которой располагался в Фальшивом Геленджике. Он был ранен, адъютант вырезал ему палку, и он, опираясь на нее, шагал в своей железнодорожной форменной шинели и фуражке по этому жердевому настилу.

Немцами и нами много написано о бедствиях немецкой 6-й армии, попавшей в окружение под Сталинградом на не самое продолжительное время. Почему же наши военные историки не исследовали данные о страданиях в течение полугода людей пяти армий (47-й, 56-й, 18-й, 46-й и 37-й), отрезанных горами с юга от единственной приморской дороги, а с севера прижатых к горам немецко-румынскими войсками? А наградой за все эти многомесячные страдания оказалась медаль «За оборону Кавказа», учрежденная 1 мая 1943 года.

Немецкие солдаты назвали учрежденную Гитлером медаль «За зимнюю кампанию 1941–42 гг.» медалью «За обмороженное мясо», а нам бы следовало назвать свою медаль медалью «За съеденное мороженое мясо конины на перевалах Кавказа», а генералам учредить орден за рекордное переназначение с одной на другую армии, корпус и дивизию. Автор книги «Битва за Кавказ» Гречко А. А. привел интересные данные в конце своей книги. За пять месяцев он успел покомандовать 12-й, 47-й, 18-й и 56-й армиями только на Кавказе. В конце книги, он также пометил списки командующих, членов Военных советов и начальников штабов фронтов, штабов армий, корпусов и дивизий. Для обычного исследователя тогда такие данные невозможно было бы опубликовать из-за цензурных соображений, но для министра было сделано исключение, и в них высветилась ужасная чехарда кадровых перемещений, каких, видимо, не было ни на одном другом из фронтов на протяжении всей войны. К автору можно добавить генерала Коротеева К. А., успевшего покомандовать 18-й, 37-й и дважды 9-й армиями, трижды перемещался генерал-майор Рыжов А. И. и другие. Наибольший рекордсмены командующих принадлежит несчастной 9-й армии, бежавшей связи боевые донесения и оперативные сводки для передачи их в штаб Черноморской группы войск, штаб фронта, а иногда и в Генеральный штаб. Погода была все дни дождливой и особенно плохо было курсировать с донесениями в ночное время.

Однажды в полночь я прибыл к начальнику штаба армии для подписи оперативной сводки. Генерал-майор Дашевский Я. С. занимал отдельную хату, в которой было тепло и горела настоящая керосиновая лампа. Генерал вышел из спаленки и в передней подписал документ для отправки с узла связи по проводам. В полуоткрытую дверь я заметил, как в постели нежилась молодушка, непонятно откуда: то ли из числа связисток, то ли из военторговской столовой или из ансамбля песни и пляски.

Для генералов выбор согревающих постель был, и немалый, но я вспомнил это вот по какой причине. Начальник штаба напомнил мне, чтобы на обратном пути я сообщил ему о передаче оперативной сводки. Шел я на окраину станицы в кромешной темноте и только подумал, что где-то рядом колодец с разобранным срубом, как тут же оказался в нем в свободном падении, а потом почти по пояс в воде, не успев зацепиться за стенки. Документ был за бортом телогрейки, и я, разведя руки и ноги, начал наощупь постепенно подниматься и вылез, весь дрожа от холода, а еще больше от страха того, что пришлось пережить. На мое счастье, колодец был неглубоким. В аппаратной было хорошее электрическое освещение от автономного бензинового агрегата. Солдатки-связистки сидели у своих аппаратов СТ-35 и «Бодо», передавая и принимая донесения и сводки. Все были опрятными, с прическами, а с меня текла вода, телогрейка измазана. Я вручил документ на передачу, а сам сел у печки отогреваться. Даже самые обычные девчушки показались мне феями в этом тепле и при хорошем освещении. На обратном пути я не хотел заходить в штаб, но имел такой приказ и с порога доложил генералу о передаче документа по проводам. Увидев меня у порога в столь непотребном виде, он немало удивился. Пришлось рассказать ему, как я выбирался из колодца. На столе стоял его электрический фонарь, видимо, сделанный на узле связи из трех телефонных элементов, он протянул его мне со словами: «Пользуйся, тебе нужнее». Это была первая генеральская милость за всю войну. Я долго не снимал его с груди, а на ночь, как и пистолет, хранил под противогазом, который у меня был вместо подушки. Более года хранили элементы заряд. А ведь у каждого немецкого офицера и даже унтер-офицеров были фонари гораздо меньше размером и с переключателями белого, красного и зеленого цветов. Нам потребовался добрый десяток лет уже послевоенного времени, чтобы наладить их выпуск для офицеров. Помню даже точнее. Впервые нам выдал их начальник инженерной службы округа на командно-штабном учении в тот день, когда Гагарин сделал свой первый оборот вокруг Земли.

Хоть и поздно, но достаточно символично.

Хорошо запомнился день 23 февраля 1943 года. Очередной день рождения «непобедимой и легендарной». Он тоже ознаменовался событием. Накануне осколком бомбы перебило ногу верховой лошадке офицера связи моей родной 339-й дивизии и пришлось пристрелить несчастное животное. Посыльные сняли с нее шкуру, а мясо снесли на станичную бойню. Мастер пустил его в переработку и, добавив чеснока, сделал вещмешок колбасы, а в столовую «Военторга» поступило в продажу шампанское с бывших складов Абрау-Дюрсо по довоенным расценкам. Продавали по две бутылки на каждого офицера, и мы решили «кутнуть». Захлопали в нашей набитой людьми хибаре пробки, и многие из нас впервые пили этот дворянский напиток, закусывая свежей конской колбасой. В нашу дверь постучались, и вошли еще двое: баянист и певица. Их лица были изможденными и худыми, похоже, артисты давно не ели по-настоящему. Они поздравили нас с праздником и попросили разрешения спеть. Мы настояли на том, чтобы они сначала выпили вина и приняли угощение. Поначалу певица пела одна, потом и мы начали помогать ей. Хотели организовать танцы, но «яблоку негде было упасть».

Снаружи моросил дождь, но в небе кружила «рама», высматривая жертву, и ее летчик решил сбросить пару бомб. Первая из них пришлась по баньке, в которой размещался старшина узла связи и мастерская, а вторая врезалась в угол нашей хаты и… не взорвалась. Она как зубами перекусила угловой стояк нашей избы в одном метре от земли и ушла глубоко в грунт. Я лежал на скамье, услышал грохот и увидел дыру в углу прямо у своих ног. Кто-то заорал: «Замедленная», всем выбегать наружу». Первый упал, споткнувшись о порог, на нем выросла куча посыльных. Еле разобрались во хмелю и отбежали на приличное расстояние, так как все щели в грунте были залиты водой. Бомба не взрывалась, а сквозь соломенную крышу начал проходить дым. От взрыва первой бомбы на чердаке разрушилась печная труба. Ничего не поделаешь. Полезли посыльные на чердак с ведром грязи и вывели трубу заново, а потом и дыру в углу заложили и замазали глиной. Начали снова топить печку. Связисты в щели похоронили останки старшины, внутренности которого пришлось снимать вилами с веток вишни. Мгновенной была беспощадная смерть пожилого воина. Это он смастерил тот самый электрический фонарик, который отдал мне генерал.

Не менее двадцати человек нас было в тот момент в хате, и я подумал, что все наши матери в этот праздничный день

сотворили молитву всевышнему о сохранении жизни их сыновей, так как только двое или трое из нас были женатыми, за них могли просить еще и их жены. И еще я не знал о том, что 14 февраля в нескольких километрах севернее между Абинском и Эриванской истекал кровью мой родной 1135-й стрелковый полк и в этот день погиб мой самый близкий друг из училища Миша Лофицкий. Чуть больше года хранила судьба этого окопного офицера. Вот как записано в журнале боевых действий тех дней. Полк длительное время находился в оперативном подчинении другой дивизии. 12 февраля численностью 1216 человек этот полк вернулся в состав дивизии и вскоре получил задачу выдвинуться севернее Шапшугской по щели Киящине. В 10 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. В 10.45 1-й батальон начал наступление на высоту 179.2. Опорный пункт немцев имел впереди окопов минное поле и проволочное заграждение в пять кольев. Наступление было приостановлено в 12.00 в 150 метрах от домика лесника. 13 февраля в 5 часов утра началась новая атака опорного пункта на высоте 179.2 с задачей любой ценой овладеть опорным пунктом, не считаясь ни с какими потерями. Саперы проделали проход в проволочном заграждении. 3-я и 9-я роты прорвались через проход. Командир 3-й роты лейтенант Доронин и командир 9-й роты старший лейтенант Корольков сблизились до 20–30 метров, но ввиду сильного огня вынуждены были отойти с большими потерями. 14 февраля с 5.00 до 10.00 батальон ведет бой за овладение высотой 179.2. Штурмовые группы, подойдя к ДЗОТам на 20–30 метров, ведут огонь по амбразурам, из окопов противник забрасывает наших ручными гранатами. Наши роты понесли огромные потери. Командир полка принял решение вести огонь по амбразурам, чтобы обеспечить вынос убитых и раненых с поля боя. В 11.30 повторная атака, но безуспешно. Убитых и раненых 61 человек. В числе их был и мой самый близкий друг.

Я почти не изменил стиля записей в журнале боевых действий, чтобы читатели смогли понять, насколько мы были беспощадны не только к врагу, но и к своим людям, посылая их на неминуемую смерть, так и не подавив огневых средств врага. Спросите любого пехотинца или пулеметчика, и он подтвердит вам, что на каждом участке фронта были свои «долины смерти», где лежали груды трупов наших солдат, посланных в атаку из-за дикого страха командиров перед вышестоящим начальством.

Видимо, в феврале, после убытия в Москву Л. М. Кагановича, его порученец подполковник Повалий получил назначение начальником оперативного отдела штаба нашей армии. Его предшественник, полковник, был назначен начальником штаба

корпуса. Офицеры оперативного отдела, видя мои задатки по ведению рабочей карты, приучали меня к исполнению схем и написанию оперативных документов, а начальник поощрял их действия. Поскольку я уже упомянул о Кагановиче, то, несколько забегая вперед расскажу о курьезной встрече с другим известным политическим деятелем. Как о начальнике Главпура о Л.З. Мехлисе до войны часто сообщалось в печати, и во время войны о его очень суровом нраве по отношению к командирам ходило немало слухов. Лично у меня произошла с ним встреча в мае 1943 года. В это время он был ЧВС Степного (Резервного) фронта, формировавшегося в Воронежской области, куда в город Россошь из-под Новороссийска прибыло полевое управление нашей 47-й армии. Штаб армии разместился в помещении городского узла связи и почты, а я временно исполнял обязанности офицера связи в оперативном отделе штаба. Командующим войсками Степного фронта был назначен генерал-полковник Иван Конев, а начальником штаба генерал-лейтенант Матвей Захаров.

В один из дней я был назначен помощником оперативного дежурного у одного из майоров-операторов. Ему было приказано выехать по делам службы, и я остался за него. Место дежурного было в небольшой нише коридора, напротив кабинета командующего армией генерал-майора Рыжова. На моем столике чадила коптилка из гильзы снаряда, а в конце коридора ярко светила электролампа от генератора армейского узла связи.

Вдруг со входа быстрым шагом проследовали мимо меня три человека в тот конец коридора, в котором горела лампа. Находившийся со мною в нише подполковник узнал Мехлиса и, назвав мне его фамилию, быстро сбежал. Фронтовые гости вернулись ко мне и я, брошенный начальством, приготовился представиться. Но в эту минуту начальство обходил солдат с чаем в котелке. Выбрасывая руку к головному убору, я в темноте ударил кистью руки в донышко котелка. Чай из котелка выплеснулся на меня и гостей. Я извинился и представился как помощник оперативного дежурного. Мокрый Мехлис оборвал меня вопросом: «Где командующий?» Я ответил, что он на квартире и я немедленно его вызову. Я открыл для гостей дверь и зажег единственную лампочку в кабинете Рыжова. Прибыл командующий армией и помню, что на указания ЧВС он повторял только два слова: «Есть!» и «Слушаюсь!». Но моя оплошность обошлась мне только легким испугом.

Кстати, в восьмидесятые годы встречу с Мехлисом описал в своих мемуарах и командир нашего полка Герой Советского Союза М.Я. Кузминов, рассказав о нем такие подробности:

«За день до эвакуации штаба на таманский берег я проверял

оборону крепости и встретил Л. З. Мехлиса. Он шел по стене крепости, как всегда чисто выбритый, подтянутый и опрятно одетый. Вдруг раздался характерный свист мины, я пригнулся, юркнул за стену. Мехлис, не обращая внимания на частые разрывы, спокойно шел дальше. Мне стало стыдно. Выйдя из укрытия, я побежал к нему с докладом о состоянии охраны штаба фронта. Устало улыбнувшись, он спросил: «Вы каждому взрыву кланяетесь?». Лев Захарович хорошо меня знал... »Каждому снаряду не накланяешься»...»

Наступала весна с теплом и надеждами на быстрейший разгром врага. Совершенно неожиданно начальник вызвал всех нас и попросил некоторых вернуться в свои части. Остальным, в том числе и мне, было объявлено, чтобы мы самостоятельно добирались попутными машинами в город Майкоп. Я и лейтенант-сапер Стрижов Николай решили ехать вместе. Он представлял армейскую инженерную бригаду, с друзьями был контактным. В последний раз мы проехали с ним по «стиральной доске» до Кабардинского перевала и добрались до приморской магистрали. Другим грузовиком доехали до Туапсе хоть и по разбитому, но асфальту. В центре этого городка располагался рынок, куда мы с другом и последовали. Продавались стаканами подсолнечные семечки, самогонка из сахарной свеклы, молоко, вяленая рыба и было много жирного мяса, пахнущего рыбой. Нам объяснили, что это вареное мясо дельфинов. Но коль ничего другого не было, то мы купили пару кусков этого мяса, а сухари у нас были. Купили и бутылку самогонки. Вышли на ответвление дороги на Майкоп, но в этом направлении машины шли редко и не делали остановки.

Николай вынул бутылку и начал ею «голосовать», что возымело свое действие, и нас прихватил на полуторку гражданский шофер. Дорога была грунтовой и сильно разбитой. Везде напоминали о себе следы сильных боев. Машина долго шла на подъем, и примерно в полночь мы приехали в населенный пункт Гойтх, где шофер решил ожидать утра. Мы развели под навесом небольшой костер и при его свете поужинали, распив самогонку. По одному дежурили у машины. Рано выехали и вскоре прибыли в столицу Адыгеи. Этот городок неплохо сохранился. В городской комендатуре уже был представитель от нашего отдела, он направил нас в один из кварталов в нижней части города, где мы и определились на постой в неплохом домике, обитателями которого были родители с семнадцатилетней дочерью. Оставив вещи, мы пошли искать наш отдел и столовую военторга нашего штаба. На городской площади было открыто фотоателье, и мы сфотографировались.

Снимки мастер обещал выдать на следующий день. Вечером было уличное гулянье с гармошкой, танцами и песнями. Те из наших офицеров, кто был постарше, нашли себе женщин, которые «приголубили» их. После завтрака мы получили свои снимки, и это было весьма кстати, ибо после обеда мне и Николаю объявили приказ поступить в распоряжение полковника, заместителя начальника штаба армии. К тому времени я успел написать письмо своим родным, указал, где нахожусь, и отправил его не полевой почтой, а опустил в почтовый ящик.

Полковник приказал нам быстро собраться с вещами и в его «виллисе» ехать с ним, причем он даже не назвал пункта следования. Хозяйская дочка попросила у нас фотографии на память и обещала писать письма на фронт.

Проехав несколько часов, мы оказались в станице Курганной. Это была районная станица по административному делению и узел железной дороги, так как от основной магистрали Армавир-Туапсе в Курганной отходила ветка на Лабинск. Обе эти станции были предназначены под погрузку всех частей армейского подчинения и штабов бригад, которые должны были разворачиваться в дивизии. Погрузка самого штаба армии, видимо, производилась в Майкопе. Каждый день на наших двух станциях грузились и отправлялись несколько эшелонов. Даже я и Николай не были в курсе дела, куда идут наши эшелоны. Кроме того, грузились штабы и некоторых стрелковых, мотострелковых и горнострелковых бригад с минимальным количеством личного состава. Полковник не особенно обременял нас обязанностями — я пару раз в день бывал на платформе погрузки. Там постоянно находился офицер службы ВОСО (Военных сообщений), а еще точнее — военных железнодорожников.

В Курганной оказался армейский ансамбль песни и пляски политотдела 47-й армии, о котором раньше мы и не знали. Его приказано было отправить последним эшелоном вместе с нами, а здесь он ежедневно давал концерты для военнослужащих отправляемых частей в местном клубе. И хотя его репертуар был не слишком богат, мы смотрели почти каждый день. Пропуск на концерт осуществлял Николай, как комендант гарнизона. Во время Пасхальной недели мы питались по-праздничному, так как местные жители делились с нами всем, в том числе куличами и «крашенками». Были деньги, поэтому иногда покупали продукты на рынке, а на станции был продовольственный пункт.

Уже в первый вечер у ступенек почтового отделения, в котором разместилась наша оперативная группа, на двоих старших лейтенантов собрались четверо девушек-подружек. Они вполголоса пели: «Серый камень, серый камень. /Серый камень в

пять пудов. /Серый камень столь не тянет, /Как проклятая любовь». На такую «молитву» нас и потянуло. Николай оказался весьма общительным человеком, и мы весь вечер провели на лавочке, разведывая обстановку. Среди девушек оказалась беженка из Питера. Они с матерью еще в сорок первом году эвакуировались на Кубань и трудились здесь, пока и сюда не пожаловали фрицы. Пришлось отходить в горы, где их в станице Исправной настигли моторизованные оккупанты.

Я чуть не воскликнул от неожиданности, но сдержался, и только спросил, как они там пережили нашествие. Она ответила, что там и боев не было вовсе. Наши ушли, а немцы следом за ними прошли в горы. Только и был убит один наш воин, который остался у молодой казачки, но оружие свое спрятал и не сдал полицаям, а когда они пришли забрать оружие, то он открыл огонь и был убит в перестрелке. В полночь Николай решил развести по домам наших певуний, а я остался с беженкой, так как она жила рядом на квартире. Оставшись вдвоем, я сообщил ей, что Исправная — моя родная станица, в которой я закончил семилетку. Назвал нескольких одноклассниц, которые там учительствовали, и она подтвердила, что знала их.

Тогда я спросил: кто же там был старостой? Она меня поправила: не старост, а атаманов выбирало в станицах казачье население. В Исправной избрали Павла Онуфриевича Панченко. Я почувствовал, как у меня прошел мороз по спине, ведь это был родной дядя — старший брат моей матери, несколько лет являвшийся председателем одного из четырех станичных колхозов, именовавшимся «Знамя Труда». «Ну и как он там служил немцам?» — спросил я. «Да никак, там и немцев не было. Говорили, что он якобы даже отправлял партизанам продукты, хотя партизаны там ничего не делали, спасаясь в лесах». «Ну и какова же его судьба?» — спросил я. «Когда немцы отходили, то с ними ушли и те, кто добровольно пошел работать в полицию, они прихватили с собою атамана, как заложника. Отошли с немецкой армией, и дальнейшая судьба их неизвестна». Эта горькая весть испортила мне настроение на много дней. Своей «новостью» я не поделился даже с Николаем.

Последним эшелоном выехала и наша оперативная группа. Провожать нас пришли все четыре воздыхательницы, и каждая из них подарила нам на память по вышитому носовому платочку. Эшелон держал путь на север. Проехали Ростов, Миллерово и в городе Россошь нас поставили на разгрузку. Это была Воронежская область, которую весной тоже освободили от захватчиков. Управление и штаб армии размещались в центре этого районного городка. Комендант штаба определил нас на

постой в крестьянской избе. Переднюю комнату занимали старик со старухой и грудным ребенком дочери-учительницы, сама она размещалась во второй комнате на кровати, а мы там же довольствовались матрацем на деревянном полу. До отхода ко сну молодая хозяйка грустно и неоднократно вздыхала на мягкой постели, а мы не могли помочь ее и своему инстинкту, ибо я заметил, что и Николай почти не вынимает правую руку из брючного кармана, скребя причинное место, так как мои «поселенцы» переползли и к нему, коль спать приходилось рядом. На следующий день я твердо решил побывать в армейском госпитале и достать ту самую мазь, которая помогает от этих насекомых. Когда подошла моя очередь к врачу, я увидел там женщину и бежал без оглядки прямо на городской рынок, где торговали всем, и в том числе трофейными вещами. Купив станочек трофейной немецкой безопасной бритвы и пачку лезвий, я взял с собой пару совершенно нового вискозного трофейного белья, кусок хозяйственного мыла и отправился в чисто поле к речушке, где был кустарник.

Был конец мая и ярко светило солнце, и хотя вода в ручье была еще холодной, но это меня не особенно смущало. Я разделся и отнес в сторону очень грязное мое бельишко. Мочалкой начал намыливаться и тут же сбривать всю мою растительность с ее обитателями вместе и отбрасывать далеко в сторону. Штук пять лезвий я истратил, чтобы «выкосить» все до пят. На этот раз керосина у меня не было, и я протерся трофейным одеколоном. Жжение было сильным, но слабее, чем от керосина. Я беспокоился за брюки и гимнастерку, но бог миловал, и я никогда уже не имел этих пришельцев, хотя обычные вши водились до перехода госграницы.

Штабы и части стали входить в штат. Подполковник Повалий предупредил, что хочет с первой оказией оставить меня на штатной должности помощника начальника отделения информации для ведения журнала боевых действий и отчетной карты. Я всегда ощущал недостаточность подготовки, понимал это и решил отказаться от сделанного предложения. Поэтому настоял на отправлении меня в часть. Отдел кадров армии выдал мне направление в 38-ю стрелковую дивизию, которая развертывалась на базе 40-й отдельной мотострелковой бригады, воевавшей ранее на Туапсинском направлении. Размещалась она в урочищах Ольховатского района Воронежской области, и я в тот же день убыл к новому месту службы на должность ПНШ-1 стрелкового полка. Я тепло простился с Николаем Стрижовым, который тоже вернулся в свою инженерно-саперную бригаду. Именно здесь в городе Россошь нам вручили новые знаки

различия — погоны и звездочки к ним.

Глава 4.
Жизнь на фронте в наступлении

Формирование

В штабе дивизии взяли мое направление из армии и на ту же должность написали направление в 48-й стрелковый полк. По прибытии я представился начальнику штаба полка капитану Осипову. Прочитав направление, он объяснил мне, что штаб полка создается на базе штаба отдельного мотострелкового батальона бывшей бригады и первый помощник начальника штаба (ПНШ-1) автоматически перешел с ПНШ батальона. Это лейтенант Ламко Тихон Федорович. Осипов предложил мне две должности других помощников: или начальника разведки или помощника по тылу. Несмотря на имеющийся опыт по организации разведки, я, подумав, решил дать согласие на последнюю должность, так как с сорок первого года у меня вызывало дрожь извечное: «Разведчик, когда будет «язык»?» Эта фраза стояла у меня в ушах как проклятие. Я это так прямо и высказал начальнику, и он решил оставить меня ПНШ по тылу, оговорив сразу, что я буду помогать ПНШ-1. За этим дело не стало, и он сразу же поручил мне сделать план проведения ротных тактических учений с боевой стрельбой , так как Ламко совершенно об этом деле не имел понятия, ибо даже не заканчивал курсов младших лейтенантов.

Он был комсоргом отдельного батальона в сержантском звании и за боевое отличие был пожалован званием младшего лейтенанта. Поскольку он имел законченное среднее образование, его выдвинули на должность помощника начальника штаба отдельного батальона, в таком качестве он автоматически и остался при переформировании батальона в полк. Из меня тоже методист был не ахти какой, но я хотя бы знал воинские термины по Боевому уставу и порядок проведения занятий, хотя и не с боевой стрельбой, которых в программе училища просто не было.

За сутки я разработал план проведения занятий, сделал расчет боеприпасов и мишеней. Фанеры для мишеней было не найти в то трудное время. Искали на свалках ржавые жестянки, дощечки и делали подобие мишеней. Патронов, снарядов и мин уже не жалели, лишь бы ликвидировать у солдат боязнь близких разрывов. Командир полка ничего решительно не смыслил в этом

деле, получил замечания и разнос в моем присутствии от командира дивизии, а всю злобу потом вылил на меня. Командиры батальонов тоже ничего не знали о проведении ротных учений, тем более с боевой стрельбой. Но делать это было нужно, ибо на 50–60% наше пополнение вообще не стреляло из винтовки, так как в запасных полках этому не успевали учить, а кадровую службу многие не служили из-за незнания русского языка. Своим прямым обязанностям я не уделял внимания совсем, да оно и не требовалось, так как начальники служб тыла и делопроизводитель хозчасти знали свое дело. Помощник командира полка по снабжению капитан Коротких не особенно нуждался в моей помощи.

Через несколько дней капитана Осипова на должности начальника штаба полка сменил прибывший с курсов майор Ершов Василий Васильевич. Порядка представления в то время никакого не существовало.

Один пришел, другой ушел — и только. Кем он был раньше, что окончил — ничего мы о нем не знали, да и он о нас тоже.

Чтобы дальше вести рассказ о штабе, я должен подробнее остановиться на его организации. Командир полка имел штатного заместителя по общим вопросам и заместителя по политической части, ему же подчинялся и штаб во главе с начальником. Замы имели служебную категорию подполковника и оклад 1300 рублей. Начальник штаба тоже считался заместителем командира полка и, более того, только одному ему предоставлялось право отдавать письменные приказания от имени командира за своей подписью. В штабе полка имелись шесть помощников начальника штаба, сокращенно именовавшихся по номерам от первого до шестого.

Первый помощник (ПНШ-1) — по оперативной работе. В его обязанности входило вес и подсчеты боевой численности подразделений и на этой основе делать предложения об их боевом использовании. Вести запись боевых задач подразделениям при отдаче командиром устного боевого приказа. Составлять боевые донесения в штаб дивизии. Письменно оформлять все боевые распоряжения штаба от имени командира полка. Вести рабочую карту и журнал боевых действий полка. Вести учет и снабжение топографическими картами. Замещать начальника штаба в его отсутствие. Организовать службу оперативных дежурных и руководить ею. Это далеко не полный перечень его обязанностей, который сохранился у меня в памяти.

Второй помощник (ПНШ-2) являлся начальником разведки. Он планировал и осуществлял разведку противника путем

наблюдения, захватом и допросом контрольных пленных, изучением боевых и личных вражеских документов. Он занимался укомплектованием и боевой подготовкой подчиненных ему взводов пешей и конной разведки. Он должен был всегда вести карту с данными о противнике и информировать начальника разведки дивизии.

Третьим помощником (ПНШ-3) считался начальник связи полка. Он имел в своем подчинении роту связи, состоявшую из штабного взвода, радиовзвода и телефонного взвода и обеспечивавшую проводной и радиосвязью батальоны и артиллерию. Он же руководил и работой батальонных взводов связи.

Четвертый помощник (ПНШ-4) имел в своем подчинении двоих делопроизводителей и нескольких писарей по учету личного и конного составов. Они вели книги учета, отдельно офицерского и личного состава, штатно-должностные книги, книги безвозвратных потерь, выписывали «похоронки», оформляли документацию к присвоению воинских званий, к награждению орденами и медалями, выписывали временные удостоверения и вели учет выданных знаков отличия. Они же вели всю отчетность по укомплектованию, по потерям в боевом составе.

Пятый помощник (ПНШ-5) должен был ведать вопросами тылового обеспечения и снабжения, но, по иронии судьбы, это был тот ПНШ, который занимался всем чем угодно, только не вопросами снабжения, так как начальники служб снабжения подчинялись непосредственно помощнику командира полка по снабжению. Все службы тыла находились во втором эшелоне полка, а ПНШ-5 в первом. Он использовался в зависимости от своей компетентности для выполнения поручений начальника штаба и его заместителя. Чаще всего он бывал оперативным дежурным и на посылках в подразделения.

И последний — ПНШ-6 — считался помощником начальника штаба по специальной связи. В его распоряжении находились кодовые таблицы для кодирования текста при передаче его по телефону и радио. Он же владел ключами для кодирования топографических карт, которые часто менялись. Он тоже был в штабе «на подхвате», так как посылать его в подразделения было опасно из-за наличия при нем таблиц кодирования.

Всем ПНШ, кроме ПНШ-6, полагались звания капитана с окладом 800 рублей, и только ПНШ-6 звание старшего лейтенанта с окладом на 50 рублей меньше. Кажется, в ноябре 1943 года до полков дошло изменение штатного расписания штаба, по которому статус ПНШ-1 повышался до майорского чина

и оклад его увеличивался до 850 рублей. Он уже официально начал именоваться заместителем начальника штаба полка. Начальнику штаба подчинялся еще комендантский взвод, имевший 7 человек отделения охраны, хозяйственное отделение, поваров с двумя походными кухнями для штаба и подразделение боевого обеспечения.

Наиболее частыми гостями штаба полка были полковой инженер и начальник химической службы, подчинявшиеся непосредственно командиру полка, но постоянно работавшие в контакте с нами. Они имели в своем подчинении саперный взводи взвод химической защиты. Часто бывали в штабе старший врач полка и начальник артиллерии. Начальник артиллерийского вооружения полка, начальники продовольственной, вещевой, военно-технической служб, начальник финансового довольствия и полковой ветеринарный врач почти постоянно составляли второй эшелон полка, но нередко бывали непосредственно в штабе. Чаще всего и ПНШ-4 находился с ними во втором эшелоне вместе с Боевым Знаменем полка. Пишу об этом без ссылок на руководство, исключительно по опыту нашего полка.

Как я уже сказал выше, ПНШ-1 был лейтенант Ламко Т. Ф.; ПНШ-2-лейтенант Гусев Н. А.; ПНШ-3-капитан Лукянов П. С; ПНШ-4 — старший лейтенант Бирюлин С. И.; ПНШ-5 — я и ПНШ-6 — старший лейтенант Зернюк В. С. Полковым инженером был лейтенант Чирва, начальником химической службы старший лейтенант Расторгуев А. Д. Из всех вышеперечисленных только начальник связи и ПНШ-6 соответствовали своим должностям в воинском звании, а все остальные на одну-две ступени были ниже. В послевоенные годы категории всех вышеперечисленных ПНШ и начальников служб были подняты до майорского звания, за исключением ПНШ-5 и ПНШ-6, которые были просто упразднены за ненадобностью.

Соответствовали ли мы своим должностям? Скорее всего, нет, кроме чистых специалистов (связист, химик, сапер). Дело в том, что ни операторов, ни разведчиков, ни укомплектовальщиков нигде не готовили. Если на ПНШ-4 мог пойти гражданский кадровик, то оператором с кругозором полкового масштаба мог быть только человек с академическим образованием или окончивший курсы усовершенствования в полковом масштабе. Я выяснил, что Академию имени М. В. Фрунзе закончили только два из пяти наших командиров дивизий. А полками командовали лица, не имевшие полного курса пехотного училища, что же говорить о ПНШ?

Дни проходили за днями в спешке учений, занятий, донесений и отчетов. Кормили относительно нормально по

фронтовой норме. Начала поступать на довольствие американская тушенка и яичный порошок. В качестве тяги в артиллерийский полк поступали из США грузовики и тягачи «студебеккеры». Появилось и вещевое довольствие из британского бостона, правда не для всех. Жили мы в лесу в шалашах и землянках, а в летнюю пору в лесу донимают людей днем слепни, а ночью комары, но для нас сущим бедствием оказались прожорливые гусеницы, съевшие все листья на деревьях. Никто тогда так и не раскрыл тайны их нашествия. Трава стояла зеленой, а деревья голыми, хотя именно они должны были служить нам защитой от воздушной разведки противника. Гусеницы ползали по шее, по лицу, падали нам в еду и везде переносились ветром на паутине. Только спустя пятьдесят лет я понял причину их нашествия. Бывали они, пожалуй, ежегодно, но их поедали лесные птицы. А мы разместились так компактно, что птицам даже гнезда вить было негде и птахи улетели в другие регионы, оставив нас на съедение гусеницам. Но, на наше счастье, вражеские самолеты не появлялись.

Самым страшным бедствием для штаба оказалась писчая бумага, вернее, ее отсутствие, так как бумаги не было ни в полках, ни в дивизии, а тем более не было книг для учета офицеров и личного состава. Даже строевую записку и донесение в штаб дивизии написать было не на чем. Начальник штаба отпустил меня в Россошь в штаб армии, где я у офицеров и машинисток смог выпросить около сотни листов порезанных топокарт старых изданий. На их обратной стороне можно было писать деловые документы. Для поиска бумаги предоставляли отпуск и командировки писарям в Краснодар и другие города. Возвращались они с вещмешками любой бумаги: обрывками обоев, архивными документами столетней давности казачьей управы, если обратная сторона оказывалась чистой, везли любые бланки бухгалтерского учета с чистой обратной стороной. Та оберточная бумага, что мы унесли с бумажной фабрики под Матвеевом курганом, была бы сущим кладом для штабов и подразделений. Совершенно не на чем было написать письмо родным с фронта, и они писались даже на книжных листах между строками. Так и уехали мы без книг учета воевать. К чему это привело, разговор будет ниже. Ведь «похоронку» послать и то был нужен адрес погибшего, а его не имелось из-за отсутствия учета.

Хорошо ли, плохо ли, но мы укомплектовались личным составом, вооружились, провели учения. Люди нам поступали в основном из среднеазиатских республик. Вот как это выглядело в цифрах. Из 7975 человек в дивизии русских — 4114 (51,5%),

украинцев — 663 (8,3%), белорусов — 86, армян — 164, грузин — 174, азербайджанцев — 338 (4,2%), узбеков — 726 (9,1%), таджиков — 820 (10,2%), казахов — 198(2,4%), остальные представители других мелких национальностей. В число русских вошли и бывшие воры-рецидивисты, которым заключение было заменено отправкой на фронт в действующие части на переднем крае. Солдаты нерусской национальности были из числа старших возрастных групп, которые пользовались отсрочками от призыва из-за того, что прежде не служили в армии и из-за незнания русского языка, да и у нас командиру дивизии на его приветствия в строю отвечали только русские офицеры и сержанты.

Я уже имел богатый опыт с ними на Миусе и на Кавказе. Знакомясь позже с донесениями моего родного 1135-го полка, прочитал в архиве запись такого содержания:

«Вчера при переходе полка в районе лепрозория два бойца нерусской национальности не стали подниматься после привала и следовать дальше по маршруту. Командир полка приказал расстрелять их за отказ от выполнения приказа в боевой обстановке, что и было сделано перед строем всего полка, без следствия и суда».

Да, было и такое.

13 мая командиром 23-го стрелкового корпуса генерал-майором Чуваковым Н. Е. были вручены ордена и медали за боевые действия бригады под Туапсе, а 28 мая частям и дивизии были вручены Боевые Знамена нового образца. Если подразделения и части проводили учения и боевое сколачивание, то с офицерами частей и дивизии никаких штабных и командно-штабных учений совершенно не проводилось. Мне кажется, что в то самое время никто даже не представлял, как это делать. Даже терминов этих мы не знали.

В наступлении

С 28 июля по 4 августа мы совершали марш к линии боевого соприкосновения и вышли в район села Зацарное Сумской области. С этого рубежа немцы нанесли 5-го июля удар на южном фасе Курской дуги с целью отсечения и окружения наших войск в этом выступе. Продвинувшись до 35 км, они понесли поражение в танковом сражении у Прохоровки, где с обеих сторон участвовало до 1200 танков. Теперь они отошли на исходные позиции и мы должны были прорывать их заранее подготовленную оборону.

Части дивизии в составе 38-й армии вышли в Сумскую область Украины в район села Зацарное, здесь 1-м и 2-м батальонами сменили 1-ю и 2-ю стрелковые роты 797-го стрелкового полка. Началась подготовка к прорыву вражеской позиционной обороны. Наш 3-й батальон был выведен в резерв командира 50-го корпуса, а 29-й полк полностью — в резерв командующего 38-й армией. Ночью саперы разминировали минные поля перед своим и вражеским передним краем.

Меня все же назначают начальником разведки 48 сп, и наша 38-я дивизия утром 5 августа начинает тупо и бездумно пытаться прорвать немецкую оборону. Об этом я пишу в главе «Об уме и тупости». После потери почти всех стрелков атаковавших частей и подразделений я, командуя группой в 35 человек, удачно захватываю у немцев село Васильевку на окраине города Сумы, о чем в главе «О смелости и нерешительности».

25-го августа дивизию перебрасывают на южное направление. Проходим ночью город Лебедин и к 7 часам сосредотачиваемся севернее села Мигулин, где и занимаем оборону. Командный пункт в селе Пашкино. На следующий день слева доносятся раскаты боя. Противник сделал до ста самолетовылетов «Ю-87». Наш единственный в полку 3-й батальон обороняет Шадурку. Рота автоматчиков к исходу дня овладела селом Педоричков. Справа от нас наступает 29-й полк, слева 71-я танковая бригада. Полк, да и дивизия впервые взаимодействуют с танками, хотя танков в этой бригаде почти не осталось.

В один из дней я сидел на бруствере щели и на коленях писал боевое донесение в штаб дивизии. В небе все время шли воздушные бои, немецкие бомбардировщики наносили удары по танковым частям. Ниже нашего штаба полка располагался штаб одной из танковых бригад, видимо, это и была 71 тбр. Мимо меня проходил старший лейтенант-танкист. Он посмотрел на меня и замедлил шаги. Мне он тоже показался знакомым, я поднялся ему навстречу, и когда мы пожали друг другу руки, то оба и

вспомнили, что учились и закончили семилетку в одном классе в 1937 году. Прошло всего шесть лет, а столько перемен в жизни! Да, это был он, тот самый Саша Носарев, который приехал в Исправную из Ростова и имел металлические коньки, пионерский галстук и горн. В классе его звали Сашей, а меня Саней. Он был командиром танковой роты, которая вела здесь бои и потеряла все танки. Живых танкистов комбриг решил использовать в обороне как пехоту. Уже на пенсии я узнал от землячки, что Саша остался жив и проходил службу в танковых войсках до выхода на пенсию в звании подполковника. Жаль, что не представилось встретиться после войны. Завершал он свою службу на Украине.

25 августа была освобождена Ахтырка, но на нашем Гадячском направлении шли упорные кровопролитные бои под населенными пунктами Московский Бобрик, Веприк, Педоричков. Эти села часто переходили из рук в руки. Только за 1-е и 2-е сентября полк потерял 43 человека убитыми и 113 человек ранеными. Все поступавшее пополнение тут же «перемалывалось» в боях на погибших и раненых.

1 сентября в полк прибыл из военного училища лейтенант Зайцев Алексей Николаевич. Комполка майор Кузминов, сменивший снятого Бунтина, назначил его как стажера и послал в разведку вместе с командиром взвода лейтенантом Марковым, с которым мы брали Васильевку. Командир хотел последнего выдвинуть начальником разведки полка, чтобы командиром взвода остался Зайцев. Разведгруппа ночью ворвалась во вражескую траншею, учинила там бой, перебила много спящих немцев, но и сама потеряла командира лейтенанта Маркова и старшину Бугаева. Зайцев так и остался командиром взвода разведки до самого Днепра и много раз проявил себя находчивым и храбрым офицером. В послевоенные годы он стал генерал-полковником.

Одной из причин ухода Ламко из штаба полка на должность комбата была та, что начальник штаба Ершов не имел навыков в руководстве штабом, да еще имел пристрастие к выпивке, поэтому у них случались частые скандалы. Чтобы показать деятельность и работу штаба, наш начальник штаба, к примеру, часто посылал нас в боевые порядки подразделений с целью поднять ту или иную роту в атаку.

Батальоны почти никогда не представляли боевых донесений в полк, а мне нужно было всегда достоверно знать положение рот и расположение всех средств поддержки и усиления. С этой целью я и так ежедневно посещал передовую линию. Помню, как однажды Ершов послал меня по срочному делу и дал своего коня. Всадник — цель более заметная, чем пеший, и по мне противник

«рыгнул» из шестиствольного миномета. Шесть разрывов легли вокруг. Я видел рикошетирование осколков вокруг, но ни меня, ни лошадь не задел ни один из шести разрывов, и только лошадь испугалась так, что я ее еле остановил за одним из сараев. С уходом Ламко я стал исполнять обязанности ПНШ-1.

Наконец 8 сентября полк с соседом овладели Бобриком и Веприком. На следующий день мы переправились через реку Псел. Начались напряженнейшие бои на всех участках. Наконец сломили сопротивление немцев и, форсировав реку Грунь вместе с другими частями в ночь с 11 на 12 сентября, ворвались в город Гадяч. Начальник штаба полка был лично вызван в штаб дивизии за получением боевого приказа на дальнейшие боевые действия, а я повел колонну штаба и подразделений обеспечения в горящий город. Недалеко от центра мы обнаружили в одном из дворов свежевыкрашенный дом и забор. Это было жилье немецкого коменданта города. Здесь я и развернул командный пункт. Направил связистов в батальон и на КНП командира полка, который сообщил, что находится на кирпичном заводе. С рассветом один из посыльных принес кипу каких-то бланков из немецкой комендатуры, на чистых обратных сторонах которых можно было писать боевые донесения, и писари бросились растаскивать этот клад для штаба.

Утром наш батальон перешел в наступление, а немцы, не выдержав удара, начали снова отходить в юго-западном направлении. В населенном пункте Петривка удалось захватить две пишущих машинки с русским шрифтом — извечная мечта каждого штабного офицера. Проходили одно село, улица которого сильно поросла бурьяном, а у ворот одного из дворов стояла семья из трех человек. В центре этакая Гарпына Дармыдонтовна, справа муж лет 40 с бородой, а слева великовозрастный отрок лет 22-х. Увидев наших радисток, которые несли за спиной на вьюках свою пудовую радиоаппаратуру, «патриотка» им крикнула: «Идить, мои деточки, и мою доню вызволять из Неметчины, забрав ее герман в нэволю». Обычно я в присутствии женщин не ругаюсь матом, а тут не стерпел, обложил ее отборной руганью, присовокупив: почему же она мужа и сына не послала вызволять свою доню и сестру? Мужиков как ветром сдуло в заросли крапивы. Вся рота связи, несмотря на усталость и зной, одобрительно засмеялась.

Проходим Майоровщину, Сенча, Исковчы, Хитцы, на, ночь сосредоточились в Чудовцах. Вечером принесли почту, и я получил два письма, в которых меня поздравляли с днем рождения. Только тут на исходе дня я вспомнил, что сегодня мне стукнул двадцать один год. Я задумчиво смотрел на строки

письма от родных и не мог поднять уставшую голову. Второй день рождения на войне! Не много ли? Друзья спросили: «Что, Захарович, дурные вести от родных?» — и я открыл тайну. Все бросились поздравлять и таскать за уши. Даже радистки Рая и Мария чмокнули меня в щеку. Комендант штаба, старшина, принес бутылку самогона, и мы чокнулись в полночь этим не очень благородным напитком под названием «Коньяктри буряка». Утром продолжаем преследование немцев, проходим Хитцы, Вильшанку и в середине дня вступаем без боя в город Лубны. Обычный районный городишко, но в нем функционировал довоенный спиртзавод. Немцы тоже нуждались в этом продукте, поэтому он работал и при них. Каким сырьем пользовались для перегонки браги на спирт, я уже не помню, похоже, отходами сахарного производства — патокой.

Впервые с начала боев под Сумами жители встречали нас цветами — астрами и гвоздиками. Подносили кружки с молоком и радушно махали руками, видимо радуясь, что обошлось без стрельбы, крови и разрушений. У завода суета военных — все мечутся в поисках посуды, так как на спиртзаводе обнаружена цистерна со спиртом и там наполняют всякие емкости, какие только можно найти. Это ныне мы имеем огромное количество типов банок, бутылок и пакетов от молока, даже непромокаемых сумок, а в ту пору, кроме чугунка, горшка и кувшина ничего не было. А у солдата фляга да котелок, да и то не у каждого.

Какая тут началась паника! Ездовые набирали в брезентовые ведра для пойки лошадей, повара переворачивали свои кухни, чтобы слить борщ и освободить емкость котла под спирт, а потом разливать его во все, что попадется под руку. Чтобы он не воспламенился, заливали водой огонь в топках. Штабной повозочный рядовой Пискун бросил мне вожжи, а сам убежал с двумя брезентовыми ведрами. Почти каждый солдат имел свой «кран», прострелив в цистерне дырочку бронебойной пулей. Наполняли, пока не спустили весь запас, часть которого ушла в грунт. Всего на сутки мой день рождения упредил такой благоприятный случай поживиться хмельным, чтобы отметить юбилей старшего лейтенанта. На очередной ночевке друзья решили еще раз поздравить меня, и я впервые в жизни пил неразведенный спирт, запивая его холодной водой из колодца.

Командование очень тревожилось, что немцы оставили спирт преднамеренно, чтобы мы перепились и нас можно было сонных застать врасплох. Такое бывало, и у нас это имело место в 29-м полку, где немцами было совершено неожиданное для отступающих нападение, но в полевом карауле со «станкачем» находился старшина Шмаровоз Г. С. Подпустив вражеский взвод

на сто метров, он почти весь его перебил очередью в 250 патронов, за что был награжден командиром дивизии медалью «За отвагу». На Днепре за форсирование он был пожалован высшей степенью боевого отличия — званием Героя Советского Союза, а ту медаль по «забывчивости» штабов получил только к 30-летию Победы.

Далее мы продвигались, встречая случайное сопротивление тех немцев, кто замешкался. Впереди шли взводы разведки. Пеший взвод как дозорные, а конники как связные. Потом дали разведчикам двух телефонистов с аппаратом. На шесте они сделали крючки с проводом вниз к аппарату и через каждые полчаса включались в сеть, передавая нам по постоянным линиям связи донесения о прохождении населенных пунктов. В штабе были такие же крючки, и мы вели не особенно секретные переговоры о своем продвижении.

Разведку возглавлял лейтенант Зайцев А. Н., а с ним ехал верхом на лошади и начальник продовольственного снабжения полка. Разведчики первыми восстанавливали советскую власть, сами назначали кого-то из стариков, бывших членов совета, председателем, и тут же с его помощью выявляли дома, в которых проживали староста и полицаи. Те обычно бежали с немцами, оставив свои зажиточные семьи с запасами продовольствия. Начпрод изымал излишки и приступал к приготовлению пищи и выпечке хлеба к прибытию полка с марша, ибо не всегда на ходу была возможность готовить в походных кухнях. Да и подвоз продовольствия со складов не всегда бывал регулярным при длительных маршах. Изымались иногда и животные для забоя на мясное довольствие.

Пользовались мы и колхозными кладовыми, так как в большинстве случаев колхозы немцы не распускали, так было легче изымать продовольствие для вермахта и Германии. В этом случае начпрод выдавал оправдательные документы об изъятии. На одном из переходов после обеда Зайцев внес в хату штаба ведро сотового меда и булку совсем теплого хлеба. Нарезав ломтями, он предложил офицерам отведать этот деликатес. Все помощники и начальники служб полка сели вокруг стола и принялись угощаться. Я спросил Зайцева: «Откуда дровишки?» Он ответил, что с пасеки начальника полиции. Вынули по одной рамке с каждого улья. Места за столом не хватило двоим: пропагандисту полка Музыке и старшему оперативному уполномоченному «Смерш», фамилии которого в архиве полка не сохранилось. Они от невнимания к их особам закурили и стали поносить разведчика такими эпитетами, как «мародеры, грабители, крохоборы...» Сколько можно съесть сотового меда?

Ну пару кусочков. Осталось еще полведра, и я пригласил «ворчунов» к столу. И представьте себе, они тут же запели совсем другую песню: «Не разведчики, а орлы — из-под земли достанут. Правильно поступили, реквизировав у гитлеровских прислужников». И это говорили главный в полку идеолог и человек, призванный ловить шпионов, обличать самострелов, предотвращать перебежчиков и следить за недопущением грабежей и насилия...

В своей книге «На острие красных стрел» генерал-полковник Зайцев Алексей Николаевич назвал меня своим первым наставником по разведке. Ученик превзошел своего учителя в мирные годы натри генеральских звезды, но дружба наша не только не увяла за полстолетия, но крепла с каждым днем после неожиданной нашей встречи в Алма-Ате в 1970 году. Он участвовал во многих боевых делах нашей дивизии, пройдя до конца войны должности: командира взвода пешей разведки и командира роты автоматчиков в нашем полку, командира дивизионной разведроты и начальника разведки 29-го стрелкового полка. Только он один в дивизии с сентября 1943 по 30 декабря 1944 года был шесть раз награжден боевыми орденами (три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны и орден Красной Звезды). За форсирование реки Днепр он был первым, кого представили к высшей степени боевого отличия — Звезде Героя, но награда была незаслуженно снижена до ордена Красного Знамени. Об этой несправедливости я расскажу подробнее в главе «О наградах и наказаниях».

Молодой лейтенант в то время не только снабжал штаб информацией о противнике и приводил «языков» из вражеского тыла, но не забывал прихватить трофейной бумаги, копирки, карандаши и другие канцелярские принадлежности, без чего не мог существовать штаб как орган управления. Зайцев был любимцем всей дивизии и отвечал ей взаимностью.

Мы вышли к Днепру и первыми в армии форсировали его в месте, которое впоследствии станет известным, как легендарный Букринский плацдарм. Но об этих боях я рассказываю в главе «О храбрости и трусости».

На Украине

Заканчивался октябрь 1943 года. Наш плацдарм так и не удалось расширить, чтобы нанести удар по Киеву, однако мы смогли приковать на этом участке фронта десять вражеских дивизий, в том числе пять танковых и одну моторизованную. 30 октября наша дивизия была выведена в резерв командующего 27-й армией. Передав свою полосу 155-й стрелковой дивизии, наши части сосредоточились на западной окраине Григоровки, в которой за полтора месяца непрерывных боев все строения были разрушены или сожжены. Повсюду торчали только остовы печей с трубами, а жители переселились в погреба и подвалы.

3 ноября совершенно неожиданно в полку снова появился майор Бунтин, снятый за трусость под Сумами, а теперь снова восстановленный в командовании полком, а майор Кузминов откомандировывался в распоряжение командарма, где получил полк в 180-й стрелковой дивизии. Особого церемониала прощания с полком не было. Бунтин эти три месяца где-то в другой гвардейской дивизии исполнял обязанности заместителя командира полка и даже не считал, что это было для него понижением. Начальник артиллерии майор Бекетов при первой же встрече с Бунтиным заявил о том, что служить под его началом не намерен, и подал рапорт о переводе в другую часть. Его просьба была удовлетворена, так как 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя.

До полка дошел слух о том, что дивизия выводится в резерв на доукомплектование. Одновременно из штаба дивизии позвонил подполковник Хамов П. Ф. и разговаривал со мной почти открыто о получении полком пополнения, обмундирования и переброске его к переднему краю. Я был немало удивлен такой неосторожной с его стороны и забывчивостью соблюдать скрытность управления. Как позже выяснилось, и по радио велись почти открытые разговоры о прибытии на плацдарм новых сил, тогда как ночами стали выводить с него 3-ю гвардейскую танковую армию.

Уже 3 ноября штабом дивизии было приказано батальон под командованием Кошелева провести несколько раз колонной в Большой Букрин, чтобы его прохождение было наблюдаемо немцами с переднего края, а отвод в тыл проводить скрытыми балками. Читатель еще познакомится с моим рассказом о выдвижении штабных подразделений из хутора Полтавского в сторону Ново-Ротовки на виду у противника. Так получилось и теперь. Спускаясь с холма, мы трижды подвергались обстрелу

вражеской артиллерии и несли потери в живой силе и лошадях. Я сам участвовал в этих маршах, и всякий раз сообщал по телефону о потерях подполковнику Хамову. Однако все повторялось снова.

4 ноября мы получили зимнее обмундирование и переодели в него наших солдат и сержантов. К вечеру приказано было передать их с вооружением в другую дивизию, которая оставалась на плацдарме, а офицерскому составу и спецподразделениям приказано было следовать по маршруту: Зарубинцы-Вьюнище-Мал Каратуль. Ночью по наплавному мосту мы переправились на левый берег и прибыли в Переяслав-Хмельницкий. Неожиданно вместо следования в тыл нас повернули на север, и 7 ноября мы встретили в селе Ерковцы, где был митинг и вручение орденов и медалей за форсирование — тех орденских знаков, какие оказались у дивизии в наличии. (Я свой орден смог получить только в январе 1944 года.) Потом прошли Рогозов и Борисполь. С 8 на 9 ноября снова на лодках переправляем подразделения боевого обеспечения через Днепр в районе Вита-Литовская в Ходосовку и далее следуем на Дмитровичи-Безродичи-Нещеров-Обухов-Красное, и к 12 часам 10 ноября полк сосредотачивается в Козиевке. А на следующий день полк занимает рубеж обороны за селом Долина.

Как читателям возможно известно, наши войска, нанеся стремительный удар с Лютежского плацдарма, 7 ноября освободили столицу Украины Киев. Войска Воронежского фронта начали развивать наступление в западном и юго-западном направлениях. Левый фланг наступавших войск оставался открытым от Днепра, а там еще удерживалась вражеская группировка вокруг Букринского плацдарма. И командование решило бросить на прикрытие фланга нашу небоеспособную дивизию, совсем лишенную пехоты. Приказ есть приказ. Его нужно выполнять, хотя в данном случае правая рука не ведала, что делает левая.

Зачем тогда нам нужно было передавать солдат в другую дивизию на плацдарме? Дивизия оказалась в пределах Обуховского района Киевской области. Странная ситуация: ничего не знаем ни о противнике, ни о своих соседях. Штаб сначала разместился в Щербанивке, потом перешел в село Долина. Командиры подразделений вышли засело и своим присутствием «обозначили» оборону, подстелив на снег соломки и установив пулеметы на открытых позициях. Хорошо хоть артиллеристы были укомплектованы наполовину, да еще были связисты и разведчики.

В Щербанивке мы провели сутки. Молодая хозяйка хаты, в которой разместился штаб, со злорадством заметила: «Що, тыпэр

усих мобилизуете, а то усю вийну просыдилы биля своих жинок. Тильки одын мий воюе из всего сэла». Она не знала, получит ли весточку теперь с освобождением, а возможно, он в самые первые дни погиб или под Сталинградом мог сложить свою голову. Я обещал ей уважить эту ее просьбу, а на следующий день мы действительно получили именно такой приказ: мобилизовать в свои части всех военнообязанных, вручить им оружие и посадить в окопы, которые они сами должны отрыть своими лопатами. Такое было впервые в моей практике, да видно и во всей армии.

С небольшого села Долина и только в наш полк 14 ноября мы призвали 72 человека. Только однофамильцев Кияница было 13 человек, Киященко и Плюта по 9 и т. д. Поступило пополнение в количестве 100 человек из Киева, 40 человек из Сумской области и из других областей Украины, так что мы смогли укомплектовать полностью два стрелковых батальона. В командование ими вступили старшие лейтенанты Кошелев А. В. и Лысынчук М. Ф. Первый из них воевать начал еще в Крыму сержантом, потом командовал пулеметным взводом под Туапсе, за отличия в боях был награжден орденом Красного Знамени и произведен в офицеры. Командовал стрелковой ротой, потом был заместителем командира батальона до Днепра. Теперь командовал батальоном. Образование военное у него было в пределах полковой школы, но опыта, деловой хватки и воинской доблести было вполне достаточно, чтобы занимать этот пост. Он один из комбатов, который воевал до Дня Победы, так и закончив войну командиром батальона в звании «майор». К уже упомянутым орденам Красного Знамени еще за бои под Туапсе и Отечественной войны 2-й степени за Днепр, он за бои в Румынии получил второй орден Красного Знамени и за форсирование реки Тисса орден Александра Невского. В командование 2-м батальоном вступил старший лейтенант Лысынчук М. Ф. Он попал на фронт из тыла впервые, имея опыт боев только в Финляндии, но с полным курсом нормального военного училища.

Оба они ходили по дворам и призывали под наше Боевое Знамя всех, кто остался дома, и тех, кто успели подрасти за два года оккупации. В чем были дома военнообязанные, в том и вышли на оборону своего родного села со своими лопатами. Когда вырыли окопы, им вручили винтовки, автоматы, пулеметы. Некоторые по месяцу и более оставались в своих кожухах или жупанах, а то и свитках, треухах и «взуттях». Некоторые так и погибли в десяти километрах от дома под Германовской Слободой, где за 27 и 28 декабря дивизия потеряла 132 человека убитыми и 285 человек ранеными, о чем я расскажу более подробно ниже.

С 8 августа мы не находились длительное время в обороне, поэтому забыли опыт организации опорных пунктов, узлов обороны, противотанковых районов. Пришлось осваивать на ходу. Командир полка и начальник штаба совершенно отрешились от рекогносцировки полкового участка обороны и все свалили на меня, полкового инженера, начальника артиллерии и командиров батальонов с их ротными. За двое суток мы обошли оба батальонных оборонительных узла, наметили начертание трех траншей, ходов сообщения и отсечных рубежей первой позиции, места КНП, наметили позиции противотанковым орудиям, пулеметным точкам, противотанковым ружьям, участки минных полей и проволочных заграждений, одновременно создавая систему артиллерийско-минометного, противотанкового и пулеметного огня. Наибольшую помощь мне оказывал комбат Лысынчук, который преподавал на курсах усовершенствования офицеров пехоты и знал последние установки по организации позиционной обороны Я тут же на планшете наносил все огневые точки, начертание траншей, отсечных позиций и ходов сообщения. Командиры рот и взводов немедленно приступали к земляным работам. Обычно к этой работе привлекается заместитель командира полка, но в полку давно такого уже не было и все легло на мои далеко еще неокрепшие плечи.

За мое отсутствие в штабе произошли некоторые изменения. В числе сорока человек, прибывших из Сумской области, оказались более десятка девушек из города Ромны, которых определили в телефонистки, стряпухи и писарями. Всех их удалось переодеть в ватные телогрейки, ватные брюки, валенки на пять размеров больше, гимнастерки и дали юбки. До этого у нас были только две радистки женского пола — Маша и Рая с Кубани, да в полковом и батальонных медпунктах были человек десять женщин: врач, несколько фельдшеров и санитарных инструкторов. Теперешнее пополнение определили в телефонистки роты связи и в комендантский взвод стряпухами. Одна пошла писарем к ПНШ-4.

В эти дни поступили офицеры из резерва. Это были не скороспелые лейтенанты с курсов, а те, кто проходил службу в запасных полках, готовили кадры в училищах и на тыловых курсах усовершенствования. Добрались и до них, чтобы понюхали пороха, как говорили в те дни, хотя бы через два года после начала войны. Некоторые из них сами просились, писали рапорты, но рапорты не всегда удовлетворялись по разным причинам. И вот настал их черед. Они имели хорошую методическую подготовку, так как почти все окончили полный курс довоенных училищ, но у них не было фронтового опыта.

Пополнение офицерами у нас обычно производилось за счет возвращения в строй из лечебных учреждений, так как многие стремились вернуться в свой родной полк. А тут новички из глубокого тыла.

Я заметил трех лейтенантов, которые наведывались в батальон за получением списков потерь с переднего края, посланные ПНШ по учету личного состава. Я собрал их и побеседовал. Это были Забуга, Пистрак и еще один лейтенант-татарин, фамилия которого не сохранилась в архиве. Должность ПНШ по учету временно совмещал начальник финансового довольствия лейтенант Лебанидзе. Писарям было в это время очень много работы в связи с оформлением наградных листов практически на весь личный состав, который по приказу Верховного подлежал награждению за форсирование Днепра и бои по расширению плацдарма.

Начальник штаба взял всех троих с испытательным сроком, и мне стало чуть легче хотя бы с дежурством по штабу и организацией контроля за деятельностью боевых подразделений. Все трое были самые разные, даже по национальности: украинец, еврей и татарин. Выходя каждую ночь в батальон, я брал с собой одного из них и приучал к делу в подразделениях, на дежурстве в штабе и во всевозможной повседневной фронтовой жизни. Наиболее подготовленным и понятливым оказался Дмитрий Васильевич Забуга, и его вскоре определили ПНШ-6, хотя он мог исполнять любую работу, вплоть до написания боевого донесения или составления схемы боевых порядков. Лейтенант Пистрак Иойл Зендилевич не скрывал свою мечту стать ПНШ по учету, но майор Ершов на это не давал согласия и настаивал чаще посылать его в боевые порядки. Возвращаясь с переднего края, он долго сидел потом в щели, пока полностью выходил из него страх. Он любил всегда повторять мне: «Захарович, Ершов хочет меня угробить ежедневными выходами на передовую». Тут он отчасти был прав, так как этому подвергались все мы в одинаковой мере из-за близости вражеского переднего края и совершенно открытых подходов к нему. Сколько было вынесено посыльными раненых и убитых «контролеров» даже дивизионного масштаба!

Третьим был татарин. Скромный лейтенант, он часто «мурлыкал» разные опереточные мелодии, в которых я ровным счетом ничего не смыслил тогда, являясь жителем станичной глубинки. Вот с ним и произошло наше «братание» с неприятелем. Пошли мы ночью в наш батальон, которым теперь командовал новый человек, — старший лейтенант Володин. Я его почти не знал. Поднимались мы лесной тропой и вышли на равнинную местность. Впереди лежало село Иваньково, по

северной окраине которого проходил передний край немцев. Наша траншея была на удалении броска гранаты. Дело в том, что эту траншею мы заняли у немцев и так в ней остались. КНП командира батальона и ротных были прорыты под подбитыми и сгоревшими нашими танками. Они надежно защищали сверху от мин, снарядов и даже авиабомб. Второй траншеи и ходов сообщения тогда у нас не было, и подходы к переднему краю приходилось преодолевать по ровному месту, на котором и подстреливали всех проверяющих, — и подходящих и уносящих ноги с переднего края.

Итак, мы вышли на опушку леса, впереди равнина, за ней в двухстах метрах наша траншея, в которую нам следует попасть. Мы выжидаем закрытие света луны облачком или другой оказии и слышим едва доносящиеся до нас звуки губной гармоники. Они были тогда почти у каждого немецкого солдата.

Это была мелодия ковбоя из оперетты «Роз Мари»: «Цветок душистой прерии, твой голосок милей свирели...» Мой подопечный вдруг запел сначала вполголоса, потом громче, немец тоже прибавил силу сопровождения, и закончили они под аплодисменты и выкрики: «Рус, бис...» За это время мы пробежали метров двадцать вперед. Теперь у немцев включилась, кроме того, и скрипка. Татарин спел снова. И опять под аплодисменты и возгласы мы еще пробежали без стрельбы с их стороны. Наши солдаты тоже выражали свои чувства криком и хлопками. Спел он и «Частицу черта в нас». Осмелев, мы на полусогнутых добежали и спрыгнули в свою траншею. Я пошел наносить расположение пулеметов и систему огня на схему с помощью карманного трофейного фонарика, а мой напарник развлекал наших и немецких солдат, чувства и души которых очерствели от повседневных атак, ранений и страданий. Были и заказы со стороны немцев спеть такие песни, как «Вольга-Вольга», что означало «Из-за острова на стрежень» и известную всем «Катюшу». Нашим солдатам впоследствии нравилась их грампластинка с песнями Марлен Дитрих «Ви айне Лили Марлен» и «Богемская полька», которую даже на сороковую годовщину Победы исполнял на аккордеоне полковник Первов и танцевали ее все наши дивизионные дамы, вспоминая свою молодость теперь, когда им уже было под семьдесят.

Возвращались мы хоть и на полусогнутых, но без особой опаски быть подстреленными. Сейчас может показаться невероятным такое музыкальное «братание», но оно было. Недавно был показан по телевидению игровой фильм «Генерал», посвященный памяти генерала армии Горбатова. В нем был показан эпизод подобного «братания» с немцами: они выносили

на «нейтралку» свой аккордеон, а мы баян, и временно менялись этими походными музыкальными инструментами. Потом обменивались обратно, соблюдая при обменах нейтралитет.

Я помню, как в боях в горно-лесистой местности приходилось пользоваться водой из одного родника на нейтральной полосе. Мы и немцы не открывали огня по «водоносам». Генерал-полковник Зайцев., бывший тогда командиром взвода пешей разведки нашего полка, в своей книге «На острие красных стрел» приводит случай, имевший место именно в эти дни на этом же участке. Солдаты обеих сторон подкармливали одну и туже бесхозную кошку из ближайшего села Иваньков, которая на ошейнике беспрепятственно переносила карикатуры на Сталина и Гитлера из наших немецких газет и журналов.

Однако наш случай не оказался незамеченным. Кто-то «стукнул» своему «особняку», а последний поставил в известность замполита полка майора Гордатия, который выпытывал у меня подробности этого дела, но, зная, что именно там погиб один из его комсоргов и был ранен на этом поле замполит батальона, он посоветовал мне молчать о том инциденте. Видимо, по его рекомендации наш «солист» из татарской оперетты был переведен в один из армейских фронтовых ансамблей. Сейчас об этом знают только три человека: я, полковник Забуга да радистка Рая.

26 декабря к 18 часам полки и дивизия в целом заняли исходное положение для наступления примерно в восьми километрах южнее прежнего нашего рубежа обороны. Штаб разместился в Германовской Слободе. Видимо, это тоже была немецкая колония, так как строения и особенно глубокое подземное хранилище говорило об их иноземном происхождении. Командный пункт разместился в том подземелье, а КНП командира полка — на обратном скате обрыва в землянке. 27 декабря была проведена разведка боем двумя батальонами от дивизии, но, понеся огромные потери, успеха она не достигла.

28 декабря в 4.30 части дивизии перешли в наступление, но удалось овладеть только первой траншеей. И снова повторилась прежняя тактика противника — немцы нас засыпают ручными гранатами со второй траншеи. Повторная атака в 16.30 успеха не дала. Полк потерял 132 человека убитыми и 285 ранеными. Такое же положение было и в других полках. 30 декабря нашу дивизию перемещают правее, где обозначился успех.

Страшно было видеть массу убитых и еще больше раненых на своей земле в восьми километрах от родного дома. Все жены пришли с саночками и увезли кого на свое кладбище, а кого оплакивали здесь же и хоронили в братской могиле. Раненых увозили по домам, где им оказывалась помощь местными

медпунктами и полевыми госпиталями. После войны мы были в этом селе не раз. На братской могиле, где покоится прах нескольких сот человек, воздвигнут величественный монумент с перечислением фамилий всех погибших как память и как укор бездарности генералитету и командирам полков, не умевшим воевать.

Мы продолжали наступать, и в Петривке я выехал на противоположную окраину этого небольшого села, где и застал комбата со своими ротными командирами. Единственный наш батальон совсем поредел, хотя в него была сведена пехота и минометчики из 2-го батальона. За последних два дня боев мы имели потери 12 убитыми и 63 человека ранеными и обмороженными. Пленные немцы были из 75-й и 198-й пехотных дивизий.

Ночью был получен новый боевой приказ о наступлении на совхоз Селиванковский. «Ч»- час атаки был указан произвольно на 12 часов. Обычно переносы сроков начала атаки после уточнялись по телефону так: «К тому, что имеете, добавьте два», и получалось, что атака в два часа дня. Так было и на этот раз. С утра подвезли на машинах много боеприпасов и в один из оврагов направляющие реактивных установок «БМ-31», чтобы нанести удар по северной окраине населенного пункта, где окопались немцы. Для нас такая поддержка была впервые, и я выехал в батальон, чтобы наблюдать за эффективностью этого нового оружия, которое досужие языки назвали в противовес «Катюше» «Иваном Грозным», а немецкие шестиствольные реактивные минометы — «Андрюшей».

Ровно в 12 часов «прорычали» «Иваны». Сильные разрывы послышались невдалеке. Это подбодрило наших пехотинцев, и они охотно пошли в пургу в атаку с криками «Ура!». Там снова: «Ура-а-а» — и автоматная стрельба. Я задержался, пока телефонист отключал телефон, и начал сматывать катушку. Рядом остановился «виллис». Я догадался, что это был комдив, так как сзади сидел начальник разведки майор Передник. Комдив был в кожаном пальто и папахе. В этих пальто и сейчас можно увидеть на снимках крупных военачальников тех лет, например Рокоссовского.

Полковник спросил меня: «Ты кто будешь?» Я ответил, что ПНШ-1 48-го полка. «Где Кошелев?» Я показал направление, куда ушел батальон, и он скомандовал: «Вперед!». Это была моя первая и последняя встреча с полковником Коротковым. Немцы понесли потери убитыми и ранеными от огня реактивных снарядов и отошли на ближайшие хутора Новоблаговещенки, на которых закрепились и остановили нашу дивизию прямо в открытом поле.

Эта тактика немцев будет повторяться почти две недели подряд, и наше командование было не в силах изменить ее, в связи с чем мы ежедневно несли потери не только от огня противника, но и от обморожения на снегу в открытом поле. Тогда как немцы с окраин сел всегда имели возможность отогреваться в хатах, а с крыш в течение короткого зимнего дня вести огонь по нашей залегшей на снегу пехоте. До чего же бездарным было наше командование, оставлявшее неизменной тактику действий наших частей в ту зиму, что приводило к огромным боевым потерям и обморожениям.

Я понимаю, как будет утомительно перечислять все населенные пункты, которые дивизия прошла за первые две недели нового, 1944, года в Белоцерковском, Ракитнянском, Таращанском и Лысянском районах. Но ежедневно повторялось одно и то же. Немцы весь день в теплых хатах простреливают пространство перед селом и между селами, а наша пехота лежит на снегу, не в силах подняться под губительным пулеметным и минометным огнем. За день на снегу у солдат обмораживались кисти рук и ступни ног, но это не расценивается как членовредительство, тогда как самострел кисти руки было уголовно наказуемым деянием, за которое полагался расстрел с заменой в штрафную роту.

С наступлением темноты нами подвозятся кухни с горячей едой, подбираются раненые, а немцы отходят, оставляя прикрытие, которое выпускает по нас все мины и стреляет до полуночи из пулеметов. Потом отходит и само прикрытие к следующему населенному пункту. Утром нас снова встречают немцы организованным огнем у следующего села и все повторяется сначала. Даже когда мы наступали, не мы, а нам противник навязывал свою волю и отходил вовсе не потому, что мы его вытесняли. Теснили его на соседних участках наши танковые армии. Почему на нашем направлении не было ни одного танкового полка, чтобы хоть в полосе стрелкового корпуса он мог бы поддержать пехоту в наступлении, подавляя пулеметные точки? Командование полков и дивизий было малограмотным в военном деле, а командиры батальонов иногда выигрывали бой, но неумением, а дерзостью, внезапностью, и преимущественно ночью. Снова за хутора Новоблаговещенки полк потерял 7 человек убитыми и 38 ранеными.

Как всегда, с вечера до полуночи противник выстреливает свои выложенные на грунт боеприпасы. Но мы не ждем и обходим окружными дорогами, выходя раньше их на последующий рубеж. Однажды вечером начальник штаба приказал мне выехать на санях с ротой связи вперед, чтобы к приезду штаба была

установлена связь с батальоном и поддерживающим артиллерийским дивизионом. Наступали сумерки. Из нашего села двигалась колонна гужевого транспорта, преимущественно санного. На выезде стояли несколько человек. Неожиданно слышу приказ: «Остановитесь!» Я ответил: «Мы не вашей части». Слышу выстрел вверх, приказал съехать на обочину и подхожу к окликавшим нас. Узнаю майора Бунтина, который разразился матерной бранью и зимней рукавицей ударил меня по щеке, прикрытой опущенным клапаном ушанки. Я сразу заорал: «За что?» «За то, чтобы лучше слышал», — ответил он. Конечно же, причина была совсем не в этом. Сознавая свою безграмотность в военном деле и не умея написать даже расписки, он наводил на подчиненных страх. Я пригрозил завтра написать рапорт о переводе в другую часть и поехал в следующее село. Подписывая утром боевое донесение, он извинился за вчерашнюю выходку, на что я ответил, что незаслуженное оскорбление и после извинения остается оскорблением.

Через пару дней по телефону получили приказ наступать на Савинцы. До начала атаки оставался один час. Комбат доложил, что у него остались не более 20 человек стрелков-автоматчиков. Это же только один взвод! Начальник штаба вспомнил, что недалеко от батальона была команда выздоравливающих после легких ранений и обморожения. Половина из них была без личного оружия. Возглавлял ее заместитель командира батальона старший лейтенант Хотт Али Махмудович, мой земляк из Адыгеи. Ершов приказывает мне срочно выезжать и передать приказ, что в 8 часов после залпа «Катюш» будет атака и ее нужно поддержать ударом команды выздоравливающих со стороны Тарасовки. Я заметил, что половина из них без оружия. «Все равно всех погнать в атаку, пусть оружие добудут на поле сражения», — таков был его ответ. Мы поехали в Тарасовку без промедления. Там у походной кухни собиралась команда с котелками, а сам командир умывался на ступеньках хаты, не предвидя, что ему предстоит через несколько минут вступить в бой вместе со своим воинством. Я мигом передал ему приказание командира полка, но он начал докладывать мне то, что я доказывал только что Ершову.

Тут из-за угла выехали еще одни сани с начальником штаба. Ершов подбежал к Хотту и хотел ударить его в лицо, но из-за маленького роста не мог этого сделать и ругался на чем свет стоит. Потом повернулся и бросился ко мне. Я вынул из кобуры пистолет и пошел к походной кухне. Солдаты и сами поняли, что им предстоит делать, и быстро начали вычерпывать кашу из котелков и выходить на околицу села. Ершов на своих санях уехал в штаб, а мы побежали за село. Здесь увидели на одном из

полей бурты сахарной свеклы и решили повести своих инвалидов в обход, а не в том направлении, которое указал Ершов. В это время прорычали свою песню «Катюши», и наши бывалые солдаты бросились от одной к другой кучам сахарной свеклы, оставшейся в поле до весны невывезенной. С этого направления противник нас не ожидал совершенно и вынужден был оставить Савинцы, отойдя на Телешовку, где наверняка и будет держать нас до самого вечера в открытом поле. В центре освобожденного поселка я встретился с комбатом Кошелевым. Вскоре подошла походная кухня, и солдаты выстроились в очередь с котелками. Я посоветовал Кошелеву принять на довольствие всю команду выздоравливающих, так как другого пополнения просто не предвиделось.

Мне стало понятно, почему от самодурства такого начальника ушел командовать батальоном Ламко. Теперь предстояло сделать это мне, но не слишком ли много на один батальон комбатов? Кошелев, Лысынчук и я в придачу?

В ноябре 1943 года минуло два года, как я непрерывно находился в Действующей армии, но на груди у меня еще не было никаких наград. Специально я написал об этом в главе «О наградах и наказаниях», а сейчас хотел бы напомнить читателям, что на Миусе я участвовал и возглавлял множество вылазок к немцам, в том числе и очень успешных. Сидевший в тылу начальник разведки полка получил за них медаль, а я и мои разведчики — ничего. Смешно сказать, но солдатскую медаль «За отвагу» я получил не в ходе войны, а уже полковником в 1968 году, когда лично проселочными дорогами вывел на Прагу 5-ю гвардейскую мотострелковую дивизию. В боях за Кавказ мой взвод единственным из всех взводов курсов имел боевые трофеи, сидевший в глубоком тылу и не командовавший в боях начальник курсов получил орден Красного Знамени, а я — ничего. За взятие Васильевки командир полка Бунтин обещал представить меня к ордену Красного Знамени, я Васильевку взял с минимальными потерями, но получил за это котелок спирта на всех моих солдат. Вместе с Ламко и его батальоном мы ночной атакой прорвали первую линию хорошо подготовленной обороны немцев, даже не спросив разрешения у комполка на этот бой. Этот прорыв обусловил отход немцев по всему фронту, но ни Ламко, ни я, ни бойцы батальона не были награждены. За Днепр меня не могли не наградить и представили к ордену Красного Знамени, наградили орденом Отечественной войны, но и тот до тех пор не вручили. Строго говоря, меня могли бы наградить только за то, что я уже два года был на фронте и меня еще не убили. О том, что командир полка Бунтин и начальник штаба Ершов не хотели меня

награждать умышленно, я убедился на одном случае.

Кроме отсутствия зимнего обмундирования в зиму 1943–1944 года, у нас появилась еще одна проблема: отсутствие лопат. Местные жители их прятали, а солдаты свои армейские «теряли», оставляя тем же жителям. Командиры подразделений лопат не могли найти, и, куда ни посылали своих гонцов, те возвращались с двумя-тремя, не более. При кухне комендантского взвода в качестве истопника помогал рядовой из бывших зэков. Он ужасно не любил подчинение лейтенантам, а тем более сержантам. У зэков были свои «паханы» и своя строгая субординация подчинения. Он долго был ординарцем у Кошелева, но за свои лагерные привычки по добыванию «из-под земли» не раз наказывался, пока комбат не откомандировал его в строй в роту. Он не раз бывал в атаках, но только с одной целью: первым «пошуровать» в ранцах и карманах убитых и пленных немцев.

Меня он хорошо знал и просил взять его ординарцем, но таковой мне не был положен, да и каждый из посыльных готов был принести мне с кухни котелок по первой просьбе. И он тихо «прижился» при кухне, специализируясь на производстве самогонки. Прослышав о бедственном положении с лопатами, он попросил выделить ему санки и пару лошадей для поездки по окрестным селам. Я знал, что дезертировать он не сможет, и разрешил выделить ему коней. Через пару дней он вернулся с полными санями лопат. Командир полка настолько был поражен такой удаче, что приказал тут же оформить наградной лист к ордену Красной Звезды. Конечно, экспроприацию больших саперных лопат у местного населения я не мог вписать ему в заслугу, но я знал о его отличиях на Днепровском плацдарме и включил те его боевые отличия. Его наградили за лопаты, а меня не награждали и за бой. Командир дивизии в тот же день подписал приказ о награждении и выдал мне знак ордена для вручения зэку. На радостях вновь испеченный кавалер привернул его прямо на телогрейку, а вечером принес флягу спирта и сваренную курицу, чтобы обмыть свою первую награду.

У Ламко еще с боев на Кубани в качестве ординарца был воспитанник, так называемый «сын полка», Семен Чернов, 13-ти лет. Сеня мне рассказывал, как этот «экспроприатор» добывал все у местных жителей, и в первую очередь самогон. Обычно он предлагал трофейное одеяло или обмундирование в обмен на «горилку», курицу или крынку молока. Старухи, как всегда, отрицали наличие в доме самогона, тогда он вынимал из кармана компас и становился в такую позицию, чтобы стрелка показывала на мешок с зерном или под полати, или на чердак, и показывал стрелку, приговаривая, что «прибор покажет правду». Хозяйка

обычно вытаскивала запрятанное «зелье» и делала обмен, так как в любой одежде жители очень нуждались настолько, что брали даже солдатские портянки.

Приведу еще один интересный случай о его делах, который произошел в первых числах января. Тогда мы наступали на Белоцерковском направлении на одно из сел, но успеха не имели. Наш левый сосед, 29-й полк, обошел село оврагом и ударил стыла. Немцы вынуждены были бежать, оставив убитых с документами. В 29-м полку были взяты пленные/о чем мне сказал по телефону начальник разведки майор Чередник. Я поинтересовался принадлежностью пленных, но начальник разведки сказал, что солдатских книжек у них нет. В это самое время наш зэк «шушукался» с Сеней в соседней комнате, они разбирали трофеи в двух ранцах. И тут «добытчик» вынимает два бумажника с солдатскими книжками в каждом. Я читаю фамилии в них, и оказывается, что это те самые пленные, которых взял 29-й полк! (На самом деле их обезоружил наш зэк, «очистил» ранцы и карманы, после чего они оказались ему не нужны, и он продал их какому-то лейтенанту из 29-го полка. Вот с такими повадками были те, которым заменили ГУЛАГ за уголовные дела боевыми делами на переднем крае в пехоте, правда, не на правах штрафников.) Не знаю, чему он был больше рад: полученному позже ордену Славы 3-й степени или содержимому ранцев немецких вояк. Должен сказать, что, кроме курева, зажигалок и ножей, он себе ничего не оставлял, испытывая удовольствие при раздаривании штабным офицерам часов, бумажников, авторучек, фляг, компасов и личного оружия. Мальчишку Сеню он всегда баловал сладостями.

14 января 1944 года немцы наголову разгромили нашу дивизию, о чем я пишу в главе «О честности и подлости», нас вывели на переформирование с одновременной обороной второстепенного участка.

Беспримерный марш

1 марта полк сдал свой район обороны и был выведен в Тарасовку во второй эшелон. Наконец, противник оставил занимаемый рубеж, и 5 марта мы начали его преследование. Впереди ведет бой 29-й полк. Наша разведывательная группа ворвалась в Рубаный Мост и взяла в плен военнослужащего из 305-го полка немецкой 198-й пехотной дивизии. 7-го числа овладели Багвой, а на следующий день Ульяновкой. Собственно противник оставлял населенные пункты под напором наших танков, а мы вступали, докладывая об их овладении...

Сейчас очень трудно, почти невозможно представить то наше наступление в период самой страшной весенней распутицы. Ведь впереди нас прошли десятки танков и гусеничных бронетранспортеров, превратив полевые дороги в сплошное месиво грязи. И если офицеры сумели получить взамен валенок кожаную обувь, то солдаты и наши полковые «толстушки» — связистки и медички — брели в валенках, телогрейках, ватных брюках и шинелях с ремнем. Да не с пустыми руками, а несли на себе по катушке полевого кабеля и по телефонному аппарату, санитарные сумки, а некоторые и автоматы.

Девушку в такой амуниции я догнал верхом на лошади, это была телефонистка Я вдоха Лурга (как она всегда представлялась мне, заступая на дежурство). Дуся натурально плакала, ибо не могла вытащить из грязи свои валенки. Вынимались из валенок ноги, но не сами валенки. Я приказал ей бросить катушку на обочине, так как повозочный подберет. Но она, забыв про слезы, пояснила, что это же ротное имущество, как же его можно оставлять? Потом попросила: «Если я упаду и захлебнусь в этой грязи, то не пишите моей маме правду, а сообщите, что погибла от пули». Конечно, нужно было бы писать на ее «ридной мове», но не все будет понятно читателю. Заметьте, что это был только первый день нашего многотрудного марша, который разве что мог сравниться со штурмом Чонгарских позиций через Сивашский залив в Крыму в 1920 году. Но там он длился несколько часов, а у нас с 5 марта по 3 апреля, длиной 450 километров. Ночью и днем, днем и ночью. Мы не могли вспомнить, где и когда в последний раз принимали пищу, где и когда спали. Спали на ходу, верхом на лошади и, при случае, на телеге сидя. Мне приходилось читать подробнейшие описания кошмара боевых действий, впервые я прочитал об этом в книге Анри Барбюса «Огонь» еще до войны. Мастером описания психологического состояния и тяжести боя является Василь Быков, но я еще не встречал в художественной

литературе реалистичного описания того месячного перехода наших войск по разбитым полевым дорогам Черкасской, Винницкой и Хмельницкой областей. Уверен, что и мне это окажется не под силу. Под силу было пройти, но не под силу описать. Но я сделаю хотя бы попытку.

Немцы бросили почти весь свой автомобильный транспорт, бронетранспортеры и танки из-за отсутствия бензина. Редко мы встречали по пути следования оставленные противником грузовики, оборудованные под штабные автобусы, иногда торчали в грязи повозки с павшими рядом лошадьми. Но впереди шли наши танки, их было немного, и непонятно, каким образом их снабжали горючим, так как даже гужевой транспорт порой не мог пройти. К тому же были взорваны или разрушены мосты через реки. Повозочные искали объезды или наплавные мосты, отставали в пути на несколько переходов. Только вездеходные «студебекеры» проходили со скоростью пешехода. Возможно, именно они подвозили горючее нашим танкам.

После войны в академии один танкист рассказывал мне о том, что из их танкового корпуса по тем дорогам к госгранице вышло всего три танка. Это были командирские машины командира корпуса, заместителя и начальника штаба, в ознаменование чего они все трое получили геройскую степень отличия. Было и такое... Прошли они еще и потому, что у немцев пехота отходила только с винтовками и автоматами и то далеко не у всех, о чем расскажу ниже.

Вспомню о моих боевых донесениях тех дней. Писал я их не каждый день, однако они сохранились в архиве. В них нет описаний боев, так как таковых у нас — пехоты — не было. Первоначально путь наш пролегал в основном в южном направлении на железнодорожную станцию Христиновку, что северо-западнее Умани. После разгрома под Босовкой командир полка у нас был временный, а начальник штаба майор Ершов по собственной дурости попал в плен, о чем в главе «О дисциплине и разгильдяйстве». Нашего нового временного командира полка я почти не видел в штабе. Встречались на привалах. Я наносил ему на карту маршрут движения, и он порой пропускал колонну полковых подразделений и транспорта. Уже на первых переходах я доносил о том, что 7-го марта артиллерия и обозы отстали. Ночами еще были морозы, грунт замерзал и проходимость улучшалась, поэтому без всяких указаний свыше мы использовали ночи для переходов. В Рубаном Мосту проходили ночью, и я почувствовал под ногами какую-то гать из бревен, упал, споткнувшись, и в темноте ухватился за руку мертвеца. После узнал, что отходящие гитлеровцы якобы заполняли лужи

мерзлыми телами наших воинов — то ли погибших в боях, то ли расстрелянных военнопленных.

8 марта сосредоточились в Антоновке. Тылы отстали, но полевые кухни догнали, и повара накормили нас горячей пищей. Более того, замполит капитан Мищенко объявил штабу и подразделениям о том, что в полку покажут кинофильм под крышей бывшего коровника, чтобы немцы не сбросили ночью бомбу по тому «кину». Представьте, что пришли почти все. Смотрели мы фронтовую передвижку, показавшую нам предвоенный кинофильм «Мы из Кронштадта». Так отметили мы женский праздник.

В городе Умань еще до революции были построены огромные бетонированные подземные хранилища для армейских складов. Мы оставляли их в 1941-м невзорванными, и немцы на протяжении оккупации использовали их в своих целях. Все склады были заполнены продовольствием для немецкой армии. Вывезти такое огромное количество они не успели, поэтому в поспешности взорвали перекрытие сводов, и продовольствие оказалось под бетонными плитами. После отхода немцев местные жители начали разбирать обрушенную арматуру и бетон и вытаскивать деликатесные продукты. Ринулись туда и обозники с тыловиками. Наш штабной повозочный Аким Стрелец тоже поехал с Сеней и сумел откопать ящик с металлическими банками консервированного винограда и слив, коробку с плавлеными сырками, каких мы и не знали в то время в нашей державе. Был даже сыр в больших тюбиках, вроде зубной пасты, были тушенка и рыбные консервы. Только бутылки «шнапса» все под тяжестью бетона пропали безвозвратно.

Пару дней мы не прибегали кеде из походной кухни, пользуясь немецкими трофеями. Но всему приходит конец. Остались только мятые металлические банки с виноградом. Смыв с них грязь, Борис Евдокимов разложил их в вещевые мешки и взял в поход. Под городом Брацлавом остановились перед взорванным мостом. Вся пехота с пулеметами переходила по пешеходной кладке на металлических тросах. Аким поехал искать объезд на понтонных мостах, а мы продолжали путь дальше, питаясь теперь по «бабушкиному аттестату». На десерт открывали железную банку, но при пробитии в ней ножом отверстия она фонтанировала до потолка вследствие вмятости стенок. Научились быстро переворачивать банку над миской и таким образом спасать компот.

Вот как обычно бывало в этом походе. Приходим в село, где нас уже поджидает офицер связи лейтенант Медведев с приказом на последующий марш по дороге на запад. Мы не ели, мы не

спали. Бросаемся на лавки в хате и засыпаем голодные сидя. Проснувшись, я, исполняющий в то время обязанности и начальника штаба полка и ПНШ-1, читаю приказ, по которому мы уже должны быть на 15–20 километров впереди... В животе урчит от пустоты. И вот — чудо! Хозяйка вынимает из печки большой чугунок картофеля в «мундире», ставит на стол большую чашку или таз с квашеной капустой и приглашает служивых к столу, извиняясь, что «хлиба нэма, бо герман забрав». Мы благодарим и за эту еду. Кто-нибудь втихаря сунет ей старые портянки или грязную нижнюю рубаху, а то и несколько ассигнаций советских денег, от которых они отвыкли. И идем дальше.

Процитирую свои боевые донесения:

«12 марта. Орадовка. Получаем пополнение на ходу: пять офицеров и 54 солдата и сержанта. В полк прибыл новый начальник штаба майор Никифоров».

Я рад, что избавлен от двух обязанностей, но это было совсем не так, как я предполагал. Майор совершенно не вмешивался в дела штаба, спокойно ехал на повозке или верховой лошади, подписывал боевое донесение. Но не мешал мне ни в чем, тем более не бранился и не срывал зло. Скорее всего, он был мало компетентен в своих обязанностях.

17 марта ночью прошли Михайловку, Тарасовку и к 10 часам сосредоточились в городе Гайсин Винницкой области. Отстали: 120-мм минометная батарея и 76-я полковая артиллерийская батарея, а также тылы полка. Не знал тогда наш офицер связи полка лейтенант Медведев Н. Ф., что ему придется завершать послевоенную службу «под занавес» здесь, уже подполковником, военным комиссаром. Да еще под началом винницкого облвоенкома, героя-полковника Кузминова М. Я. А когда узнал от меня о том, что является «освободителем» города, то поделился этой новостью со своим сватом — первым секретарем райкома. Последний по-родственному, «по блату», произвел его в «Почетного гражданина» этого населенного пункта. Мне этот город запомнился тем, что в каждом доме было по несколько мешков сахара, так как при немцах работали сахарный и спиртовой заводы и жители после отхода оккупантов все запасы растащили по домам. Был у людей и спирт, который они разобрали с завода до нашего прихода.

На следующий день проходим Марьяновку, Кунку и сосредотачиваемся в Крапивке. В этот день прибыл новый командир полка подполковник Бутько Федор Павлович. Узнав о том, что начальник штаба полка только назначен, он не проявил к нему ни малейшего интереса и стал во всем полагаться только на меня. Он приказал, чтобы я все время ехал вместе с ним на

верховой лошади. Она мне не была положена по штату, и он приказал брать из взвода конной разведки. По дороге он расспрашивал меня о командирах батальонов, рот, об офицерах штаба. Чувствуя мою компетентность в делах полка, все более и более полагался на мое мнение и советы, которые я предлагал на марше.

Потом он как-то незаметно рассказал о том, что долго возглавлял армейские курсы младших лейтенантов, где ни чинов, ни орденов не дают, а впереди уже и госграница.

Фронтового опыта он не имел и, похоже, очень рассчитывал на меня и мой опыт. Он замечал, насколько быстро и правильно я ориентируюсь по карте на местности, дорогах и в крупных населенных пунктах. И убеждался, насколько беспомощны в этом деле командиры батальонов, их начальники штабов и командиры рот, которые, не доверяя картам и себе, брали от села до следующего села «языка-проводника». Я тогда даже не понимал, как можно из этого своего умения извлечь хоть какую-то выгоду для себя. Просто делал все, что умел, и старался не вызывать гнев начальства, как это происходило при Бунтине и Ершове.

На первом из привалов комполка посадил меня за один с собой стол за обедом. Мы разделись, и я впервые увидел на его гимнастерке только один орден Красной Звезды. Да и у меня самого тоже сиротливо красовался только один орден Отечественной войны 2-й степени. «Что же тебя так мало жаловали за боевые дела?» — спросил он. И я ответил, что это не от меня зависело, а в большей мере от начальника штаба и командира полка. «Более того, — сказал я, — я уже два года хожу старшим лейтенантом, хотя моя должность майорская». «Что за причина?» — спросил он. «Никаких за собой причин не знаю, просто старое начальство не интересовалось, а я не напоминал». «Безобразие, — сказал он. — На первой же остановке немедленно доложить мне на подпись представление на воинское звание «капитан».

Это был первый из начальников, который так серьезно говорил со мной о службе и боевых делах. Я невольно проникся к нему уважением. Чаще всего мы ехали на лошадях рядом, и он всегда меня расспрашивал о людях, организации полка, о командовании дивизии и истории нашего соединения с момента формирования. Иногда он приказывал мне при входе в село остановиться и пропустить всю колонну полка, а после догнать и доложить. Для него в линейном полку стрелковой дивизии многое было впервые. Он это понимал и внимательно выслушивал мои советы и рекомендации по всем вопросам марша.

Впереди шла разведка, иногда мы высылали в головную походную заставу одну из стрелковых рот, а чаще — роту автоматчиков. В течение всего марша стояли пасмурные дни. Но это нас не огорчало, а даже радовало, так как при такой погоде и наша и вражеская авиация бездействовали. Я уже писал о том, что наши батальонные командиры и их начальники штабов «хромали» на обе ноги по части знания и навыков по топографии. К тому же шли мы чаще всего ночью, когда дорогу подмораживало. Даже если мы имели топографические карты, то, не имея фонариков, не могли пользоваться ими. Много ли увидишь при свете огонька трофейной зажигалки? Чаще всего в голове колонны полка приходилось идти мне

вместе с начальником разведки дивизии майором Передником Михаилом Филипповичем. Я имел в кармане кусок мела и писал на стенах и заборах свою фамилию и указывал стрелкой направление движения. А Передник писал свою фамилию углем на белых стенках и указывал тоже стрелой направление движения для всех обозов, артиллерии и всех отстающих. Почему именно наши фамилии, а не командиров полков и дивизии? В дивизии за десять месяцев успели смениться четыре комдива. А в нашем полку дважды отстранены были Бунтин и Кузминов. Не считая временных: Егорова и Склямина. А меня и Передника все знали со дня переформирования.

Примерно 25 или 26 марта мы прибыли в село в полночь и остановились на постой до утра. Населяли его не украинцы, а чисто русские староверы, давно выселенные еще императрицей Екатериной Великой за отстаивание своей веры. В комнате было чисто прибрано, хозяйка оказалась весьма любезной и предложила мне отдохнуть на кровати, но я не мог это сделать из-за завшивленности моей одежды. Поэтому я в изнеможении сидел на лавке. В избе кукурузными кочерыжками топилась печурка, и их нужно было регулярно подкладывать. В дверь снаружи вошла телефонистка Дуся и спросила: «Товарищ ноль третий, тут будэ штаб?» Я ответил утвердительно, и она шагнула в комнату с катушкой провода впереди себя и телефонным аппаратом на лямке через плечо. Шагнула и упала, зацепившись за порожек двери. Упала на живот с катушкой и не поднимается. Я подумал, что она ушиблась виском о металлическую катушку и потеряла сознание. Писарь Евдокимов подхватил ее под руки и усадил на лавку. Потом сам подсоединил телефон, проверил связь с комбатами и приспособил телефонную трубку Дусе у уха на тесемочной петельке. Я вдоха спала беспробудно, и Борис решил подшутить над ней, так как она всегда отрицала, что может спать на дежурстве.

Для этого он полез рукой в камин русской печки и смазал палец сажей, после чего подрисовал Дусе «усы» и «бородку». Через минуту зазуммерил телефон, и она тут же ответила: «Сосна слухае». Борис взял у хозяйки зеркало на столе и поднес к ее лицу. Увидев свое разрисованное отражение, телефонистка расплакалась и обратилась ко мне с жалобой: «Почему сержант Евдокимов издевается...» Посыльные рассмеялись от души, хотя многие тоже спали. Я приказал Борису подменить на телефоне Дусю, а ей приказал выйти во двор и там чистым снегом вымыть лицо. Вернулась она, раскрасневшись от снега, и принялась вполголоса «мурлыкать» песню. Одна из них была у нее особенно популярной. Явдоха пережила оккупацию, а за это время наши женщины многому научились у немцев, в том числе и немецким песням. Это была весьма популярная у них песенка «Лили Марлен». Пела она ее с успехом на трех языках: немецком, украинском и русском, чередуя куплеты.

Посыльные снова стали засыпать, я тоже был в забытьи, но раздался крик часового в сенях. Я скомандовал начальнику разведки Гетманцеву выйти и узнать причину крика. После небольшой возни в сенях дверь снова открылась. Впереди с поднятыми руками шел немецкий унтер-офицер без оружия и без шинели. Гетманцев в шутку попросил меня написать на него представление к награде за взятие «языка». Переводчика в штабе не было, он был где-то с разведчиками, и я попросил Дусю перевести: откуда взялся немец? Она спросила его по-немецки, потом с трудом перевела мне по-украински, что тот с вечера просился у хозяйки переночевать, но она увидела, что он безоружен, и отказала ему в постое. Тогда он сам незаметно проник на чердак и устроился там у трубы для обогрева. Поняв, что русские вступили в село, он, бежавший из «котла» окружения, решил сдаться на милость русских, так как автомата не имел. Пленный дрожал как осиновый лист — и от того, что не каждый день приходится сдаваться в плен, и оттого, что без шинели замерз на чердаке изрядно. Он упорно посматривал на топку плиты, и я разрешил ему стать истопником. Хозяйка подтвердила его слова и принесла корзину кочерыжек, которые он экономно стал подкладывать в топку, засовывая в нее выше жара руки до локтей. Я проверял с Гетманцевым его «Зольдбух» — солдатскую книжку, а Дуся снова начала напевать знакомую нам мелодию. Немец пару раз посмотрел на телефонистку и, достав из-за голенища губную гармонику, показал ей взглядом на меня, чтобы она догадалась и спросила разрешения подыграть ей. Но разве откажешь, когда сон у всех прошел, и я разрешил. Конец песенки был даже с аплодисментами.

Отогревшись, пленный начал время от времени судорожно дергать плечами, чувствовалось, что у него в белье, как и у нас, немало вшей. Собрав все свои познания в немецком, я спросил: «Вас махен зи?» Пленный вскочил и доложил: «Партизанен!» Немецкая шутка, давшая вшам название «партизаны», понравилась всем.

Наутро выяснилось, что и на других чердаках и в чуланах нашли еще пять таких же безоружных. В первом батальоне Кошелев представил мне двоих. Один был средних лет. В его бумажнике оказались два креста, медаль и знак двух ранений. Подержав знаки в руках, я вернул их владельцу, но он пренебрежительно выбросил их на стол из своего бумажника. Через переводчика я сказал, что это его гордость и боевая слава, но он, нагнувшись и заголив себе спину, показал на ней свои «отличия» как истинный фронтовик — глубокие шрамы от полученных ранений — и сказал, что эти шрамы являются его наградами навсегда. Возразить ему было трудно.

Пленные пару дней шли с нами в колонне, мы кормили их с кухни, и они сами напросились нести 82-мм минометы, чтобы утром лучше согреться, у них не было шинелей. А на привалах пели хором некоторые песни, вполголоса помогая Дусе о каждом пройденном участке по непроходимой грязи можно было бы писать и приводить множество примеров, но это просто физически невозможно, и я остановлюсь всего лишь на некоторых, наиболее интересных и поучительных моментах перехода.

26 марта мы впервые встретились с отходящей пехотой противника. В боевом донесении я писал:

«Полк сосредоточился в Посохове. От Винограда отстающих 152 человека, с тылами двигается 121 человек. Обувь пришла в негодность. С полком одно орудие 76-мм и три миномета 120-мм. Перед полком обороняется 166-й пехотный полк 82-й дивизии».

В тот день батальоны заняли Пилипы и Вахневцы ныне Новоушицкого района Хмельницкой области. Были захвачены два миномета, два пулемета, 30 мин, 8 повозок. На поле боя противник оставил 30 убитых и взяты в плен 19 человек. Видимо, за эту незначительную стычку с противником наша дивизия получила почетное наименование «Днестровская», а за форсирование Днепра и длительные бои по расширению плацдарма на правом берегу, где мы потеряли только убитыми 300 человек, и 16 человек получили высшую степень боевого отличия, так и не удостоились «Днепровской». Некоторые наши бывшие соседи по Днепру все же выплакали это почетное наименование, но с большим опозданием.

Так завершался наш месячный марш. Солнце стало проглядывать все чаще. Снова мы повернули строго на юг. Опять сон на ходу, к которому солдаты стали даже привыкать. Замыкал ротные колонны старшина или офицер, он следил, чтобы полусонные не отставали. Если кто-то выходил, то его снова заталкивали в «стадо», так как это невозможно было считать строем. Однажды я увидел заострившийся нос нашей Дуси, она еле передвигала ноги, и я понял, что она именно сейчас нуждается в помощи, и приказал взять ее на повозку. Аким помог ей, и она сидя тут же уснула и спала до привала. Повозочный даже проверил под ней сено, но оно оказалось сухим, хотя проехала она около десяти часов, а если бы слезла, то он ее без меня снова вряд ли бы взял на повозку.

В заключение расскажу о том, какая была в ту пору борьба за любую лошадь, даже без седла. Я уже писал, что верховая лошадь была положена только командиру полка, его заместителям, начальнику штаба, начальнику артиллерии, командирам батальонов и командирам батарей на конной тяге. Но как я уже говорил, новый командир сразу настоял, чтобы я ехал на верховом коне из взвода конной разведки. После первых дней моей езды конь захромал, наступив на гвоздь, как определил ветеринарный врач.

Я снова шел, как все, пешком, но командир полка снова распорядился выделить мне коня и приказал ехать рядом с ним. В одну из ночей он оставил меня при выезде из села проследить за прохождением всей колонны полка и после доложить о результатах прохождения колонны. Чтобы подкормить лошадь, я заехал во двор, где увидел копну сена, накинул повод уздечки на правую руку, разнуздал и дал коню возможность подкормиться сеном. Сам стоя мгновенно уснул. Сквозь сон услышал понукание лошадей и, проснувшись, увидел, что рука моя так и торчит за полой ватного бушлата, а никакой уздечки и самого коня нет. Стало ясно, что повод был перерезан, а лошадь с седлом была уведена.

Стыдно было признаваться командиру в такой оплошности, но пришлось. И тем не менее он снова сажает меня на предпоследнего коня во взводе и я еду весь день с ним. Коновод присматривает за обоими, когда мы заходим в хату или во двор. Ночью снова такое же задание — пропустить всю колонну до прохождения артбатарей. На этот раз я выбрал место в чистом поле. Слева от дороги была огромная лужа, а посреди нее на крошечном островке стоял телеграфный столб. Вот и решил я заехать на тот островок и там поджидать эти батареи. При переезде лужи вода оказалась почти под брюхо коню, что меня

вполне устраивало от происков пехотинцев. Конечно, я слез с коня, опершись плечом о столб, вскоре уснул, закинув повод на локоть руки, ладонь которой снова отогревал за отворотом бушлата. Сколько я спал — не знаю, но проснулся от понукания лошадей и узнал голос командира батареи 76-мм полковых пушек. Но коня снова не было, хотя рука так же торчала за бортом. Только теперь я догадался, что не предусмотрел похитителя-кавалериста. Я закричал командиру батареи, чтобы он отстегнул переднюю пару упряжки и приехал спасать «Робинзона Крузо» с необитаемого острова. Долго вспоминали с усмешками в штабе офицеры эти мои промахи, тем более что все знали о моей казачьей родословной.

Румыния

30 марта, совершив марш Лядово-Секуляны-Мендыковцы-Болбоки, к 21 часу полк сосредоточился на юго-западной окраине районного центра Бричаны. Ночью вряд ли кто заметил, как мы спокойно переехали по мосту через Днестр без стрельбы и криков «ура». Это уже была Молдавия — родина фельдшера батальона, нашей Оли Дейкун из города Бельцы, начавшей войну на своей земле в первые дни войны и завершившей ее под Будапештом. Она теперь постоянно выручала штаб в общении с местным населением здесь, в Бричанах, и после — на территории Румынии, куда мы вступили самыми первыми.

Здесь у нас была не просто дневка, а трехдневка, по непонятным для нас причинам. Может, наш тогдашний народный комиссар по иностранным делам Молотов В. М. решал вопросы вторжения на территорию соседнего государства, но Румыния оставалась союзницей Германии. Одним словом, в этом местечке, именуемом по-украински, в равной пропорции проживали три национальности: молдаване, украинцы и евреи. Пройдя с боями шесть областей Украины, мы впервые увидели на площади много евреев, а в базарных палатках, в качестве торговцев, только их. Между собой они разговаривали на идиш.

Штаб полка разместился в просторном домике украинской бездетной семьи. Рано утром в штабе полка уже был ПНШ-4 Пистрак Иойл Зенделевич. Его распирало чувство восторга, ибо он здесь встретил нескольких родственников и знакомых, так как сам был родом из этих мест. Первым вопросом у него был: «Ты когда-нибудь ел фаршированную щуку?» Я ответил, что ел у себя на Кубани форель жареную и вареную, но он заверил, что все это не то по сравнению с фаршированной щукой, приготовленной на еврейской кухне. Поэтому он приглашает меня к своим друзьям на вечер как самого почетного гостя. Я дал согласие, ибо понимал, что отказываться бесполезно. Появился запыхавшийся писарь Евдокимов и спросил, есть ли у меня деньги. Я вынул пачку советских ассигнаций, так как впервые с сорок первого года появилась в них необходимость на переднем крае. Борис с Сеней убежали на рынок, прихватив большую хозяйскую корзину. Вскоре они вернулись с полной корзиной всякой еды. В центре корзины стояла трехлитровая бутыль самогона, вокруг нее украинское сало, окорок, яйца, белые ковриги хлеба и даже домашняя колбаса. Я удивился такому огромному количеству выпивки и снеди всего лишь за пару сотен рублей. Оказалось, что торгаши, не зная теперешнего курса рубля, начали продавать по

довоенным ценам нашего родного отечества. Но, видя огромный спрос, они с каждым новым покупателем набавляли цену и к вечеру довели ее примерно до цен Союза. Почти все их запасы были раскуплены офицерами всей дивизии.

Все помощники начальника штаба обалдели от вида корзины с провиантом, и мы решили кутнуть. Спрашиваю хозяйку: есть л и у тебя большая сковородка для яичницы? Она погремела в посуде и вынула большой противень. Прошу ее помочь сделать нам огромную «яешню» на десять человек с салом и колбасой. Но она заявляет, что топки «ныма». Я уже видел, что под сараем лежит большая куча кизяков, которыми был прикрыт штабель дров. Вижу, что она чем-то недовольна и явно с неприязнью относится к нашему приходу. Спрашиваю откровенно: «Ты что — не рада нашему приходу?» И слышу вместо ответа вопрос: «Це шош, тыпэр мого чоловика забэрэтэ на вийну?». «А как же, не все ж ему сидеть биля твоей юбки с сорок першого року, хай и вин повоюе». «Так там же його можуть и убыты?». «А як же, каждый день вбывають кого-нэбудь». «Ну вот, а ще пытаетэ, чи рада вам, чи ни. Черт вам рад!» — так примерно закончила диспут та тридцатилетняя молодуха.

Такое откровение для нас было внове. Сам хозяин возился у печки и все слышал, но даже он не мог ей что-либо возразить, ибо был у нее под пятой. Свидетелями нашего диалога были почти все ПНШ полка, начальники служб, писарь, старший связной, сержант Митрюшкин и посыльные. Митрюшкин был и комендантом штаба. Он взял автомат и скомандовал ей следовать за хату. Она была так ошеломлена, что даже не делала попыток сопротивляться и пошла впереди. Окликнув его, я дал понять, что убивать не следует, но попугать нужно, он кивком головы подтвердил. Минут через пять за домом раздалась пара хлопков из автомата. Хозяин дома бросился под сарай, начал носить поленья дров и затопил печь.

Потом сержант рассказал подробности. За домом она очнулась и принялась просить прощение. Но Митрюшкин уже завязывал ей глаза платком. Потом привязал ее к стволу абрикоса и сделал пару выстрелов в землю. От страха она повисла на веревках. После ее муж отвязал и огородами отвел к родственникам. Это был самый лучший для нее исход по сравнению с возможным, если бы она попала в руки особистов. Она выразила то, о чем думали и другие, но боялись сказать. Тем более проживали все они почти три года под протекторатом румынского короля Михая Первого, у которого даже евреи были под защитой государства.

Наступил вечер, и явился за мной Пистрак, неся зажженную

карбидную лампу-фонарь, чтобы в темноте освещать мне дорогу. Привел меня на базарную площадь, спустились мы в подвальное помещение, где во всю длину комнаты стоял стол, накрытый яствами. Я был посажен в торце стола. Ни одного слова я не понимал, так как все говорили на родном языке. Некоторые фразы лейтенант мне переводил. В другое время я бы охотно и много съел из еврейской кухни, но из-за обильной еды весь день я был сыт, и только попробовал, какие смог, блюда. Пистрак представил меня чуть ли не заместителем самого Сталина или Жукова, и все с восторгом осматривали меня. Здесь он вторично выразил надежду, что раз я его «породил», назначив ПНШ-4, то только я один вправе и убрать его с должности, хотя уже прошел месяц, как майор Никифоров был назначен начальником штаба.

Следующий день оказался примечательным тем, что в дивизию вернулся старший лейтенант Ламко Тихон Федорович, отсутствовавший с декабря. Он прибыл в штаб дивизии, где за ним сохранялась его штатная должность, — старшего помощника начальника оперативного отделения штаба дивизии. Кстати, он был и секретарем партийной организации штаба. Там ему вручили вместо героя орден Красного Знамени, и он решил его «обмыть» в том полку, в котором был к ордену представлен. Кроме того, у меня под опекой находился три с лишним месяца его Сеня — «сын 48-го полка», которого он должен был вернуть к себе. За это время Семен получил в полку медаль «За отвагу», и не просто по разнарядке, а вполне заслуженно. Вдень нашего отхода из Босовки, о котором подробно во второй части книги, мы так и не смогли пообедать из походной кухни. Наш повар оставался в Толстых Рогах, не зная, куда везти обед.

Когда наступила темнота, они решили искать штаб полка, но, когда попытались выехать со двора, на улице затрещали вражеские мотоциклисты-разведчики и сразу отняли карабин у повара и завернули его снова во двор. Открыв крышку котла, они обрадовались готовой горячей пище, побежали в хату за посудой и заставили повара раздавать еду, уходя в помещение на ужин. Во дворе они оставили часового, которому захотелось добавки, и он сам полез черпаком в котел, низко наклонившись, так как котел был установлен не на колесах, а на санках. Повар достал топор для рубки дров и мяса и с силой нанес удар часовому по голове. Часовой не издал и звука, а Сеня, державший вожжи, тронул лошадей и, нахлестывая их, направил на выезд из села. Вскоре они влились в поток наших отходящих войск. А утром Семен взахлеб рассказывал об этом происшествии. Я похвалил его за смелость, тут же написал проект приказа о награждении их обоих медалью «За отвагу» и обоим выдал почетные тогда знаки

«Отличный повар», хотя у нашего Сени это был «проходной эпизод» службы. Теперь он с гордостью показывал медаль и знак своему «бате» — Ламко.

Мы тут же решили обмыть их награды. Продукты были, а бутылку шнапса привез с собой Ламко. За столом он рассказывал о своих тыловых приключениях, связанных с удалением автоматной пули из нижней челюсти. Эту операцию свободно можно было провести даже в медико-санитарном батальоне, но Ламко решил ехать именно в тот сочинский госпиталь, где ее недосмотрели хирурги, вынув четыре пули из тела Ламко, а пятую оставив, полагая, что это касательное ранение в нижнюю челюсть. Год носил вояка эту пулю, потом почувствовал выступ на челюстной кости. Проверили на рентгене и увидели пулю.

По заведенному ритуалу мы обмыли его орден и Сенину медаль. Потом Ламко расстегнул солдатский вещевой мешок, наполненный немецкими трофейными деликатесами. Мы удивились, увидев в нем шоколадные плитки, батончики, непривычное для нас вафельное печенье, конфеты. И хотя все это именовали эрзац-шоколадом, тем не менее у нас на снабжении и эрзаца не имелось. Далее он рассказал о том, как долго догонял нашу дивизию разными видами транспорта. От Гайсина ехал на попутной полуторке. На последнем перегоне устроились на ночлегу одинокой молодухи, и на ужин она предложила бутылку немецкого шнапса. В передней оставила спать шофера, а с офицером сама предпочла провести ноченьку во второй комнате.

К кровати еле можно было пройти, так как все было заставлено ящиками и мешками. «Я поинтересовался, что это за склад? Хозяйка ответила, что за селом при отходе были взорваны железнодорожные пути, и поезд был брошен немцами, ибо подошли два наших танка. Жители узнали, что это все вагоны с продуктами, и за ночь растащили все по домам». И туту Ламко созрела мысль наполнить вещевой мешок шоколадом, а когда хозяйка вышла подоить корову, то шофер успел вынести даже две коробки, в одной из которых было масло, а во второй сыр в тюбиках. По логике вещей это продовольствие было с уманских продовольственных складов. Немецкие интенданты изъяли продукты на украинской земле для своей армии, у них подобрала хохлушка на правах возврата, а у нее реквизировали Ламко и шофер на правах военных трофеев. Мы впервые пили эрзац-кофе с шоколадом. Сеня набил себе карманы батончиками, а остатки мы взяли в медико-санитарную роту, порог которой я переступил впервые.

Я ежедневно работал в штабе полка со старшим врачом медико-санитарной роты капитаном Шлома Петром Ивановичем

по вопросу эвакуации раненых, переброски медперсонала на наиболее важные участки, указывал места развертывания полкового медицинского пункта. Строил медиков в походные колонны, контролировал прохождение ими исходного пункта и всех их знал в лицо и по фамилиям, но из-за стеснительности разговаривать с медичками решился только через десять месяцев от начала формирования дивизии. В заключение дня мыс Ламко помылись в бане с прожаркой белья и обмундирования. За двое суток был помыт в поселковой бане весь полк, поскольку по надписям на стенах и заборах нас нагнали все отставшие люди, транспорт и артиллерия.

Как ни покажется странным, теперь у нас было три батальона, которыми командовали старшие лейтенанты Кошелев, Лысынчук и Герой Советского Союза Кравцов, все еще не получивший Золотую Звезду, которых, как и всего, у нас на всех не хватало. Читатель, вспомни замечательную песенку Булата Окуджавы про короля, который пошел на войну, потерял в сражениях солдат, но захватил мешок пряников в качестве трофеев, с которыми пил чай, приговаривая, что «пряников все равно не хватит на всех». Пророческими были и останутся слова этой песенки. Велик был наш самый выдающийся Бард!.. Хвала и вечная память этому певцу-самородку и ветерану войны, на века. Если бы он написал только одно стихотворение — «Мы за ценой не постоим», и то стал бы живым классиком.

Русский выйдет за Прут, а румын — за Серет... Так шутили мы старой присказкой, видимо со времен походов Суворова на этой земле. 3 апреля дивизия выступила далее на Запад. Проходим Грумызень, Глина Мика, Липкань. Перед нами река Прут. По ней проходит Государственная граница. На мосту, конечно, румыны или немцы взорвали один пролет, но наши саперы сделали помост из досок, и пехота успешно переправляется безо всякого сопротивления противника. Для обозов нашли брод, и они вскоре догнали нас на марше. В 17 часов штабные подразделения, 1-й стрелковый батальон и артиллерия сосредоточились в селе Исновэц, 2-й и 3-й батальоны — в Крайничений. Назначаем комендантов этих населенных пунктов — еще появилось совсем непривычное для нас дело. Батальонные обозы уже со своими подразделениями, а полковые, как и вся полковая артиллерия, все еще на марше. На следующий день получили указание доукомплектовать лошадьми взвод конной разведки за счет местных ресурсов. Это нетрудно: бежавший местный боярин оставил своих лошадей на попечение конюха. В его доме мы разместили штаб. В комнатах чисто, есть мука и другие продукты. Местные жители очень боялись нашего

прихода и прятались в погребах, но при более близком знакомстве стали вполне лояльными к нам, как и мы к ним. Пропаганда против нас велась обычная, что придут «Советы с рогами», имея в виду буденновские шлемы, которые, кстати, были отменены еще после финских событий.

Чтобы не бездельничали, офицеров выводили на рекогносцировку местности. Ночами все еще бывали заморозки, в тени еще лежал снег, хотя днем он подтаивал. Начальник штаба очень редко бывал в штабе, проживая в отдельном доме. Командир все это видел, но почему-то не решался проявлять требовательность. Мы даже не знали, откуда и с какой должности прибыл майор Никифоров. Все документы он подписывал без исправлений, а в самом штабе без него с утра до полуночи кипела оперативная работа по управлению батальонами, шли ответы на запросы из штаба дивизии, регулярно писались боевые донесения.

В первый рабочий день явились две наших дамы с «челобитной»: отпустить их домой. Это была повариха Петровна, которая так и заявила: «Я Родину освободила, дальше пускай моя дочь освобождает Европу, она тоже год на фронте, где-то на другом участке. Ас меня довольно и того, что я приняла участие в боях на территории шести областей Украины». Петровне было лет за тридцать пять, и она вполне бы могла остаться еще на фронте, но погиб ее возлюбленный, старшина Борисенко, и оплакала она его у братской могилы в местечке Виноград. Поначалу он был командиром комендантского взвода, а потом Бунтин взял его к себе адъютантом. Разница в возрасте у них была примерно лет на восемь в пользу Петровны, но это не мешало ей готовить вкусную еду офицерам штаба, а ему помогать организовывать порядок на командном пункте. Второй претенденткой на «дембель» была радистка Рая Хабачек. Она прошла с полком от Воронежской области до Румынии.

Уже в первых боях на нее «положил глаз» командир штабного взвода связи старший сержант Бережной Александр. Он занимал офицерскую должность и неплохо с ней справлялся, так как хорошо знал свое дело, был отважен в бою и пользовался авторитетом в роте и штабе.

Фронтовые связи в пехоте не очень долго остаются незамеченными. Еще командир полка майор Кузминов заметил эту любовь и спросил взводного об их отношениях. Бережной все рассказал командиру откровенно. Михаил Яковлевич в шутку распорядился: «А тебе, Лебединцев, нужно отдать об их браке распоряжение в приказе, чтобы все знали и больше не приставали к Рае с любовью». Конечно, это была шутка, так как такие

отношения приказом не оформлялись. В бою под Белой Церковью Бережной получил тяжелое ранение в область бедра и был отправлен в тыловой госпиталь на излечение. А Рая осталась в строю, хотя и была уже «с икрой», и дотянула по своей неопытности до семимесячной беременности. Ее нужно было отправить еще до нашего беспримерного марша, а то и раньше. Ведь каждый день над всеми в пехоте витает угроза гибели от осколка и пули. А тут уже две жизни. Но мы были настолько необразованными в правовом отношении, что сейчас могут и не поверить в такое. Рыжая Инка вскоре после пленения Ершова (о них во второй части) каким-то образом перешла в другой полк и дотянула беременность до восьми месяцев. О порядке увольнения беременных женщин никто не имел понятия даже в штабе дивизии.

Я написал приказ об их награждении медалями «За боевые заслуги», хотя они достойны были и медалей «За отвагу», но таковых не имелось в наличии. В придачу вручил одной знак «Отличный повар», а Рае — «Отличный связист». Командир полка сам лично вручил им самые младшие награды. Они же, по нашей дремучей нерасторопности, обязаны были быть награжденными уже за форсирование Днепра в обязательном порядке, но этого не сделали по вине командира роты и начальника связи, который, правда, там и погиб. Я попросил наказать за этот просчет командира роты связи. Правда, сами награжденные отнеслись к наградам с полным безразличием. Таковы мы во всем...

В это время в штаб зашел румын, один из батраков бежавшего хозяина-боярина и упал на колени передо мной. Я велел ему встать, и он принялся мне что-то объяснять, чего я не мог понять. При штабе находилась Ольга Дейкун, и она перевела мне жалобу слуги. Оказалось, что наш повозочный Аким брал овес для лошадей с барского амбара, против чего слуга не возражал. Но в зерне оказались четыре спрятанные подковы с ковочными гвоздями, и Аким взял их себе про запас. Вот против этого и восстал батрак. Он молчал, когда взяли несколько лошадей, овес, но подковы были из железа, которое в Румынии ценилось дорого. Повозочный Аким подтвердил, что так и было. У нас перебоев с ковочными материалами не было, и я предложил Акиму тут же принести и вернуть подковы, что он и сделал в моем присутствии. Но Аким тут же принес полный мешок и при батраке высыпал из него содержимое. Мешок тоже был спрятан в закроме и засыпан овсом. В нем оказалась форма румынского лейтенанта с сапогами и парадным поясным ремнем из позолоченной канители. (Из него портной сделал нам позднее повседневные золотые погоны на весь штаб.) Кроме того, в мешке было несколько шелковых

платьев, модельная женская обувь и всевозможное женское нательное белье. Слуга стоял и смотрел совсем безразлично. Я предложил нашим увольняемым женщинам взять это себе, разделив поровну, но они спросили: «А зачем оно нам?». «Да хотя бы на распашонки будущему малышу», — сказал я. Но и тут Рая сказала, что уже заготовила белье из парашютного шелка, что брали в немецких землянках, обитых парашютами наших погибших десантников. Вот таково было отношение наших «солдат в юбках» к чужому добру, как, впрочем, и к своим, вполне заслуженным наградам. В то время мы еще очень много не понимали.

Я поручил коменданту остановить любую машину, едущую в тыл, и довезти их до ближайшей железнодорожной станции. С Раей у меня было множество встреч на Кубанской земле, как и с Бережным тоже. Он проживал в Ставрополе с другой семьей, как и Рая с другим мужем, — сельским механизатором. Не смогла найтись Петровна, как и многие-многие другие. Особенно я жалею, что не откликнулись и оба моих писаря, Сашка и Борис, так как я в архивах и в списках дивизии не смог их найти, впрочем, как и себя самого. Поскольку таких списков вообще не было в штабе.

В этой связи я хочу сказать несколько слов об этом селе Исновэц. Первой в него вошла разведка. На деревенской площади зашли в сельскую управу, где не было ни души. В ту пору у них каждое государственное учреждение украшали пять портретов: царствующего короля Михая Первого, отца Кароля, матери Елены, бабушки Марии и деда Фердинанда. Если я немного перепутал с родословной, то все имена назвал правильно. Все они были в одинаковых рамках, выглядели вполне презентабельно.

Но мы видели в них прежде всего эксплуататоров, и разведчики прострелили каждый «патрет». Потом принялись выгружать все метрические и хозяйственные книги на замечательной мелованной финской бумаге, в очень прочных переплетах. Безжалостно вырвали все исписанные листы, а чистые с обложками принесли в штаб по старой привычке. Кстати, должен сообщить, что именно в тех книгах наши писари и делопроизводители впервые завели журналы учета офицерского, рядового и сержантского состава, а также книги безвозвратных потерь, списки учета награжденных и т. д. и т. п. Они и сейчас красуются на полках архива Министерства обороны в городе Подольске, как живой укор нашей бедности и неподготовленности к войне не только в вооружении, перевязочных пакетах, боеприпасах, флягах, которые одно время выдавали даже стеклянные. У нас в страшном дефиците была

обычная писчая бумага, а те книги так и остались в прочных переплетах, оклеенных крепкой тканью в черную и зеленую полоски.

Сельское население Румынии жило в ту пору гораздо беднее, чем городское, но продовольствия имело вполне достаточно. Правда, было много домашних носимых вещей из полотна и сукна домашнего ткачества, а на ногах были лапти из невыделанной кожи. Рубахи и штаны были из белого домотканого полотна, кафтаны — из домашнего сукна, но почти у всех были фетровые шляпы или высокие барашковые конические шапки типа полковничьих папах. Женский наряд немного напоминал украинские расшитые блузки и юбки. Основной едой румынской кухни была мамалыга из кукурузной муки, которая заменяла им хлеб. Ели они ее тогда в горячем и холодном виде, нарезая не ножом, а ниткой, употребляя с молоком, простоквашей, сметаной, брынзой. Однако набор блюд был не богат.

Накануне Пасхи из батальона нам прислали в подарок небольшой бочоночек вина, и мы решили «кутнуть». Хозяйка сначала приняла нас настороженно. Единственную взрослую дочь она отослала в городок Сучава в надежде, что туда русские не дойдут, Но дочь вернулась ночью и сообщила, что русских там больше, чем здесь. Видя наши скромные пищевые продукты, хозяйка повела Дусю в чулан и погреб и показала все свои припасы и заготовки на зиму. Там была и белая мука и всевозможные фруктовые и овощные консервирования, фасоль, картофель и мясные продукты. Дуся Палочка была искуснейшей стряпухой и кулинаршей. Она охотно взялась за дело и так преуспела, что подвыпившая румынка-мать после опробования очередного дусиного блюда целовала ее в обе щеки за пироги, пирожки и вареники.

К полуночи все было готово, столы накрыты, и появился даже наш трофейный патефон. Без начальства мы решили отметить православную Пасху, а заодно и освобождение родной земли на нашем румынском участке. Вино оказалось молодым и хмельным, а мы были тоже молоды и пока живы и не покалечены. Праздник удался вполне. А мать, дочь и наша Дуся отплясывали под немецкие пластинки с русскими офицерами. Только хозяин редко поглядывал из кухни за поведением своей супруги, разошедшейся вовсю. Да, было и такое, хотя и весьма редко. Солдаты, особенно ездовые, очень быстро познавали румынский язык, первоначально, конечно, румынские названия продуктов — молока, вин, табака — и необходимые в быту обращения.

7 апреля мы преодолели реку Серет и вступили в одноименный центр провинции Ботошань. Городок понравился

чистотой улиц. Побывали мы в одном из оставленных жителями домов, и многие из нас впервые видели быт и удобства городской жизни, о которой мы не имели даже понятия в своей сельской местности. 9 апреля противник продолжает отходить в южном направлении за реку Молдова. 1-й и 2-й батальоны и штаб полка сосредоточились в Боссанче, 3-й — в Рус, Плаповар. Артиллерия и тылы подтянуты. Здесь мы провели пять суток. Я часто выезжаю с командиром полка на рекогносцировки местности. Он изучает мои навыки, присматривается ко всему, почти никогда не возражает. 16 апреля вброд преодолеваем реку Молдова и размещаем командный пункт в Орцешть. Румыны не стали строить оборону на реке и отошли в предгорья Карпат.

Именно эти полмесяца были неплохой школой для нового командира полка подполковника Бутько. Он узнавал особенности командиров батальонов, офицеров штаба, начальников служб, тыловых органов. Особенно его интересовали вопросы организации обороны, создания опорных пунктов и узлов противотанковой обороны и организации взаимодействия пехоты с артиллерией и минометами. Я сам не имел прочных знаний, но обладал фронтовым опытом управления и связи, чего пока еще не имел новый командир полка. Вполне понятно, что все это он не мог получить от нового начальника штаба. Кстати, Никифоров по-прежнему ничего решительно не предпринимал, чтобы быстрее войти в нужную колею. Скорее всего, он откладывал это на потом, но это не получилось. После моего отъезда на учебу он вскоре получил ранение и убыл в госпиталь.

С 22 апреля противник начал предпринимать частые контратаки по нашим батальонам в направлении Нямцу и Брустури-Рэзэшть. Наша оборона еще не имела траншей, система огня еще не была налажена, а тут одна за другой контратаки. Я все время теперь находился с командиром, перекладывая свою работу в штабе на Забугу. Командиры батальонов просили помощи огнем, а то и последний резерв — роту автоматчиков. Румыны не жалели ни снарядов, ни пулеметного огня, а главное — ночами бросались в контратаки и иногда теснила наших, хотя мы по прошлому опыту боев на Кавказе не считали их достойным противником.

Но это уже была их земля, да и с тыла их подпирали немцы, заставляя злее драться за свою землю. Несколько раз комбаты нагоняли на командира страх и растерянность, но когда я брал трубку, они докладывали мне истинную правду и меньше брали начальство «на пушку».

Однажды к вечеру разгорелась интенсивная пулеметная, автоматная и ружейная стрельба, из села начали выскакивать

батальонные повозки. Мы с командиром полка сели на лошадей и вернули их обратно, а с наступлением темноты побывали во всех батальонах, и командир стал увереннее и спокойнее. Батальоны начали интенсивнее отрывать траншеи и укреплять оборону.

27 апреля я с утра находился на месте, когда командир появился в штабе. Начальника штаба в расположении штаба снова не было. Бутько приказал вызвать майора Никифорова и повел с ним нелицеприятный разговор о том, что распределение обязанностей в штабе произведено далеко не равномерно. Сказал о самоустранении от дел и самого начальника штаба. 28 апреля я застал командира полка за подписанием наградных представлений, в основном командиров подразделений, представленных комбатами. Он подписал мое боевое донесение без замечаний и тут же спросил, а почему нет представлений на офицеров штаба и начальников служб. Я сказал, что об этом лучше спросить самого начальника штаба. «Это верно, но все же как ты считаешь, кого на какой орден следует определить, так как ты практически с февраля возглавлял штаб и гораздо лучше знаешь всех, нежели майор Никифоров». Я немало удивился, так как еще вчера он устроил разнос нам, а сегодня требует представлять к награждению. Заметив мое недоумение, он ответил: «Я в день по несколько раз делаю замечания комбатам, а уже на всех подписал представления».

Я попросил отпустить меня с донесением и подумать, чтобы решить этот вопрос после завтрака. Он согласился. Подумав, я предложил Забугу, Гетманцева и Осипова в качестве первичной награды представить к ордену Отечественной войны 2-й степени, а ПНШ по тылу Антонова и ПНШ-4 Пистрака к ордену Красной Звезды. На всех этих бойцов он попросил написать представления мне, а на меня он напишет сам. Он предложил выбор из трех орденов: Красного Знамени, Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени. Я дал согласие на последний, но он сказал, что представит на орден Красного Знамени. Тут же он показал подписанное им представление на звание «капитан». Я был весьма тронут таким вниманием с его стороны. И решил для себя впредь помогать ему во всем без всяких на то расчетов. Он нравился мне все больше и больше, как справедливый командир полка. Мне казалось, что я обретаю большую уверенность в своей правоте, хотя до самоуспокоения было далеко.

На следующую ночь я лег спать пораньше. Дежурил по штабу капитан Гетманцев. Примерно в полночь телефонистка приняла распоряжение от командира дивизии соединить его с командиром полка. Гетмацев тут же перехватил трубку и стал прослушивать разговор, затем попросил поднять меня и передал трубку для

подслушивания. В практике это имело место почти во всех штабах низших звеньев, чтобы быть в курсе дела полученных и отданных полку приказаний и записать их в журнал. Начало я не захватил, но речь шла о посылке меня на курсы усовершенствования в глубокий тыл. Бутько упорно предлагал любую другую кандидатуру, только чтобы оставить меня в полку, но генерал-майор Тимошков доказывал, что это решение сверху с указанием именно моей кандидатуры в «красной» бумаге, то есть шифровке. Я подумал: кто там наверху меня знает? Это чистой воды выдумка, но решил непременно ехать, хотя и знал, что Бутько будет меня отговаривать.

Гетманцев понял суть разговора и настаивал, чтобы я не отказывался. Он так и сказал: «Довольно испытывать судьбу: с 1941 года в пехоте и разведке. Пора тебе сделать передышку. Да и учеба пойдет не во вред, пока молод, соглашайся на курсы!» Утром я, как всегда, у командира с донесением на подпись. Расписавшись в положенном месте, он без обиняков перешел к разговору в примерно таком убаюкивающем тоне: когда-то он сам окончил нормальный курс военного училища, прошел все ступени роста, а как попал на фронт, так сразу же обнаружились все промахи былой самоуверенности. Теперь вот учится самому первостепенному прямо на поле боя. Я упорно молчу, не подавая вида, что догадываюсь о сути этого разговора.

Наконец он произносит: «Ночью звонил командир дивизии и сообщил о том, что в штабе армии у тебя нашелся «благодетель-покровитель», который рекомендовал тебя на курсы «Выстрел» (Высшие стрелково-тактические курсы пехоты). Я их до войны заканчивал, но они ничего нового мне не дали. Советую и тебе пока не соглашаться. Обещаю, что с получением «капитана» сразу представлю на утверждение в должности начальника штаба полка. Будем работать вместе, ты отвечаешь всем требованиям этой должности, тебя уважают сослуживцы, дело знаешь, а Никифоров совсем не на месте. Подумай до обеда и реши. Ты видишь, я не скупой ни на награды, ни на чины». В последнее я охотно поверил, так как на комбатов он подписывал представление на третью награду, имея сам только одну «звездочку». Этот поступок был весьма редким и неординарным в командирской практике наградного дела. Я обещал хорошо подумать.

Но приехал сам комдив. Командир полка приказал мне построить офицеров штаба и начальников служб. Я построил и назвал свою должность и фамилию. Комдив тут же поздравил меня с отбытием на учебу. Я ответил по уставу русской армии: «Рад стараться и охота есть служить» вместо уставного: «Служу

Советскому Союзу» или «Есть», или, позднее: «Слушаюсь». Генерал улыбнулся и сказал: «Хорошо изучаешь военную историю. Молодец! А любая учеба не повредит военной карьере». После такого напутствия командиру полка ничего не оставалось, как согласиться, и он пожелал мне всяческих успехов. Я мигом стал собираться в дальнюю дорогу, припасая толстые тетради, цветные карандаши, трофейные авторучки. Сдал табельное оружие, но припрятал трофейный «Вальтер» с магазином патронов. Взял с собой плащ-палатку, бушлат, в котором перезимовал. Пожалел, что не знал об этой оказии и не сохранил ничего из нарядов того мешка, что высыпал Аким, так как мог бы переслать платья сестрам, которые стали невестами и ходили на родной Кубани в обносках.

Наступило утро следующего дня. Друзья накрыли стол, поставили кувшин румынского вина. Прибыли даже адъютанты старшие батальонов (начальники штабов батальонов). Все просили передать привет родному Отечеству теперь уже с непривычной чужбины, желали успехов в учебе и возвращения в родной полк. Убывал я в город Солнечногорск, который расположен в полусотне километров от Москвы по дороге на Клин и далее на Калинин, ныне Тверь. На нашем участке наступило заметное затишье. Командир выделил мне до города Фэлтичений, где должен был располагаться отдел кадров армии, свой «персональный» фаэтон. По пути я заехал в штаб дивизии проститься с Ламко, майором Петровым, майором Передником, с которым сдружился за время марша, когда мы несколько ночей двигались вместе и узнали, что мы земляки. Он был родом из города Кропоткина. Не наделся я тогда, что с Ламко встречусь там же на курсах через четыре месяца, а с Петровым и Кузминовым в первых числах нового, 1945 года в Москве. Связистки и поварихи вытирали носы от слез, писари все махали вслед удаляющемуся кабриолету. Проводить меня вызвался Борис Евдокимов с автоматом, чтобы никто не мог отнять это средство передвижения.

Глава 5.
Жизнь без фронта

На курсах «Выстрел»

Вот и курортный румынский городок Фэлтичений. Здесь мы накануне освободили полсотни русских военнопленных. Строения все целые, улицы чистые. Я озираюсь по сторонам. Слева вижу в зимней гимнастерке и таких же новых брюках подполковника Хамова П. Ф. Я спрыгиваю на ходу и бегу к нему, не зная, как быть, как выразить радость встречи с ним после возвращения его из штрафной роты. Видя мое замешательство, он упреждает меня своим вопросом: «Значит, едешь. Молодец! Ведь я же обещал послать тебя с первой оказией на учебу. Вот и посодействовал». Так вот он, оказывается, тот негаданный начальник, устроивший мне протекцию, хотя он сам только что сменил форму ефрейтора-штрафника на форму подполковника! Я не находил слов, как и с чем его поздравлять, чтобы не ранить лишний раз его гордость. Он указал мне место расположения отдела кадров и тепло обнял, чтобы пожать в следующий раз мою руку только в 1972 году в Генеральном штабе.

В отделе кадров армии меня ожидал попутчик, тоже «старлей» из соседней воздушно-десантной дивизии. Получив направление и проездные документы, мы попутной машиной прибыли в город Ботошань. Это было утро 1 мая. Требовалось непременно отметить этот весенний праздник, наше знакомство и дальнюю совместную дорогу впереди. Ни я, ни он ничего пока не понимали по-румынски. Один местный направил нас к «толмачу», то есть понимающему по-русски. Хозяин совершенно пустой лавки поздоровался с нами по-русски и объяснил за стаканом вина, что он матрос с броненосца «Потемкин», интернированного когда-то румынами в 1905 году. Здесь он присмотрел молодую румынку и женился на богатой невесте с магазином. Жену уже похоронил и растит взрослую дочь. Деньги у нас были, он как торгаш понимал, что они пока будут иметь хождение, поэтому не жалел вина, мамалыги и брынзы. Мы вынуждены были остаться и провести ночь у гостеприимного соотечественника. Следующим пунктом нашей остановки, ночевки и пересадки на железнодорожный транспорт был город Могилев-Подольский. Ночь провели в общежитии коменданта, а ужинали и завтракали в настоящей еврейской корчме, по типу той, где меня принимали

в Бричанах. До Киева мы ехали в переполненном пассажирском общем вагоне. Далее получили места в плацкартном вагоне до самой Москвы. До отхода поезда мы посетили Софийский собор и посмотрели кинофильм.

В течение двух суток дороги на пассажирском поезде мой попутчик играл в карты «в очко» и обыграл всех военных пассажиров, набрав полный вещевой мешок ассигнаций. Я должен был выходить на каждой остановке и покупать водку или самогон и всякую закуску, не считаясь с ценами. Я так и не узнал причину его удачливости. Подъезжая к Москве, некоторые из обыгранных неудачников просили его выдать денег хоть на трамвай, и он великодушничал.

Москву он и я видели впервые. Первый раз спустились в метро. Задерживаться не стали, так как у обоих не было здесь знакомых и близких. Подкупили кое-что в коммерческих магазинах и выехали с Ленинградского вокзала местным поездом до станции «Подсолнечная», хотя город именовался Солнечногорском. Сам город и военный городок подвергались краткосрочной оккупации немцами. Деревянная мебель оккупантами была использована на топливо, и курсы обустраивались почти заново. Хорошо хоть железные казарменные кровати не могли гореть в топке и сохранились в казармах, именовавшихся общежитием.

Первоначально, имея в виду мой малый чин, меня определили вместе с попутчиком на 8-й по счету курс, на котором готовили командиров батальонов. И тут выяснилось, что одновременно набирались кандидаты на 5-й курс — командиров полков, на котором впервые комплектовались две группы из штабных офицеров для полков и дивизий. Переводят туда меня и Валиева в равном со мною чине. Начальником нашего курса из ста человек был полковник Титов, старый служака-кавалерист. Командирские группы были укомплектованы подполковниками и полковниками, а наши — майорами, капитанами и нами двумя — старшими лейтенантами. Через месяц мне тоже пришла выписка из приказа с производством в капитаны и одновременно я получил временное удостоверение о награждении орденом Отечественной войны 1-й степени. Конечно, никто не вручал мне новых золотых погон, которые в тылу были положены каждому, а просто сказали добавить четвертую звездочку на погоны, но зато выписали стандартное удостоверение личности и я впервые обрел статус кадрового военнослужащего.

Все младшие курсы размещались в казармах барачного типа, а наш курс — в двухэтажном кирпичном здании на берегу Сенежского озера. Помещения общежитий были размером с

площадь всего здания с окнами на обе стороны. У входа было несколько кабинетов для начальника курса, начальника учебной части, преподавателей, лаборанток и чертежниц. В подвале размещалась камера хранения вещей слушателей курса.

До начала занятий нас переобмундировали как молодых рекрутов. Мы получили двубортные шинели улучшенного офицерского сукна, бостоновые брюки и гимнастерки, фуражки с малиновым околышем, а на зиму выдали цигейковые шапки-ушанки. Сапоги мы получили, к сожалению, «кирзачи», но у многих из нас были с фронта хромовые. Их мы одевали в выходные дни, которые проводили в московских театрах, а на занятия одевали кирзовые. Радовались мы и настоящим «комсоставским» поясным ремням с портупеей — тому, чего нас лишили при выпуске из училища.

Обучать нас должны были самому необходимому на войне. Но это только декларировалось, а на деле зачем-то учили внутренней и внешней баллистике оружия, материальной части вооружения полка, топографии и даже Истории военного искусства древних времен — тому, что знали сидящие в тылу преподаватели. Основной дисциплиной, естественно, была тактическая подготовка в объеме стрелкового полка и дивизии. Преподаватели поданному предмету были закреплены за каждой учебной группой, численностью 25 человек. Видимо, большинство из них не заканчивали Академию имени М.В. Фрунзе, а скорее всего, были из числа выпускников этих же курсов. При нас был случай, когда одного из преподавателей группы по тактической подготовке отстранили и поставили на его место слушателя группы, только что приступившей к учебе, и он справлялся вполне грамотно. Разработки групповых упражнений на картах использовались из фондов Академии имени М. В. Фрунзе, да и лекции тоже.

Именно в этот период поступили два серьезных пособия, написанных на основе использования передового опыта, проверенного фронтовой практикой. Это были наставления по организации позиционной обороны и руководство по организации прорыва позиционной обороны противника. На основе положений этих двух наставлений мы принимали решения при отработке тактических задач на картах и местности.

Условия, в которых проходила учеба, были плохими: у наружных стен с окнами стояли сколоченные из горбылей вместо досок артельные столы на козлах и такие же скамьи, на которых мы в тесноте наносили обстановку на картах, оформляли графические решения и писали донесения и приказы. Признано было за удачу, когда нашли картон и покрыли им столешницы из

необструганных горбылей. Лекций на курсе было крайне мало, преподаватели слабо владели методикой преподавания, однако время не проходило даром и мы осваивали необходимые знания. От артиллеристов мы узнали основные требования к артиллерийской подготовке и артиллерийскому сопровождению пехоты и танков на всю глубину прорыва, а эти новшества широко применялись в боевой практике начиная с лета 1943 года.

Не знаю, за счет каких предметов обучения, но в наших двух штабных группах увеличили количество часов по полевой службе штабов. Такое наставление наконец появилось на свет божий, и мы изучали его положения как будущие штабные операторы. Были занятия по инженерному делу и по противохимической защите. Ну и, как везде, зубрили азы Истории большевистской партии. Это был неотъемлемый атрибут, возможно, даже и в духовных семинариях. Вечером, когда бывала подача электроэнергии, проводилась непременная самоподготовка три или четыре часа. Если света не было, то мы делились своими фронтовыми воспоминаниями, рассказывали интересные эпизоды. Наиболее поучительные из них я помню до сей поры, хотя в то время делиться ими было весьма опасно.

Майор Самороков, например, рассказал о том, как он окончил в 1937 году военное училище и сразу был назначен на роту, через полгода стал ПНШ-1, а к освободительному походу в Западную Украину стал уже начальником штаба полка, только что пожалованный званием старшего лейтенанта. Полком командовал капитан, чуть старше его по возрасту. При выходе на демаркационную линию командование дивизии разрешило командиру полка с начальником штаба вступить в контакты с противостоящим немецким командованием для уточнения спорных участков, хотя таковых на их участке не было, так как рубеж проходил по руслу реки. Вот как об этом рассказал майор Самороков: «Прибыли мы верхом, переехав реку по мосту. Немецкий лейтенант сопроводил нас прямо к командиру полка, занимавшему отдельный домик. Мы представились немецкому полковнику, у которого даже начальник штаба был майор. Полковник пригласил нас за стол, на котором пыхтел русский самовар, были бутерброды, шнапс и сигареты. Разлив в рюмки выпивку, хозяин произнес тост за Красную Армию и за ее таких молодых командиров. Ведь у них в таких чинах только ротой командуют. Мы поняли его намек и убыли в глубоком размышлении.

Второй рассказ был из услышанного им от одного старика о случае, который произошел в первые дни войны в приграничных боях. (Дед рассказывал об этом уже после освобождения их села.)

На западе гремела канонада, отходили через село беженцы, раненые, обозники, а потом и пехотинцы. На закате появилась в парной упряжке 45-мм противотанковая пушка с пятью человеками расчета. Они были уставшими и поставили свое орудие на обочине за кустом, надеясь провести ночь в этом селе. Примерно через час затрещал немецкий мотоциклист с пулеметом. Для острастки он выпустил с десяток патронов по окраине, а артиллеристы со ста метров открыли по нему огонь из ручного пулемета и убили обоих разведчиков. Через полчаса показался бронетранспортер. Артиллеристы первым же выстрелом подбили его, а вторым подожгли. Пехота выскочила из горящей машины и под прикрытием пулеметного огня пошла в атаку. Бой разгорелся жаркий и закончился с наступлением темноты. Немцы ворвались в село. Трое наших были убиты , а двоих раненых немцы добили сгоряча, так как своих потеряли гораздо больше. Ночь прошла тревожно, хотя колхозные плотники по приказу немцев всю ночь строгали доски и сколачивали гробы. К утру собрали все взрослое население села на площадь у кладбища, где за ночь были вырыты две братские могилы и стояли гробы с убитыми немцами и нашими артиллеристами. Вступившая воинская часть была построена с оружием. Выступил полковник и обратился к своим воинам с такой речью: «Солдаты фюрера, мы прощаемся с нашими однополчанами, павшими в открытом бою с горсткой русских воинов. Если вы впредь будете так же сражаться, как эти пять русских храбрецов во главе с сержантом, то немецкая армия завоюет весь мир. По этой причине я приказал похоронить их с таким же почетом, как и наших воинов». Под залпы траурного салюта гробы были преданы земле.

Ни в первом, ни во втором случаях ни один из нас не прокомментировал пересказанное майором... Я не думаю, что майор был провокатором, придумав заранее такой увлекательный сюжет, но наше поколение было так запугано, что все воздержались от комментариев. Во всяком случае я не рассказывал о том, как ПНШ-5 нашего полка пел опереточные арии под немецкий аккомпанемент, как пела Дуся немецкие песенки под их губную гармонику, как пленные немцы сами напросились нести батальонные минометы, чтобы согреться от утренних заморозков. Я думаю, что у каждого пехотинца-ветерана найдется непременно фронтовой эпизод, подобный вышеприведенным.

Моя кровать стояла рядом с кроватями двух капитанов. Выше меня на втором ярусе спал Павел Назаров, слева капитан Салоп, прибывший с должности начальника штаба полка. Он был

ленинградец. Учеба его интересовала мало, хотя он всегда аргументированно давал ответы. Воевал он с начала войны и предпринимал меры, чтобы уйти с армейской службы вообще, так как по профессии был геолог. На самоподготовке он чаще просматривал книги по геологии, чем боевые уставы, чем вызывал шутки и колкие реплики. Однажды он разбирал в чемодане свои книги, и одна их них была под его фамилией. Я спросил: «Не родственник ли?» Он ответил: «Нет, Саша, это моя книга. Ведь я кандидат геологических наук и преподавал в институте. Вот почему я и езжу в Москву, чтобы добиться откомандирования в свой наркомат геологии, — сейчас такие специальности отзываются с фронта. Может, выгорит», — заключил он. К самому концу нашей учебы ему вдруг совсем неожиданно было присвоено звание «майор». Я удивился, почему так долго выписка его искала, но он ответил, что связи с полком упорно не поддерживал. Я никогда больше не встречал человека, который был бы так огорчен очередным званием, как он...

Кормили нас по норме курсантского пайка военных училищ. А это была, видимо, самая лучшая по калорийности пища, исключая, конечно, летчиков и подводников. Эта норма отпуска продуктов сохранилась до конца войны, хотя гречневая и рисовая крупы давно заменились перловкой, но 40 г животного масла и белый хлеб 300 г в обед сохранялись. Первоначально в войну пайки в военных учебных заведениях для офицеров-слушателей были установлены по тыловой норме, на которой прожить можно было с большим трудом даже с офицерским денежным содержанием, которое в войну ничего не стоило. Офицеры-слушатели с ускоренных курсов академий и курсов усовершенствования начали совершать «дезертирство» обратно на фронт. И Сталин разрешил им тоже установить курсантскую продовольственную норму снабжения, но для постоянного состава ВУЗов тыловая норма сохранялась до конца войны. Правда, по курсантской норме не было положено табачное довольствие, от чего все курящие очень страдали.

Первый отпуск домой

Стакан самосада на рынке стоил 10 рублей, а его иногда выкуривали за пару дней. Наше курсовое начальство решило разрешить отпуска за табаком по одному слушателю от группы на десять дней не далее радиуса в одну тысячу километров и чтобы стоимость стакана самосада была не дороже пяти рублей за стакан. Наш старшина группы объявил об этой новости, но среди нас не нашлось желающих поехать, и я попробовал испытать судьбу. Собрались в кабинете начальника курса, и он начал подписывать отпускные билеты Я остался последним. Увидев, что у меня конечным пунктом указана станция Невинномысская, он сразу сказал, что до нее более полутора тысяч километров, и отложил мой отпускной билет. Потом спросил меня, к кому я еду. Я объяснил, что там у меня мать-вдова с тремя детьми, не виделся с начала сорок первого года. «Богатым краем когда-то была твоя родина Я там до войны командовал кавалерийским полком». Я подтвердил его слова. Конечно, после оккупации многое изменилось, но мать в каждом письме просит заглянуть хоть на сутки, и я заверил, что успею вернуться со всеми вместе. Тогда он попросил привезти и ему табачку. Я заверил, что привезу мешок на всю группу бесплатно, в том числе и ему, и он подписал отпускной билет. Вручая его мне, намекнул, что, может быть, там жиры будут дешевле, чем здесь, то тогда прикупить их ему, а он расплатится. Я пообещал, зная, что мать должна забить кабана к рождественским праздникам или раньше.

После обеда я уже ехал пригородным в Москву, имея билет до самого места назначения. Это было важно, если попаду в вагон без компостирования. Так и получилось. Садился я в бакинский поезд не в общей очереди пассажиров, а с противоположной стороны и с другого конца вагона вместе с другим капитаном, у которого был пистолет «ТТ». Я тогда не знал этого способа. Он вынул из пистолета магазин и взвел затвор. Ствол оголился и вошел в гнездо замка. Одним поворотом он свободно открыл дверь вагона, как ключом проводника, так как шесть нарезов канала ствола «ТТ» захватили треугольные грани стержня замка. Мы ворвались в вагон первыми и заняли верхние багажные полки, на которых и доехали до места.

Привокзальные рынки были полупустыми. Кроме подсолнечных семян, самосада и молока, ничего больше не продавали. У колонок с кипятком очереди. Поезд до моей станции в те годы шел ровно трое суток. Спустившись со ступенек, я увидел развалины бывшего вокзала и решил узнать

время отхода пригородного поезда. Вдруг на перроне слышу: «Здравия желаю, товарищ капитан!» Передо мной стоит и улыбается младший лейтенант Бережной Сашка, бывший командир взвода связи, выбывший по ранению из полка в районе Белой Церкви, он же неоформленный супруг радистки Раи. Мой первый вопрос: «С кем тебя поздравить, однополчанин?» Он сообщил, что родился сын, но вскоре умер. Мы находим буфет и ради встречи выпиваем по сто граммов водки, закусывая холодной котлеткой. Дальше он меня огорчил тем, что после излечения ему присвоили звание младшего лейтенанта и оставили в тыловом запасном кавалерийском полку в Ставрополе ввиду инвалидности. Командир этого полка взял его к себе в адъютанты и уже женил на своей дочери. Это была моя первая встреча с бывшим однополчанином. (Потом, после войны, он разыщет совет ветеранов по адресу, который узнает через Всесоюзное радио, которое рассказывало о нашем ветеранском братстве, и позвонит мне из Ставрополя. Побывает на нескольких встречах, увидится с Раей и ее супругом.)

Уже наступала осень, когда я без всякого предупреждения вошел в нашу хату в греческом селе Спарта. Мать и сестры были на работе, а в комнате находился братишка Жора шести лет. Я поздоровался с ним, но он от такой неожиданности не обрадовался, а заплакал. Сборы были такими быстрыми, а страна такой нищей, что, кроме парочки румынских тетрадей и коробки цветных карандашей, я ничего другого не мог ему подарить. Дал ему несколько денежных купюр на конфеты, которых в продаже тоже не было. Кто-то из соседей передал в поле на работе моим близким о нежданном госте, и все они один за другим прибежали, запыхавшись и вытирая слезы радости. Об этом рассказать невозможно, а можно только прочитать или посмотреть в кинофильме «Тихий Дон», когда Григорий прибыл с фронта по ранению в родной курень. Из писем они знали, что я теперь далеко от фронта, но война еще продолжается и конца ей не видно.

В каждом доме в то время была своя «мельница и рушка» для помола из зерна кукурузы муки и крупы. Делалась она в сельской кузнице. Находилась втулка от колеса телеги, рубилась металлическая проволока чуть длиннее втулки, запускалась в середину, и концы проволоки загибались наружу. К стопорному выступу втулки приделывалась рукоятка для вращения втулки вокруг четырехгранного штыря, укрепленного винтом на доске. Засыпали в широкий раструб втулки зерно и вращали рукоятку. Кукуруза или другое зерно дробились штырем, измельчались, просыпались на доску и собирались в миску. Потом просеивали

сквозь сито, получая первую фракцию в виде кукурузной муки для оладий или мамалыги. Отделявшаяся шелуха из оболочки зерен и сердечек всплывала при промывании, а крупные части зерна — крупа — тонули. Крупа шла на кашу, которая заменяла хлеб, которого в деревне в те годы вообще не видели, по крайней мере в наших местах, где основными культурами были картофель и кукуруза. Младшая сестра Надежда была мельником, старшая Мария все время подкладывала в печку-плиту сухие стебли сорняка-татарника, которые мгновенно прогорали как солома. Ладони их всегда были исколоты колючками от такого топлива, но с ним все же можно было приготовить еду и поддерживать тепло в нашей полуземлянке, так как сверху в ней не было даже чердака. Крыша, напомню, была двускатная из плетня и покрытая глиной с соломой с обеих сторон.

Через час мы уже ели домашний борщ, кашу со шкварками, так как мать действительно уже забила кабанчика, и пили непременный взвар из сухофруктов. Начали подходить соседи, знавшие меня. Многие из них оплакивали своих близких, на которых уже пришли «похоронки». Это касалось прежде всего русских семей. Многие греки, не имевшие советского гражданства, отбывали свою повинность в шахтах и на других тяжелых работах. Так в те годы жило село, деревня, станицы, аулы, кишлаки и хутора. Матери в ту пору шел 43-й год, Марии 20-й, Надежде 18-й год. Только молодость, приспособляемость и выживаемость русских людей позволили им пройти через все недуги и лишения той беспощадной войны и очень тяжелого послевоенного лихолетья.

Видимо, мать переживала некоторую гордость за сына-капитана, за его два ордена и медали, зато, что судьба и всевышний хранили его на местах боев от снарядов и пуль, от бомб и гранат, от танковых гусениц и от ненастья трех пережитых зим в землянках, окопах и на бескрайних дорогах войны. Она молила Спасителя зато, что довелось встретить и обнять своего старшего, что пока ему не угрожает смерть, хотя, повторю, еще не было видно конца войны. Я сразу же уведомил родных о цели моего приезда, и меня заверили, что все село будет толочь в ступах самосад, пока не соберут мешок. Напомнил я ей и о заказе начальника. Она обещала, что окажет помощь и ему маслицем, салом и медом, так как имела два улья пчел. Дни пролетели в мгновение ока. Я передал матери свой фронтовой бушлат, он был теплым и удобным на сельхозработах. Сестрам вручил по плащ-палатке. Они решили пошить из одной из них по куртке и юбке, а вторую, офицерскую, использовать по прямому назначению. Тогда и понятия не имели о зонтах, а в дождь и ветер часто

приходилось искать заблудившихся корову или телка. Братишке оставил трофейные карманные часы. В хате не имелось даже «ходиков», и часы повесили пока на стену — «для всех».

Приезд Ламко

Вернулся я в срок и даже не использовал те двое суток, которые обещал мне начальник в случае перебоев движения на дороге. Разделил по литровой банке всем курящим и, конечно, не стал брать никакой платы, о чем меня просили мать и односельчане. Греки умели выращивать хороший табак, и всем понравился наш самосад. Начальник был в неожиданном смятении от такого гостинца и просил в письме поблагодарить мать от его имени. Ему действительно трудно жилось. Через пару месяцев я убедился в этом на своей шкуре, попав в двухмесячный резерв ГУКа НКО.

Учеба наша подходила к концу без особых происшествий. Каждую субботу, после обеда, было общее построение всех восьми курсов, на каждом из которых было до двухсот человек, выводился оркестр. Заместитель начальника курсов генерал-майор Недвигин зачитывал приказы в основном по поводу разжалования офицеров за дисциплинарные нарушения ива воровство. Комендант тут же срезал офицерские погоны и вручал солдатские с одновременной отправкой в штрафной батальон или роту. Потом приступали ко второй процедуре — пению под оркестр нового Гимна Советского Союза: «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила великая Русь...» После гимна пели песню «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашистской силой темною, с проклятою ордой...».

Как правило, в субботу выдавались офицерам увольнительные записки, по которым офицеры, как рядовые солдаты, могли выходить через проходную в город и по ним возвращаться обратно на территорию военного городка, так как обычных пропусков для слушателей не имелось, как и удостоверений личности тоже. Офицер, имевший увольнительную, мог провести время у знакомых или близких с вечера субботы до начала занятий в понедельник, но таких было немного, так как котловое довольствие он не мог захватить с собой, а другого способа компенсации просто не существовало. Так что большинство слушателей оставались в расположении курсов на казарменном положении и иногда им представлялась возможность съесть и порцию уволенного из расположения военного городка.

Был у нас на курсе капитан Чеботарев, работавший до войны драматическим актером в одном из московских театров. Иногда он по знакомству мог закупать билеты, которые были в большом

дефиците, и распространял их среди офицеров. Но слушатели после спектаклей не поспевали на последний поезд и случалось коротать ночь на вокзале.

Мой приятель, сокурсник по учебной группе, капитан Анисимов Петр, вспомнил об одном случайном знакомстве с москвичкой, муж которой был убит на фронте. Жена убитого интересовалась подробностями гибели мужа и писала много писем с просьбой узнать хоть что-нибудь. Друг написал ей, так как хорошо знал того погибшего полкового инженера, и она в знак благодарности просила при любом случае навещать ее в Москве, обещая приютить на ночь в своей семиметровой коммунальной комнатке. По пути на курсы он навестил ее и убедился в искренности ее слов. Петр вспомнил о том приглашении и купил три билета в расчете пригласить и ее в Камерный театр. Так мы впервые приобщились к столичной культуре. Чтобы не остаться голодными весь день, мы в воскресенье утром вернулись обратно. Позже мы еще несколько раз пользовались ее гостеприимством.

В одно из воскресений дневальный оповестил: «Лебединцев, тебя ждут родственники на проходной». Я никак не представлял, что мои родные отважатся приехать без паспортов в такую даль. Вышел из проходной, и ко мне подбежала девочка лет пятнадцати, представилась Машей. Я вспомнил, как «сын полка» Сеня передавал ей письмо из Румынии, чтобы я опустил его в Москве, видимо, он известил в нем и о моем отъезде на курсы в Солнечногорск. С ней он познакомился, когда после тяжелой контузии Ламко самостоятельно добрался в московский госпиталь, а в Москве проживала довоенная жена Ламко. Именно там Сеня и познакомился с Машей — племянницей первой жены Ламко Евдокии. Потом подошла молодая женщина, скромно вытирая платком глаза, и сказала: «Я Ламко Дуся, здравствуйте!» Я сразу подумал, что случилось непоправимое: «Что, получили «похоронку?» Она отрицательно покачала головой и дала мне письмо с хорошо знакомым мне почерком, в котором Ламко извещал о том, что освобождает ее от обязанностей жены и еще что-то в этом роде, о чем он мне раньше не говорил. Я знал о его донжуанстве, но ничего не знал об отношениях с женой, которая проживала у старшей сестры в Сокольниках.

Я успокоил ее, как мог, обещал написать ему, спросить и выяснить о причине такого письма и о претензиях к ней. Она дала адрес и приглашала на выходные в Сокольники. Спустя примерно полмесяца снова выкрик дневального: «Лебединцев, тебя ожидает приятель у входа в казарму». Смотрю в окно со второго этажа и вижу капитана ЛамкоТ. Ф., улыбающегося в полный рот.

Спускаюсь, мы обнимаемся, как старые близкие фронтовые друзья, и он мне объявляет, что зачислен в этот же военный «колледж» на правах слушателя на курс командиров батальонов. Я сразу спрашиваю его о причине раздоров с женой, и он рассказал мне о том, что когда он прибыл к ней в ноябре прошлого года после госпиталя, то застал в ее каморке какого-то «хахаля»-интенданта. Она уверяла, что он дальний родственник, но он не поверил. Был скандал. Узнав о направлении его на учебу, он решил испытать ее верность и написал то самое письмо. Сейчас все улажено, и в очередной выходной мы едем вместе в Москву в Сокольники.

Близился конец нашей учебе, мы начали сдавать экзамены пока по второстепенным предметам, готовясь по тактической подготовке, службе штабов и методике разработки и проведения тактических и командно-штабных учений. Последнее было новым делом не только для нас, но и для преподавателей. Воскресные поездки в Москву теперь были вместе с Ламко, хотя я видел натянутость отношений супругов.

Однажды он рассказал мне, что имел переписку с одной москвичкой по имени Гроздицкая Фаина, которая написала письмо на фронт «воину» в надежде познакомиться «на авось». Он ответил, она прислала свою фотокарточку. По прибытии в Москву он побывал у нее — она имела комнату в коммунальной квартире — и решил пофлиртовать, как тогда скромно именовали секс. В один из приездов из Солнечногорска в Москву Тихон Федорович привез учебник Истории ВКП(б), в котором было письмо от Фаины и его собственный ответ ей, и, по неосторожности, оставил в доме, пока мы выходили с ним в магазин. Его жена Дуся прочла письма, записала адрес соперницы, но сцену ревности не устроила, так как и сама побывала в таком же положении, когда он ее застал с интендантом.

В резерве

Последние экзамены закончились в самый канун нового года. Мы не знали своих результатов учебы ни в баллах, ни в предстоящих аттестациях на должности. До конца войны еще оставалось четыре месяца и девять дней. Один из наших слушателей капитан, кажется Кондратенко, вечно болел, почти не сдавал экзаменов, но его не отчисляли, так как его знал еще по довоенной службе заместитель начальника курсов генерал-майор Недвигин.

Во время нудных всеобщих построений на плацу по субботам, мы в самой последней шеренге, иногда вполголоса обсуждали вопрос о сути и необходимости этой процедуры, отнимавшей вечернее время на бесплодное разучивание гимна. Коснулись и вопроса необходимости заниматься этим неблагодарным делом боевого генерала. Этот наш разговор имел последствия. В связи с пропажей папахи, о чем во второй части, виновным сделали коменданта курсов — его отстранили от занимаемой должности, — и неожиданно назначили нашего «болящего» капитана Кондратенко.

Через пару дней, когда мы сдали все экзамены и готовились к распределению, дежурный объявил, что капитаны Лебединцев, Анисимов и майор Староверов вызываются в управление курсов к генералу Недвигину. Сокурсники тут же выдвинули версию о том, что нас будут «сватать» в постоянный состав курсов или в центральный аппарат наркомата. Идем вместе. На пороге административного здания навстречу спускается наш Кондратенко и справляется: «К кому идете?» Отвечаем: к Недвигину по вызову. Он окликает меня и говорит, что Недвигину известен наш разговор о ненужности на курсах должности заместителя. Я окликнул друзей и передал им разговор с вновь испеченным комендантом, который «купил» себе тыловую должность путем предательства друзей. Договариваемся: всем отрицать этот разговор.

Вызывал генерал нас по одному. Начинал разговор с опроса, как окончил курсы, потом о роли заместителя командира. Я отвечал, что на фронте заместитель всегда готов заменить выбывшего командира при его гибели или ранении, а в мирное время, видимо, при повышении командира в должности. «Верно говоришь», — ответил он.

Но на курсах нас не оставили, а вручили адрес полка резерва офицеров Главного управления кадров на Ярославском шоссе, который размещался в здании одной из школ в четыре этажа.

Добирались мы туда самостоятельно. Там выяснилось, что зачисленные в резерв офицеры могут находиться в полку сроком до трех месяцев, ожидая назначения на фронт. Классные комнаты были уставлены двухъярусными казарменными кроватями с матрацами, подушками, простынями, наволочками и байковыми одеялами. Батареи отопления не лопались от мороза, но было очень холодно. Многие резервисты сразу нашли сожительниц-москвичек. Выше всех котировались официантки, продавщицы продовольственных магазинов, поварихи и донорши крови, которым выдавался калорийный паек. Только самые твердые «искровцы» остались замерзать в бывших классных комнатах. Приходилось спать, не снимая обмундирования, укрываясь простыней, одеялом и еще одеялом соседа, а то и его же матрацем, не говоря уже о шинели.

Питание было организовано по продовольственному аттестату в полковой столовой по резервной, кажется, 2-й норме. Вот здесь мы узнали, что есть «гвардии капуста» на трехразовое питание и хлеб с такими добавками, что его практически есть было невозможно.

Видимо, по этой причине было объявлено, что могут предоставить отпуск для посещения близких на родине при наличии уважительных на то причин. Я написал рапорт без указания причин. Вечером были вызваны человек десять резервистов. Командир полка полковник, якобы из разжалованных генералов, рассматривал всевозможные, чаще всего фиктивные справки и телеграммы от близких, почти всем отказывал и тут же отпускал. Остался я один. «У тебя какая причина, капитан?» — спросил он. Я, конечно, не сознался о том, что уже отпускался за табаком, и сказал, что с марта сорок первого года не видел семью, сам три года на фронте в пехоте и хотел бы увидеться с родными. Он улыбнулся и сказал: «Отпускаю за то, что не стал врать и выдумывать. Десять суток, не считая дороги» — и наложил резолюцию на рапорте.

Однокурсники попросили снова привезти махорки и перетрясли свои пожитки, отдавая плащ-палатки, старое обмундирование и даже запасное белье. Павел отдал даже запасной бушлат. Я знал, что теперь придется кое-что отдать в уплату за табак и его нарезку, но увозил я почти мешок всяких армейских пожиток. Друзья верили, что курево будет. Но об этом чуть ниже.

Расскажу о встрече нового, в будущем победного, 1945 года. Во время учебы я получал денежное содержание по должности начальника штаба полка, то есть 1300 рублей в месяц. Это было на 500 рублей больше, чем получали помощники. И хоть деньги

очень мало стоили тогда, однако это было больше, чем ничего. Бутылка водки или буханка хлеба в два килограмма стоили по 300 рублей, пачка папирос «Казбек» — 75 рублей и т. д. Моих денег хватало на театральные билеты, даже иногда с рук, с переплатой.

Новый год мы с Ламко решили встретить у старшей сестры его жены Дуси в Сокольниках. Сделали вскладчину закупки и с ними приехали под Новый год. Не было шампанского, но была водка, студень, отварной картофель, квашеная капуста, селедка, огурцы. Все предчувствовали скорую победу, хотя я понимал неизбежность еще раз побывать на переднем крае. Мне всегда «везло». Встретили, выпили, закусили. На улице слышались пьяные голоса. Мы вышли тоже. Фронтовиков тут же «закружили» девушки и повели на второй этаж к патефону. Ламко о чем-то спорил с женой, а она плакала и удерживала его. Наконец он удалился, а меня уложили в постель. Утром, после завтрака, Дуся рассказала о том, что Тихон ночью ушел «куда ему надо было уйти». Я догадался, Дуся тоже знала и просила меня поехать к его любовнице и увести его от нее. Она уже побывала у нее, так как адрес ее записала с конверта его письма. Проводила меня до большого дома, указала подъезд, этаж и квартиру и умоляла увести его на вокзал. Я заверений ей не давал, но обещал сделать все, что будет в моих силах. Хотя и предупредил, чтобы долго не мерзла за углом, если мне не удастся уговорить его покинуть ту, к которой он рвался сразу после встречи Нового года. Я еще не видел эту самую Фаину.

Поднимаюсь по лестнице на пятый этаж, нахожу номер квартиры и даю два звонка. Приоткрывается дверь на длину цепочки, спрашивают: «Вам кого?» Отвечаю: «Ламко Тихона Федоровича». «Такого здесь нет», — и дверь закрывается на защелку. Я догадался об обмане и медленно спускаюсь вниз. И тут дверь распахнулась полностью, и слышу голос друга: «Поворачивай обратно, Захарович», Лицо Фаины покрыто краской стыда, и она немедленно оправдывается, что-то лепеча в свою защиту. Ламко представляет меня как лучшего фронтового друга. Фаина приглашает нас за стол, и мы выпиваем по рюмке водки за наступивший, как видимо, победный год. Хозяйка выходит на кухню, а я шепчу другу, что Евдокия ожидает его выхода, но он только махнул рукой.

Так как я пришел уже из полка резерва офицерского состава, то меня не тревожил лимит времени, но и Ламко было еще долго до последнего пригородного поезда на Солнечногорск, Здесь он сообщил мне о том, что в Академии имени М. В. Фрунзе прибыли на краткосрочный курс обучения два наших хорошо известных

однополчанина: бывший командир полка, теперь уже Герой, подполковник М. Я. Кузминов и начальник оперативного отделения штаба нашей дивизии майор В.И. Петров. Эта новость меня сильно обрадовала. Далее он сообщил, что в очередной выходной они пригласили нас обоих в их общежитие, чтобы в ближайшем фотоателье сфотографироваться вместе. Кузминов привез с собой даже своего ординарца сержанта Нестеренко, которого мы хорошо знали.

Такая встреча состоялась, и мы на Зубовской площади сделали снимок. Впереди сели Петров, в центре Кузминов, сделала вид, что наступил мир между ними, но ненадолго. Впереди была целая жизнь с ее взлетами и падениями. (Я, Кузминов, Ламко и Нестеренко не раз встречались в Краснодаре, но мне там не пришла в голову мысль сделать снимок, правда, без Петрова. Ведь я сам делал все фотографии, а до такого повтора не додумался. Теперь из пятерых остались в живых только двое: маршал Петров и я.)

Но вернемся снова на Ярославское шоссе, откуда я повторно выехал на мою родину. Была первая декада января победного сорок пятого. На железных дорогах прежняя давка в вагонах. Дома, как и в прежний раз, я застал только братишку. Вскоре появились мать и сестры, снова с кукурузного поля. Теперь они выглядели значительно пополневшими. Вскоре они на моих глазах стали «худеть». Развязав шнурки на обшлагах телогреек, они ссыпали в ведро зерна кукурузы из рукавов. Сняв телогрейки, они начали вынимать из-под грудей хлопчатобумажные чулки, наполненные зернами кукурузы. Потом такие же мешочки снимали, уединившись в другой комнате, с более потаенных мест, которых не принято касаться ни бригадиру, ни председателю, ни объездчику при «шмоне» после рабочего дня. Дневная выручка составила около двух ведер зерна. Конечно, руководство знало об этих местах, но вынуждено было молчать, так как им нужны были работники живыми, а не «мертвыми душами». Достойным наказанием этим «несунам» было то, что они собирали початки на морозе до 10–15 градусов, и такой же была и температура зерна кукурузы. Попробуйте приложить ледышку к голому телу и выжидать, когда зерно примет температуру тела. В это страшно поверить, но это было. Хотя оставшиеся еще в живых и поныне жалуются на простудные заболевания с тех далеких и очень трудных фронтовых лет. Теперь мать высказала пожелание: побывать на настоящей родине, то есть в станице и на хуторе, где проживали три ее сестры и семьи двух братьев, а также по линии отца четыре семьи братьев и сестры, не считая большого количества моих двоюродных братьев и сестер. За короткий

январский день мы пешком совершили переход почти & пятьдесят километров. Мать со многими родственниками тоже не виделась с начала войны.

Везде просили рассказать, где побывал, что видел. Жаловались на потерю близких, на житейские неурядицы, которые были такими, как и у матери в селе Спарта. Побывал я в своей семилетней школе. Теперь здесь были начальные классы. В четырех из них преподавали бывшие мои одноклассницы. Они очень обрадовались встрече. Одна из них в перерыв сбегала домой, принесла бутылку самогона, и мы ее распили прямо в учительской, разливая в деревянные крашеные ложки, так как стакан был только один. Была в нашей компании и наша классная руководительница Прасковья Михайловна Полозкова. Она не имела высшего образования, и теперь ее понизили до статута учительницы начальных классов. Новое здание средней школы в три этажа было построено накануне войны.

Возвращался я с чуть меньшим запасом махорки, но, главное, с запасом продуктов. Мать положила мне пару кусков сала, домашней колбасы, сухарей, бутылку с медом и немного сливочного масла. Но этих запасов мне хватило, чтобы экономно подкармливать себя вечером, перед выходом в театры. Посещал я их почти ежедневно, а в воскресенье нередко ходил и на дневной спектакль. В Москве на улице Кирова находилась объединенная театральная касса, где постоянно была огромная очередь. Редко когда фронтовикам-орденоносцам отдавалось предпочтение в кассе, но женщины с рук чаще предлагали билеты именно военным с целью заведения знакомства. Находясь рядом в театральном зале, договаривались о дальнейших встречах. Примерно за месяц пребывания в столице мне удалось посмотреть весь репертуар Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Малого и Художественного театров. Друзья просто не верили в мои ежедневные удачи, я подтверждал их программками и билетами. В это трудно поверить, но я сохранил их до сегодняшнего дня в сброшюрованном виде. Они побывали со мной на фронте в заключительный месяц войны на территории Венгрии, Австрии и Чехословакии. При случае их нужно передать в один из театральных музеев. Ведь на каждой из них отпечатана дата, а на некоторых даже есть пометки моей рукой о том, сколько было за время, пока шел спектакль, салютов и по случаю взятия каких городов. Об этом сообщалось во время антрактов. Ведь это же история не только театра, но и нашей державы.

Театральные залы плохо отапливались. И я был необычайно признателен матери за то, что она пошила мне «душегрейку» из

довоенной моей сорочки с подкладом не обычной ваты, а шерсти чистого мериноса. Эта безрукавка надевалась под гимнастерку из британского бостона, и я выглядел в ней вполне презентабельно потому суровому времени. Тем более что на ней красовались два ордена и оба «не за выслугу летов», какие начали распознавать даже девицы на выданье.

Но мое казачье происхождение и деревенский общеобразовательный «колледж» давили меня к земле во время знакомств с женщинами, несмотря на то, что я много перечитал книг перед войной. Именно на театральных спектаклях я сделал первые шаги в другой, неведомый для меня мир, но это было еще только робкое начало познания.

Но вот дошла очередь и до нас. На утренних построениях полка сообщалось, кому необходимо явиться в ГУК на собеседование. В основном решался один вопрос: на какой из фронтов желает претендент ехать. Я назвал свой 2-й Украинский. Просьба была удовлетворена, и 30 марта мы с Павлом Назаровым и старшиной группы получили на руки направления и свои первые личные дела в опечатанном виде. С ними явились в общежитие. Многие тут же вскрывали конверты и перечитывали первые свои аттестации за время учебы. Приведу свою аттестацию, дословно выписанную из личного дела, хранящегося в Волгоградском объединенном районном военном комиссариате Москвы.

«Аттестация с мая 1944 по январь 1945 года на слушателя курсов «Выстрел» капитана Лебединцева Александра Захаровича. Волевыми качествами обладает, развитие хорошее, дисциплинирован, исполнительный. Прибыл с должности ПНШ-1 полка. Боевой опыт и практические знания уставов в практической работе применять умеет. Оценку обстановки делает грамотно и четко, умеет ее изложить. Решения принимает быстро и определенно. Тактику маневрирования в решениях применяет. Организацию взаимодействия в бою применяет умело. Физически здоров. Занятия проводить умеет. Имеет склонность к штабной работе. Использовать на должности начальника штаба стрелкового полка. Подпись: майор Купреев(тактический руководитель учебного отделения).

Растущий офицер. Вполне соответствует должности начальника штаба стрелкового полка. Начальник курса полковник Титов. 20.11.1944 года.

Можно назначить начальником штаба стрелкового полка. Начальник курсов «Выстрел» генерал-лейтенант Смирнов».

Примерно такого же содержания была характеристика и на Павла. Я проявил находчивость при вскрытии личного дела:

сначала отделил сургучную печать, потом вращением карандаша открыл осторожно без повреждений клапан конверта. После ознакомления запечатал клеем и им же приклеил и саму печать, которая в пути следования на фронт все равно сломалась.

Старшина нашей группы, майор, фамилию которого забыл, был вполне лояльным человеком по отношению к нам, слушателям. Но перед преподавателями имел склонность к подхалимажу и угодничеству. Нас из группы было человек десять в одной комнате, и все настояли, чтобы он тоже вскрыл свой пакет. Майор отказался, но у него конверт просто выдернули и поручили мне вскрыть и потом заклеить. Я вскрыл, и Павел начал читать. Все было почти как у всех, только в самом конце стояла приписка: «Склонен к угодничеству». Павел в поспешности прочитал и эту фразу. Всем стало неудобно, не говоря о самом хозяине такой характеристики. Это был единственный в моей жизни случай, чтобы такую черту характера отметили в аттестации, хотя таких угодников было немало в жизни. Я заклеил конверт. Скорее всего, майор не вручил при назначении свое личное дело, и только.

Направления у нас были в разные армии. Я получил в 46-ю армию, которой командовал наш бывший командир корпуса генерал-лейтенант Петрушевский А. В. На мосту реки Дунай в Братиславе мы с Павлом распрощались навсегда: он поехал южным, а я северным берегом — дальше на запад в свои армии.

В армейском штабе

Армии тоже имели свой резерв офицерского состава, куда я и был зачислен всего на несколько дней. В первый же день мне поручили проводить занятия с командирами стрелковых рот по тактической подготовке. На следующий день я имел отгул и с переводчиком немецкого языка, с которым мы проживали у одной австрийки в поселке Обер-зибен-Брун, решили поехать в недавно взятую с незначительными боями столицу Австрии Вену. Попутных машин было много, и мы доехали до пригородного поселка Флорисдорф. Какой-то старшина сказал, что в ближайших виноградниках есть много бункеров с виноградным вином в бочках. Мы пошли на разведку. В самом деле, во всех оврагах были вырыты подземные бункеры — хранилища бочек с вином. В полуотвесной стене оврага делалась горизонтальная штольня по размеру двери, а далее проходка значительно расширялась на два ряда больших дубовых бочек, которые тут же и собирались, так как не могли быть занесены в готовом виде. Никакого бетона или другого крепежного материала не требовалось, так как глинистый грунт надежно удерживал своды этого огромного подземелья. Все краны были открытыми, ибо все вино было слито до нашего прихода. Только в одной из бочек старшина через верхнее заливочное отверстие смог начерпать кувшин вина, которое мы тут же распили. Старшина был бывалым, «три державы покорившим», он рассказал нам о боях тех последи их дней войны. К примеру, о том, что боевые действия на немецкой земле сочетались с грабежами мелких вещей и ценностей и изнасилованием немок. Солдат не мог прихватить ни антикварную мебель, ни картины и ковры, ни даже кухонные печки, которые везли на машинах генералы. Многие не могли уже четвертый год терпеть лишения разлуки с женой или просто с женщиной. Поверженные сами понимали это и в большинстве случаев не оказывали сопротивления, в чем мы сами убедились уже через час.

Спустившись на перекресток дорог с нашей армейской регулировщицей в центре, мы увидели, что некоторые шофера заходят во двор, где был колодец с насосом, и заливают воду в радиаторы машин, но некоторые забегали и в домик. Зашли туда и мы. В двух комнатах лежали на кроватях по молодке. Переводчик, старший лейтенант, поинтересовался: не больны ли они? Они ответили, что еще не знают, так как последние кавалеры, седьмые по счету, только полчаса как справили с ними в постели свою «нужду». Мне перевод не потребовался, так как я

догадался о разговоре без переводчика. Мы вышли, и попутной машиной через 20 минут были в центре Вены у самой ратуши. Центр разрушений не имел, но следы произвола и грабежей были налицо в каждом магазине и киоске.

Мы зашли в армейский магазин. Это было красивое помещение с лепниной и росписью потолка и стен. Огромные витрины были просто «раскурочены». Под ногами была масса погон, аксельбантов, пуговиц, фуражек и кобур всяких размеров. Мой напарник презентовал мне ранее пистолет «Вальтер» с патронами, и я подобрал к нему кобуру. Ну и, конечно, везде было «заминировано» человеческими испражнениями. Но что нас особенно поразило, так это прилепленный к потолку у самой хрустальной люстры человеческий кал. Мой напарник долго думал, как это можно было практически осуществить, и мы догадались: все было сделано на поднос и ловким взмахом прилеплено у богатейшей люстры. Право же, такое нарочно не придумаешь. Но я могу дать клятву, что видел это своими глазами. И так мстили наши воины за все прегрешения оккупантов на нашей земле.

Уже на следующий день за мной приехал «купец». Это был майор, начальник отделения по изучению и использованию опыта войны оперативного отдела штаба 46-й армии. Фамилию его, за небольшой срок службы у него, я уже забыл. Знаю, что она была с окончанием на «ко», то есть украинская. Он уже ознакомился с моей характеристикой по личному делу и должен был лицезреть меня в натуральном виде. Ему нужен был второй помощник для ведения журнала боевых действий армии и отчетной карты. Другой капитан собирал сводки обобщенного фронтового опыта с корпусов и делал сводные для армии и для отправки в штаб фронта и Генеральный штаб. Также, как и я, отправлял свои ежемесячные журналы боевых действий с отчетными картами в те самые адреса, оставляя в делах отдела третий экземпляр.

Я быстро вошел в курс моих обязанностей и начал подгонять дела за два истекших месяца. Если не было капитана, то почему сам майор не делал этого? Видимо, к концу войны начались разброд и шатание даже в крупных штабах. Кроме документов нашего отдела, я почти всегда пользовался сводками разведывательного отдела, донесениями штаба артиллерии и других штабов родов войск, в том числе и танковых. Особенно хорошо у меня получались отчетные карты.

Писал я в рабочих тетрадях, после диктовал сводки закрепленной за нами машинистке по имени Мария Михайловна. Она была старше меня лет на пять, сожительствовала с одним из подполковников, начальником направления на один из корпусов.

Размещалось наше отделение в одном из домиков в окрестностях Вены, где было четыре комнаты: нам, офицерам, чертежнику и машинистке. В первый же день моей диктовки Мария рассказала решительно все о себе и выпытала не меньше и у меня, так как ей необходим был перекур через каждый час. Она своими словами строчила так же, как и пальцами по клавиатуре.

Прежде всего, она спросила меня, сколько посылок я выслал своим родным. Я ей ответил, что еще не имею ни своих рублей, ни австрийских шиллингов, ни чешских крон, ни мадьярских пенго. После обеда она принесла мне один талон на отправку посылки, причитающийся мне, и один свой, и оккупационных денег на покупку материала и его пересылку, и даже две сумки из ткани в качестве упаковочного материала. Окончив работу, мы пошли в штабной магазин «Военторга» и закупили много всяких тканей, в основном ситца и сатина. Быстро упаковали их, зашили, я надписал адреса, заполнил бланки переводов и в тот же день их отправили. Я был поражен активностью и умением Марии. Это мы успели отправить за апрель, а предстояло еще использовать и майскую отправку, а это уже кое-что значило для моих сестер на «выданье» в такое тяжелое время.

В один из дней Мария повела рассказ о себе, о ее с самого начала войны службе военнообязанной делопроизводителя и машинистки в одном из штабов. Сообщила, что еще в 1941 году она получила ранение в бедро, и тут же показала место, заставив меня покраснеть, а она обозвала меня «вьюношей непорочным». Последние полтора года, как я написал, она жила с подполковником. Успела отправить с десяток посылок его жене и двоим детям. Она выпытывала меня: не бросит ли подполковник ее после войны? На чьей стороне больше прав: на ее или его жены? Для ускорения печатанья мне приходилось диктовать текст, но каково мне бывало, когда в боевых документах часто встречались населенные пункты с такими, например, названиями, как: Хуедин, Ибанешти и другие подобные им. В таком случае я подсовывал ей карту с этим названием и просил перепечатать точно, как в карте. Она читала вслух, громко хохотала и жестами разъясняла, вводя меня в еще большее смущение.

Я очень быстро подогнал всю запущенность в делах, сам наносил тушью обстановку и даже лучше чертежника, рядового Алексея, родом из Харькова. Он пережил там оккупацию и прилично владел немецким языком, следовательно, быстро находил контакте австрийками, чешками, мадьярками и пользовался у них большим авторитетом, чем мы, офицеры, что было вполне естественно в тех условиях. Он вычерчивал схемы для моего коллеги, занимался вопросами размещения и

хозяйственными делами. Питание офицеров было налажено через военторговскую столовую на основании наших продовольственных норм. Но, боже мой, как они отличались не только в Союзе, но и здесь!

Завтраки, обеды и ужины состояли из нескольких блюд и из самых деликатесных продуктов, подавались они на настоящем фарфоре, пользовались мы столовым серебром, и только замечательное чешское пиво отпускали за чисто символическую плату оккупационными деньгами в хрустальных бокалах. Для пущего антуража офицеры и вольнонаемные сотрудницы питались вместе, что напоминало не просто столовую, а как бы ресторан с официантками. Продукты были не наши, а трофейные, захваченные в Вене из последних запасов вермахта. Женщины щеголяли в заграничных нарядах и, предчувствуя конец войне, выбирали себе женихов без особого разбора, стремительно и настойчиво.

Уже на второй день сидящая напротив меня особа, считавшая себя неотразимой и избалованной мужским вниманием, спросила меня: «Капитан, а почему вы меня не замечаете, все мужчины с ходу объясняются мне в любви, а вы такой невнимательный и недоступный». Я, наверное, краснел, как всегда в подобных случаях, но ответил, что совсем не знаком с ней. В столовой оказался мой непосредственный начальник, которому она и высказала обиду. Он «пожурил» меня и потребовал быть внимательнее к Анне. По дороге мой напарник объяснил, что сия фея из трофейного отдела Полевого управления армии, где работает машинисткой. Имея привлекательную внешность, она «кружила» головы многим офицерам, но замуж вышла за капитана, секретаря Военного Совета армии. Однако жили они неладно, так как он часто ее ревновал к другим мужчинам, с которыми она продолжала флирт. Я с ней держался весьма сухо. Она узнала, что я родом с Кубани, и теперь стала еще более навязчивой уже как землячка-казачка. Да и другие ее подружки не прочь были свести знакомство и намекали мне об этом не только своим поведением, но и в письменном виде излагали свои страсти. Было и такое... Дважды мне пришлось побывать в полках на переднем крае по чисто служебным делам. Немцы ожесточенно, с отчаянием обреченных сражались до последних дней, наши полки несли неоправданные потери, о чем я и писал в журнале боевых действий. 8 мая рано утром явился наш непосредственный начальник и заявил о том, что американцы объявили о капитуляции немцев на их фронте. Мы закричали: «Ура-ура-ура!» — и пошли на завтрак в столовую, в которой уже многие тоже знали об этом сообщении. Поступила команда

грузиться на машины. В отделе было два трофейных грузовика с тентами, в них мы начали грузить походные железные ящики с боевыми документами, пишущие машинки и свое имущество. Через час колонна построилась, и мы двинулись севернее Дуная по дороге на Штоккерау, где нас застала ночь и мы сделали остановку. По всем дорогам двигалось огромное количество машин и гужевого транспорта, которыми никто не руководил и не управлял. Стрельбы не было слышно, вражеские самолеты тоже в воздухе не появлялись. Все стало как-то обычно. Было даже обидно, что, дождавшись такого заветного дня, мы ведем себя совсем по-будничному. Машины приказано было не разгружать, но телефонную связь между отделами навели и назначили меня оперативным дежурным.

Долгожданная Победа

В 23 часа дежурная телефонистка с коммутатора позвонила о том, что в полночь будет передано по радио важное правительственное сообщение, чтобы я телефонную трубку держал у уха, так как радиопередача будет транслироваться по телефонной сети.

Я, конечно, так и поступил. Ровно в полночь услышал голос Левитана, который то затухал, то возникал вновь. Только и понял, что Днем Победы считать 9 мая. Я выбежал на крылечко дома и разрядил восемью выстрелами всю обойму вверх... Стоявший рядом часовой спросил: «Зачем вы это, товарищ капитан?» «Победа, браток, победа, пали и ты, салютуй!» Он выпустил вверх весь свой диск из автомата. Только минут через пять началось всеобщее салютование, выстрелами из винтовок, автоматов и пистолетов, а потом подключилась и зенитная артиллерийская батарея, стоявшая рядом. Я позвонил начальнику оперативного отдела полковнику Гавришу и начальнику штаба армии генерал-майору Бирману.

Вскоре я услышал знакомый мне еще с 1941 года звук авиационного мотора разведчика-корректировщика «Хеншель-126». Уже весной 1942 года он был снят с вооружения, а тут, как призрак, появился вновь. На лунном небе я опознал его силуэт. Видимо, заметив по вспышкам выстрелы зенитных орудий, немецкий ас бросил пару бомб по этой батарее. Один зенитчик был убит и двое ранены. Их позиции были в ста метрах от занимаемого нами домика... Вот когда я подумал, как обидно погибать после объявления мира на земле. Вот так, почти незаметно, прошла та победная ночь, которой мы ожидали долгих четыре года, или 1418 суток.

По логике повествования я должен был бы подвести итоги, рассказать прежде всего хотя бы о цене победы, но тогда мы ее не знали в численном выражении. Да разве только это? Разве мы могли предполагать, что где-то люди живут иначе, чем жили мы? Уровень моего развития был так низок, что эти проблемы меня занимали мало, вернее, я боялся о них даже поделиться с кем-нибудь.

Боевой путь нашей 38-й стрелковой дивизии окончился встречей Нового, 1945 года в Южной Словакии. Именно там дивизия была выведена из боя и железнодорожными эшелонами отправлена в румынскую столицу Бухарест для несения комендантской службы вместе с еще четырьмя такими дивизиями, а точнее, для помощи прихода к власти народно-

демократического правительства Петру Гроза. Там и встретили мои однополчане долгожданный День Победы. По случаю такого события некоторые командиры частей решили запечатлеть свои лики и образы бойцов в фотоателье. Особенно хорошо понимал необходимость этого командир 29-го полка подполковник Исаев, запечатлев в групповых снимках почти всех офицеров, а отдельный батальон связи — даже всех связисток. Как это важно сейчас для истории!

А мы в Австрии утром продолжили марш в северо-западном направлении. Но это был не марш по-пехотному, а движение на грузовиках под тентом. Проехали живописный город Креме. В небольшом городке Цветль остановились на ночлег. Нашему отделению выделили двухэтажный особнячок, где мы провели ночь. Хозяева, видимо, бежали на Запад, оставив все в комнатах в полнейшем порядке. Рано утром до начала движения мы решили приготовить себе завтрак и спустились в полуподвальное помещение кухни-столовой. Не было никакой прислуги, и наш Алексей начал искать провизию в кладовых. Нашел банку тушенки и огромный запас всевозможных законсервированных овощей и фруктов в банках из стекла с крышками тоже из стекла. В них было варенье, джемы, повидло, салаты. Все надежно закупорено через резиновую прокладку, но открыть их мы никак не могли и не находили приспособлений. Как говорилось в русской поговорке: «Близок локоть, да не укусишь». Пробовали лезвием ножа, но стекло крошилось. Я случайно увидел в резиновой прокладке выступ в виде язычка, ухватившись за него, потянул, и крышка с хлопком отскочила, так как воздух попал внутрь банки. Просто, надежно и многократно можно использовать. Но у нас в стране в то время все эти продукты продавались из бочек. О стеклянной таре мы тогда и еще много лет позднее не мечтали. Как совсем недавно узнали, что вместо тяжелого и хрупкого стекла Запад давно уже применяет мягкие пластики в баночном и бутылочном производстве. Еще десяток лет назад, во время армянского землетрясения туда шла большая гуманитарная помощь, и все мы видели, как из иностранных самолетов выгружались компактные коробки с медикаментами, продовольствием и товарами. И только из нашей страны и Монголии выгружали деревянные ящики, которые сами весили во много раз больше, чем тот груз, который был вложен в них. Неужели на это не обратили внимания тогдашние наши руководители?

Сколько же нужно времени, чтобы мы могли это понять и внедрить у себя?

Почти весь день мы ехали плохими лесными дорогами, часто

делая остановки, на которых выходили из машин и на обочинах обнаруживали много стрелкового вооружения, чаще всего в разобранном виде. Были оставлены и вещи самого разнообразного предназначения. Я поднял пять пар хорошей кожаной подметки да солдатскую флягу. Проехали мы городок Вейтра и оказались на территории Чехословакии. К вечеру расположились в городке под тогдашним наименованием Ньем Бенешов, названном, скорее всего, в честь последнего буржуазного президента Бенеша. Это был маленький городишко с кирхой в центре на площади, с гостиницей, рестораном и кинотеатром. Жителей из центра отселили, и мы заняли дома под отделы штаба. Нашему отделению выделили двухэтажный домик, в котором внизу ранее был магазин радиоаппаратуры. Молодая хозяйка с грудным ребенком ночами приходила навещать свое жилье и оставалась до утра с чертежником «Алексом». Наверху проживал я с офицером связи от одного из корпусов, капитаном Блохой. Он часто бывал в отъездах, и я практически один находился в своей комнате.

Однажды услышал легкий стук в дверь. Открыв ее, я увидел цивильного мужчину, который много раз повторил по-русски с акцентом извинения. Потом он попросил разрешения взять «пару белья», так как является хозяином этой спальни. Я разрешил ему войти, и он заглянул в платяной шкаф. Покопавшись там, он вынул зонт, поблагодарил меня, собираясь выйти. Но, увидев на столе открытую пачку сигарет в сто штук, он долго не мог оторвать свой взгляд от нее. Я понял, что он давно не курил и предложил ему закурить. Он с благодарностью взял, я дал ему зажигалку и разрешил сесть, так как меня интересовало, откуда он знает русский язык. Он объяснил, что изучал его на курсах военных переводчиков, но в России ему воевать не пришлось. «Плохо вас учили, так как то, что вы взяли, по-русски называется зонт, а не пара белья». Он искренне извинился. Оказалось, что он был владельцем этой квартиры. С женой они были в разводе, и он показал ее снимок в рамке на стене. Я сказал, что дама симпатичная, и он тут же предложил привести ее и познакомить. Но я не поддержал его предложение, тогда он вызвался сделать приборку помещения. Я отказал ему и в этом, пообещав навести порядок, ибо до нас здесь побывали солдаты. На прощание я отсыпал ему с полсотни сигарет и он много раз благодарил меня за такую щедрость.

Алексей теперь занимался любовью со своей молодой хозяйкой. Днями она не выходила на улицу. Кормил ее Алексей с кухни, принося еду в котелке. Мария просила, чтобы он взял ее с собой в Харьков, Алексей, естественно, соглашался, а она

обещала ему подарить маленького «рус», намекая на зачатие от него. Однажды Алексей поднялся ко мне и попросил спуститься к ним, так как Мария припрятала радиолу «Телефункен». Приемники требовалось сдавать коменданту, а она не сдала и хотела передать нам без наказания. Я впервые видел эту молодую немку с полугодовалым ребенком на руках. У стены стояла ее младшая сестра лет 16–17-ти. Старшая сестра предлагала через Алексея ее мне в сожительницы. Для нас это было дико и неправдоподобно. Я ушел, оставив даже радио. Приемник взял начальник отдела, так как имел свою машину «Додж 3/4» со всякими другими трофеями. Спустя несколько часов после встречи я увидел и сестру Марии, сидящую за выпивкой на коленях у одного из офицеров связи.

Ежедневно вечерами нам показывали американские кинофильмы, иногда выступал армейский ансамбль песни и пляски. Офицеры от наступившего безделья слонялись по городку, пили австрийское вино и местное чешское пиво. Из оперативных сводок от штабов корпусов узнали о том, что начались контакты наших командиров дивизий и командиров корпусов с нашими союзниками, располагавшимися на противоположной стороне демаркационной линии. Это было ново и неожиданно. Начались визиты вежливости. Заканчивались они банкетами и награждениями наших руководящих генералов и офицеров боевыми орденами США и Великобритании.

А у меня начинался день с того, что я перечитывал боевые донесения корпусов, оперативные сводки штабов, разведывательные сводки и оперативные распоряжения штаба армии корпусам на день боя, которые собственноручно писал каллиграфическим почерком сам командарм, давая расписаться внизу начальнику штаба генерал-майору Бирману. Для меня это было невероятным! Я тогда не знал, что генерал-лейтенант Петрушевкий еще до войны окончил Академию имени М. В. Фрунзе и Академию ГШ. Видимо, это был единственный командарм, практически не нуждавшийся в начальнике штаба, и он смог бы сделать блестящую карьеру и в Генеральном штабе.

В боевых донесениях из корпусов сообщалось о встречах с союзным командованием на их территории, о состоявшихся банкетах и о награждении американскими орденами наших военачальников и офицеров штабов. Запрашивались указания на ответные визиты и награждения, но командарм не имел в этом вопросе ни власти, ни указаний свыше. Делались срочные запросы во фронт и Генеральный штаб. Наконец из Москвы последовало разрешение ответного награждения, но не было указано, какими орденами и в каком объеме. Снова депеши и

запросы. Наконец было разъяснено, что можно награждать равных себе по должности в объеме предоставленных прав нашими указами. Сама церемония вручения орденов у нас отличалась от принятой у них, так же, как и способ их крепления. Смеху было... Тем более что производилось это после банкета в «подогретом» состоянии и награждавших, и награждаемых.

Американцы имели в запасе шпагу, концом которой награждающий касался одного, а потом другого плеча награждаемого, после чего кавалерские знаки прикалывались на грудь на ленточке с помощью шпильки, а знаки рыцарского достоинства надевались на более широкой ленте на шею. Первые степени кавалеров Большого креста надевались через плечо на широкой орденской ленте и крепилась дополнительно звезда.

Мне довелось быть участником банкета в нашем штабе, где командующий армией принимал представителей американского командования. Они были построены и представлены через переводчика, а наш командующий вручал ордена в коробочке и пожимал награжденному офицеру руку. А до этого в корпусах и армиях наши кадровики сочиняли через переводчиков представления на их офицеров и даже выдавали временные удостоверения по нашим правилам. Когда наломали множество дров в этом вопросе, то получили из Москвы категорический запрет на какие-либо оформления наградных материалов и на выдачу временных наградных документов, «Передавать из рук в руки награду» — так гласили последние указания, хотя и наш орден Красного Знамени мог быть приколот на грудь. Самым смешным и непонятным осталось ответное слово награжденного после получения иностранной награды. У нас было принято отвечать на всякие поздравления фразой: «Служу Советскому Союзу!». Так, примерно, добрая половина награжденных и отвечала за чужие ордена, совершенно не понимая сути ответа при получении иностранной награды. Один начальник артиллерии корпуса, служака еще царской армии, ответил: «Рад стараться и охота есть служить». Кто были умнее, отвечали: «Благодарю за оказанную честь». А мой приятель капитан Аркадий Исаев, помощник начальника разведки 64-го стрелкового корпуса на поздравления в честь полученной им Бронзовой Звезды США ответил на английском языке: «Служу делу объединенных наций». Американский комкор в восторге даже потряс его за плечи за знание английского и модный в те годы ответ. Он даже хотел повысить статут ордена на знак «Легион Почета», но его уже не оказалось в запасе, так как Аркадий был последним награждаемым. После окончания церемонии к нему ринулись журналисты, наши политработники и

особисты с вопросом: «Что ты ему сказал?». И мой друг вынужден был повторить и перевести ту фразу, которую он специально выучил к этому случаю, так как хорошо знал только немецкий.

Расскажу, как проходил банкет в нашем штабе армии, на который были приглашены и многие офицеры ведущих отделов. Закуски в последний раз подавались на фарфоре и серебре. Наливали только французское шампанское. Все это было из трофейных запасов и на следующий день исчезло из обращения в столовых в грузовики с трофеями руководящих военачальников. Были тосты и много выпивки. Моим соседом за столом оказался американский майор, который жестами предлагал мне обмен одного из своих орденов на один из моих орденов Отечественной войны. Я не соглашался, он что-то набавлял в придачу, чуть ли не «джип». Я отвернул гвардейский знак и подарил ему безвозмездно, тогда он снял свои наручные часы и подарил мне. Это было последнее веселье в штабе нашей армии.

Американцы уезжали на своих «джипах», которые мы именовали «виллисами». На улице стоял самый маленький немецкий легковой автомобиль, по образцу которого мы начали делать первую нашу малолитражку «Москвич-401». Видимо, он был с пустым баком. Человек пять уселись в него, сзади нас подтолкнули к спуску, ведущему к горной речке, и мы поехали под гору на спуске и без тормозов. Чудом не разбились. Вылезли и вышли на недавно наведенный деревянный низководный мостик. Опершись на перила, мы заметили, что на дне ручья огромное количество трофейных карабинов, автоматов, пулеметов и даже пистолетов. Многие были с вынутыми затворами, но некоторые даже с заряженными магазинами.

Нашлись энтузиасты, которые в трусах залезли в холодную воду и начали выбрасывать все это из бурной речки на берег и мостик. Мы оружие осматривали и даже салютовали из него вверх. Мне попался не виданный за всю войну автомат с совершенно новым прикладом. Я отнял магазин и вытолкнул из него пару патронов. На вид они были похожи на их винтовочный патрон, но меньше его и больше автоматного (пистолетного). И тут я вспомнил уроки по огневой подготовке на курсах «Выстрел», где преподаватель-огневик напоминал нам о тенденции создания так называемого «свободноплавающего», то есть единого патрона, который мог бы подходить к пулемету, карабину и автомату. Конечно, этот патрон был с кольцевой выточкой для зацепа выбрасывателя, вместо фланца на донышке, как это было во всех наших винтовочных патронах. Я сделал небольшую очередь и отдал автомат одному офицеру из отдела артиллерийского вооружения.

Позже, уже в начале пятидесятых годов, когда в нашу 261-ю стрелковую дивизию в городе Ленинакане начали поступать новые автоматы Калашникова, они были здорово похожи на тот экземпляр, который я не только держал в руках, но и сделал несколько выстрелов. Только наши патроны имели бронзовый цвет, а те, немецкие, вроде оцинкованного кровельного железа. За долгие годы службы и уже пенсионером я следил за военной литературой и прессой в надежде встретить разъяснения по этому вопросу, но так и не нашел их, пока Калашников не превратился из старшего сержанта в генерал-майора инженерно-технической службы. В одном из репортажей корреспондент задал ему вопрос о сходстве последнего немецкого автомата с его аналогом, на что он ответил утвердительно насчет внешнего вида, об остальном же умолчал[5].

Настало время «сматывать удочки» из покоренной Европы. Наша армия подлежала выводу на Родину, а 64-й корпус генерал-майора Шкодуновича готовился к переброске по железной дороге на Восток, где должна была начаться новая война, теперь уже с японцами. Но перед этим наш начальник отделения объявил, что написал на нас обоих аттестации. Вот ее содержание, которое я выписал из личного дела совсем недавно:

«Капитан Лебединцев А.З. занимаемой должности соответствует. Обладает достаточной силой воли. Настойчив в своих требованиях к службе. Инициативный и исполнительный штабной офицер. Дисциплинирован. В обществе вести себя умеет. Тактичен в обращении. Пользуется авторитетом среди офицеров. Аккуратен, настойчив и решителен. Трудолюбив и усидчив. В оперативно-тактических вопросах оценку обстановки, боевых действий и выводы по ним делает правильно. Свои функциональные обязанности знает. Добросовестно выполняет задания. Штабную работу в объеме полка знает хорошо. В строевом отношении подтянут хорошо. Опрятен, здоров. Много работает над повышением своих знаний. Выводы, должности помощника начальника отделения по изучению и использованию опыта войны соответствует. Может быть назначен на самостоятельную должность начальника штаба стрелкового полка. Подпись: начальник оперативного отдела штаба 46-й армии полковник Гавриш 8 июня 1945 года. «Согласен». Начальник штаба армии генерал-майор Бирман. «Не имеет опыта работы в штабе армии. Использовать командиром батальона или начальником штаба полка». Командующий армией генерал-лейтенант Петрушевский. Член Военного Совета генерал-майор Коновалов. 14.6.1945 г.»

Несмотря на краткие фразы и минимальный срок службы на

этой должности мой начальник сумел отметить мои черты характера, правильно подметить задатки. Я доволен этой аттестацией даже сейчас, спустя 52 года, когда впервые прочитал ее на исходе двадцатого столетия.

Накануне отъезда капитан Блоха предложил мне побывать на одном трофейном складе, для чего наш начальник отдела выделил нам американский автомобиль марки «Додж 5». По дороге Блоха рассказал мне, что часто опекает нашего шефа, добывая ему разные трофеи.

Прибыли мы в небольшой поселок, где у немцев были склады вещевого имущества летного состава и подвал с вином. Знакомого Блохе майора (коменданта) на месте не оказалось, и нами занялся его заместитель, капитан. Он пригласил нас в столовую на обед с вином. Подавали две девчушки-немки, довольно привлекательные, учтивые и, казалось, на все готовые. Но нам необходимо было отобрать нужные вещи и налить в бочонок вина. В большом ангаре кучами лежали поношенные летные унты, комбинезоны, куртки, перчатки, какие-то ткани, даже женские чулки. Я снял сапоги и принялся примерять унты с мехом внутри, взял пачку чулок, несколько кожаных перчаток. Положил в сумку и отнес в машину. Блоха носил мешками. Потом сняли бочонок и залили в него вина. И тут появился майор. Он поднял крик: почему берем вино, не прошедшее анализы, сбросил с машины бочонок, и вино вылилось. Еле смог успокоить его Блоха. Наполнили из другой, прошедшей анализы бочки. С тем мы и вернулись. Утром я разобрался, что три перчатки правых пятипалых, а на левую руку четыре трехпалых. За мои унты капитан из нашего отдела предложил новые мадьярские генеральские сапоги. Я, не меряя, согласился. Но выяснилось, что голенища «бутылками» настолько длинны, что я не мог просунуть ногу до подошвы, так как мешало колено. Долго я возил их, пока в 1948 году не перешил их сапожник-грузин моей супруге. Крепкие были сапоги. Их несколько лет еще донашивала в деревне моя сестра. Вот и все мои трофеи. Прихватил только одну пуховую перину, и она и поныне иногда выручает до включения отопления.

В один из вечеров мы тихо погрузили все штабное имущество в готовности выехать с рассветом. Корпуса нашей армии совершали пешие марши обратно по дорогам, которыми недавно проходили с боями, а штабы перемещались «подскоками» от одного до другого крупного города. Первым таким городом оказалась Братислава. Выезжали мы с рассветом, и тут я обнаружил, что нет Алексея-чертежника. Стучусь в комнату Марии, он мигом одевается, подхватывает вещмешок, шинель и

бежит к машине, в которой уже запущен двигатель. И тут в нижней рубашке с ребенком на руках бежит его Мария, чтобы ехать с ним в Харьков. Но машина трогается, и она со слезами возвращается. Перед этим она клала ладонь Алекса на свой живот и говорила, что там растет «маленький рус». Сколько их было оставлено, «для улучшения арийской породы», таких «нежданчиков» на немецкой, венгерской, румынской и польской землях, только одному богу известно. Недавно в «Новой газете» в статье «Правда 41-го» было указано, что немцы на наших оккупированных землях оставили около трех миллионов младенцев арийской крови, а мы оставили после себя только 300 тысяч. И в этом отстали! Наверное, из-за таких, как я, считавших, что секс без любви недопустим.

Мы едем штабной колонной по хорошим асфальтированным дорогам, но мосты через овраги в ходе боев были взорваны, и вместо бетонных саперы рядом делали деревянные. Сзади нас едет машина с металлическими ящиками секретной части нашего отдела и личными вещами офицеров. Сверху на них сидит часовой и военнослужащая машинистка отдела. Над всем кузовом на дугах тент. За рулем шофер-солдат, а рядом с ним начальник секретной части старший лейтенант, приложившийся в дороге к австрийскому вину. Он приказывает шоферу обогнать нашу машину, тот делает обгон, впереди сразу взорванный бетонный мост через глубокую промоину, а слева от него наведен деревянный мост. Шофер на спуске к мосту не успевает вывернуть руль, сбивает столбик с указателем «Объезд», и машина в свободном падении летит вниз на арматуру взорванного моста и врезается двигателем в обломки бетона. Наша машина благополучно переезжает и делает остановку на обочине, а мы бежим и находим тропинку спуска к дну оврага. Седоки в кабине прижаты деформированной кабиной, лица их в крови от ранений битым стеклом. Я отрываю от кузова балку жесткого буксира, ею расширяем кабину, чтобы извлечь пострадавших. У них переломов нет, и они поднимаются наверх. Кузов оторвался от рамы автомобиля и переброшен вперед кабины . Теперь дном является тент с дугами, сверху железные ящики с документами, под ними веши, а на самом низу пищат машинистка и часовой. Выбрасываем ящики, чемоданы и мешки. Под моими ногами писк усиливается. Оказывается, я ступаю сапогами по «мягким местам» машинистки, так как ее юбка одинакового цвета с вещмешками. Она поднимается, ощупывает себя, и ее лицо расплывается в улыбке. Солдат стонет, жалуется на грудь, так как на нем лежали два металлических ящика. Позже у него нашли перелом трех ребер. Проезжает через мост машина «Опель-адмирал», в которой

едет командарм. Он делает остановку и спрашивает: «Кто был старшим машины?» Начальник секретной части делает шаг вперед и называет себя. Командарм спрашивает: «Жертвы есть?». Мы отвечаем, что обошлось без жертв. Генерал-лейтенант дает пощечину старшему лейтенанту, садится в машину и едет дальше.

Так как наша машина была наполовину пустой, то мы переносим все имущество в наш кузов и едем до места назначения в Братиславу. Штабу армии был отведен район в самой высокой части города, где располагалась старая крепость и отстроен современный, по нашему понятию; дачный участок с двухэтажными коттеджами. Мой приятель, капитан Блоха, всегда выезжает раньше в качестве квартирьера оперативного отдела и занимает лучшие строения. Для нас он выбрал новый двухэтажный домик с цветочной клумбой у входа. Хозяйка его, чешка Марта, принимает нас сдержанно. Предлагает умыться, потом угощает эрзац-кофе. Блоха принес канистру с хорошим вином, колбасу и сыр, полученные нами в качестве дополнительного офицерского пайка. Марта становится разговорчивее. Я спрашиваю: «Где муж?» Она отвечает, что всю войну работал на авиационном заводе электриком, а сейчас призван в армию. Я недоумеваю: как это электрик смог построить такой дом, да еще в годы войны? Мне непонятно... Да, на Украине, в Белоруссии и в России горели, взрывались, рушились дома и целые города, а где-то строились, работали как в мирные годы. Нам это было непонятно и непостижимо.

Обедать пошли в нашу штабную столовую. При выходе мне незаметно сунула в карман ученическую тетрадь вторая землячка с Кубани — машинистка из разведывательного отдела по имени Анна. Она давно отпускала в мой адрес комплименты, задень несколько раз меняла платья, демонстрируя свои трофейные наряды. Вернувшись в нашу комнату, мы приступили к чтению ее послания. Почерк был разборчив. В письме она излагала все свои добропорядочные качества и предлагала любовь до гроба. Блоха ржал, как жеребец. Письмо осталось без ответа. На следующий день было торжественное прохождение наших войск мимо трибуны под звуки маршей сводных дивизионных оркестров. Наши бойцы гордо били своими ботинками с обмотками по брусчатке площади, высоко держа голову и позвякивая в основном бронзовыми медалями. Летнее обмундирование было хоть и вылинявшее, хоть и штопаное, но накануне выстиранное в Дунае. Вещмешки везли на повозках окружными дорогами. За матушкой-пехотой на прицепе у «студебекеров» тянулись пушки самых разных калибров и проходили машины с понтонами.

Местные жители вручали букеты цветов нашим воинам, а во время прохождения бросали их под ноги матушке-пехоте. Восторг выражался искренне. На трибунах вместе с нашими генералами стояли и представители местных органов власти. Здесь я стоял впереди трибуны и радовался вместе со всеми нашей Победе и тому, что смог дожить до нее, пройдя несколько командных и штабных ступеней воинских должностей, соответствовавших моему званию. Я не предполагал о скорой перемене в моей службе...

Следующим пунктом остановки штаба армии был венгерский город Комарно. Мой друг Блоха встретил меня и разместил в небольшом домике в отдельной комнате у мадьяра. Хозяин дома был в российском плену еще в Первую мировую войну и привез на Дунай русскую Матрену, которая к тому времени уже в Бозе почила. Их великовозрастная дочь неплохо говорила по-русски и была рада, что поставили на постой одного офицера, а не отделение солдат. Она указала мне на широкую кровать. В комнате был радиоприемник, я включил его на московскую волну и узнал, что в столице нашей Родины состоится в этот день Парад Победы.

Блоха со смущением объявил мне, что, к великому сожалению, ему приказано быть при нашем начальнике, где он и расположился. Завтрак в нашей столовой был готов. После завтрака мы решили пойти на Дунай покупаться в его голубых волнах. Было жарко, и мы провели там весь день с перерывом на обед. У меня сохранился даже маленький снимок того проведенного дня.

После ужина я возвратился в знакомый домик. На пороге меня встретила дочь хозяина и с большим смущением заявила, что после моего ухода в эту же комнату другой майор подселил еще и русскую «леди», хотя она предупреждала и даже показывала мои вещи. Но они ответили, что так надо им обоим.

Я смутился. И вдруг слышу возглас Анны, которая уже была в постели и ждала меня с «распростертыми объятиями» в прямом смысле. Я зашел и молча вынес свой чемодан и мешок с постелью. Землячка заревела, пообещала сама уйти и принялась хватать одежду, чтобы одеться. Но у меня уже выхватила чемодан соседка-мадьярка и приглашала во флигель в том же дворе. Я последовал за ней, и она указала мне постель в отдельной комнатке. А для снятия неприятного инцидента она сыграла бравурный марш на пианино.

На следующий день вечером я пригласил на новое место Блоху. Проходя мимо окон вчерашней моей комнаты, мы услышали и увидели, как Анна распивала вино и пела песни с

одним из майоров нашего штаба, решившим разделить с казачкой широкую постель.

На следующий день перед самым выездом на третью точку нашего нового размещения штаба в румынском центре Трансильвании городе Клуж работники отдела кадров армии вручили мне предписание о назначении начальником штаба 1-го стрелкового полка 99-й стрелковой дивизии, входившей в состав 64-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Шкодуновича. Штаб корпуса должен был разместиться в другом месте, а штаб дивизии — на окраине Клужа. Я представился командиру дивизии полковнику Дерзияну и начальнику штаба дивизии подполковнику Гурджи. Дивизия готовилась к торжественному прохождению по братиславскому сценарию. Меня направили в полк, предварительно позвонив его командиру подполковнику Макалю. Командира я застал на опушке леса, где играли команды первого и артиллерийского полков в футбол. Макаль сидел за своими воротами и за каждый взятый мяч набавлял писарю, игравшему вратарем, по сто граммов «горилки», так как он сам и вратарь были украинцами. Фамилия писаря была Непейпиво.

После выигранного матча я представился командиру. Он ответил, чтобы я вступал в свои обязанности, и представил офицеров штаба, присутствовавших на футболе. ПНШ-1 капитан Лебедев, исполнявший обязанности начальника штаба полка, сказал, что мой предшественник майор убыл в госпиталь с «модной» болячкой, которую он прихватил, чтобы избавиться от такого командира, как Макаль, и это навело меня на очень грустные размышления. В штабе я познакомился с майором и капитаном, которые проходили стажировку после окончания первого курса Академии имени М. В. Фрунзе: первый на должности начальника штаба, а капитан на должности первого ПНШ. Фамилию майора я уже не помню, а капитан был Голиков, то ли сын, то ли племянник известного генерал-полковника. Позднее я слышал, что он дотянул до генеральского чина.

Я не стану рассказывать подробности прощального парада в Клуже, ибо он прошел по одному сценарию с братиславским. Теперь я шел впереди полкового знамени, а мое место в строю занимал майор-стажер. Румыны прощались с нами так же тепло и не жалели ни цветов, ни улыбок. Тут же была объявлена погрузка в эшелоны. Полк должен был перевозиться в двух эшелонах со всеми людьми, лошадьми, вооружением и обозами. Погрузка проходила в городе Плоешти, куда уже была подведена широкая российская колея. Первым эшелоном в нашем корпусе был наш первый батальон и все штабные подразделения с

артиллерийскими батареями. Начальником эшелона считался командир полка. Наш эшелон возглавлял заместитель командира полка полковник Виноградов, пониженный с должности командира дивизии. До войны он был начальником военного училища, на Кавказе в боях командовал стрелковой дивизией, но, доведенный до отчаяния, запил и был назначен с большим понижением, которое ускорило его окончательное падение.

При загрузке в эшелон я понял, как мало я еще знаю армейскую жизнь. Это был мой второй переезд по железной дороге на очень большое расстояние, тем более с лошадьми, которые требовали выводки, а личный состав требовал настоящего питания из походных кухонь и организацию помывки в пути в местах дневок. Всего этого мы не проходили... Итак, эшелоны держали путь на северо-восток до Харькова. Конечного пункта никто не знал. После я узнал о том, что Макаль в Харькове сумел сгрузить полностью заполненную повозку с парой лошадей и еще несколько упаковок добра, награбленного на фронте. Теперь наш путь лежал к Волге. Кажется, в Куйбышеве (Самаре), мы узнали о начале боевых действий с Японией. Приняли это как должное по отношению к нашим союзникам. Переехали Волгу и проследовали дальше на Актюбинск, Кызыл-Орду, Чемкент, Арысь. Справа и слева нас окружали пустынные казахские степи. На последней станции в степи нам предстояла выводка лошадей и мытье в бане.

Я совершенно не знал офицеров полка и только на остановках начал с ними знакомиться. Ехали мы в товарном вагоне. У вагонов проходили местные жители и предлагали на продажу ведрами очень дешево соль. Мой ординарец по имени Юрка купил за мои деньги несколько ведер по пять рублей и высыпал ее в углу, а через пару дней поменял ее на замечательные яблоки в Алма-Ате. Ходили и нищие вдоль вагонов и просились проехать с нами до Алма-Аты и далее, но все это запрещалось. Среди попрошаек я увидел одну молодую женщину, совсем не похожую на местных раскосых аборигенок. На руках у нее был грудной ребенок. Она была истощенной, одета в сильно потрепанную, когда-то модную шерстяную кофту. Поразила меня и ее золотая коронка зуба, явно предназначавшаяся для украшения, Она просила хлеба или сухарей для грудного малыша. Я велел Юрке дать ей несколько сухарей и спросил, откуда она, так как ее красивая внешность выдавала, скорее всего, горянку с Кавказа, о чем я ей и сказал прямо. Она ответила утвердительно, что она карачаевка с Кавказа. В эти края их всех выселили поголовно на вымирание. (Если следовать логике Александра Захаровича, то всех русских

выселили для процветания в окопы, и пока они процветали и здравствовали в атаках на немецкие пулеметы, бедные чеченцы, карачаевцы и немцы страдали в тылу. (Мухин Ю.И.))

Я назвался ее земляком, она спросила, какой я станицы, я назвал, и она заплакала, так как она не раз в ней бывала в довоенное время. Мне стало жаль ее и ребенка. Она сообщила о том, что здесь похоронила отца, умершего от голода, и мать находится при смерти. Глядя на нее, вполне можно было поверить ее словам. Я попросил ее подождать, а ординарца Юрия послал в вагон с продовольствием, чтобы помощник командира полка по снабжению отпустил круп, муки и сухарей по объему солдатского вещевого мешка. Я попросил Юру помочь отнести этот мешок до их стоянки в конце кишлака. Она много раз оглядывалась, глазами, полными слез, благодарила, и даже не находила слов, какими можно было высказать благодарность за такую неожиданную помощь.

Примерно часом позднее к нашему вагону подбежал капитан, замполит 2-го батальона, и начал меня умолять, чтобы я отпустил его на несколько дней разыскать и навестить здесь умирающих родителей и после догнать эшелон скорым поездом. Я догадался, что он тоже мой земляк, в суете не вскрытый соответствующими органами и не отстраненный от должности. Я выдал ему отпускной билет на неделю и хотел написать записку об отпуске продуктов, но он ответил, что возьмет их из батальонных продуктовых трофейных запасов.

Догнал он эшелон уже на Турксибе и рассказал о трагедии их народа, подвергшегося стопроцентной депортации, и о высылке чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья и других народностей якобы за сотрудничество с оккупантами. Я по опыту понимал, что отдельные личности могли пойти на это, но чтобы карать полностью нацию — это мне казалось невероятным и несправедливым. Мой земляк сказал, что с прибытием на место выгрузки и ему уготовлена такая же участь.

Ю. И. МУХИН. Вообще-то в этой части книги я не хотел комментировать Александра Захаровича, но в данном случае хорошо видно, как он в своих воспоминаниях прогибается под «демократическую общественность» — хочет ей понравиться. Этой общественности, чтобы развалить СССР, нужно было вызвать ненависть всех народов к государствообразующей нации — к русским. Вот эта общественность и завела бодягу про несчастные выселенные народы, которые якобы сотнями тысяч вдруг начали умирать в тылу от голода, хотя рядом с ними почему-то не умирали несколько миллионов тех же русских, украинцев и белорусов, в ходе эвакуации выселенных в эти же места. Даже с

евреями ничего не случилось, хотя им, в отличие от немцев и горских народов, приходилось убегать налегке, а не с 200 кг на человека домашних вещей, как это разрешалось при переселении поволжских немцев или чеченцев. Вот выше Александр Захарович описал, как они с другом при бегстве от немцев на станции Минводы ограбили скотниц, которые эвакуировали свиней в тыл. А ведь если эти русские или украинские скотницы прорвались, то они так и остались в своей летней одежонке в тех же местах, куда выселяли и «бедные народы». Но Александр Захарович не высказывает к этим русским скотницам ни малейшего сочувствия, а вот о горькой судьбе карачаевцев он счел нужным написать.

О них же сочло нужным вспомнить и гестапо в докладе от 6 ноября 1942 года (немцы как раз пытались взять Сталинград, а сам Лебединцев защищал предгорья Кавказа). Доклад назывался «Общее положение и настроение в оперативном районе Северного Кавказа» и в нем, в частности, писалось: «Когда немецкие вооруженные силы вошли в Карачаевскую область, они были встречены всеобщим ликованием. В готовности помочь немцам они превзошли самих себя. Так, например, айнзацкоманда полиции безопасности и СД, прибывшая в начале сентября, была принята с воодушевлением, сравнимым с днями присоединения Судетской области. Сотрудников команды обнимали и поднимали на плечи. Предлагали подарки, и произносились речи, которые заканчивались здравицей в честь фюрера».

Правда, в данном случае есть разница: эта карачаевка со своими папой и мамой делали немецкой айнзац-команде подарки за свой счет, а Александр Захарович, как кадровый офицер, без колебаний сделал им подарок за счет ухудшения питания вверенных ему солдат.

В данном случае (если он не «художественный» вымысел), желая понравиться «демократической общественности», Александр Захарович теряет логику — ведь все эти народы выселялись в тыл и не призывались в армию. А в войне гибли те народы СССР, которые воевали на фронтах либо оказались в оккупации.

Ведь можно было заглянуть в энциклопедию. По переписи 1926 года в СССР было 55 тысяч карачаевцев, 319 тысяч чеченцев и 113725 тысяч русских, украинцев и белорусов. Через 53 года по переписи 1979 года в СССР жили уже 131 тысяча карачаевцев (увеличение на 138%), 756 тысяч чеченцев (увеличение на 137%) и (даже с присоединенными в 1939 г. украинцами и белорусами из бывшей Польши) русских, украинцев и белорусов было 189 207 тысяч (увеличение на 65%). А вот если бы Сталин послал мужчин этих народов на фронт, чтобы кадровые офицеры Красной Армии

могли гнать в атаки на неподавленную немецкую оборону не только русских, но и карачаевцев, чеченцев, поволжских немцев и т. д., то тогда, глядишь, прирост населения был бы одинаков у всех народов СССР.

А. ЛЕБЕДИНЦЕВ
Мой первый гарнизон

Я не помню, на какой станции мы узнали о капитуляции Японии, но наши поезда продолжали движение на Восток, пока, наконец, в Иркутске мы не нагнали наш головной эшелон, стоящий под разгрузкой. Отогнав от платформ порожняк от первого эшелона, нас тоже поставили под выгрузку.

И потянулись наши повозки через весь город к военному городку «Красные казармы». Лошади окончательно застоялись за месяц в вагонах. Трехэтажные казармы с солдатскими двухъярусными кроватями пустовали. В наше распоряжение были выделены четыре или пять казарменных помещений, склады, овощехранилища, конюшни.

На первом же совещании офицерского состава командир полка поставил главнейшей задачей очистку всех выгребных ям из уборных всех казарм, так как они за всю войну были переполнены. Ассенизационного обоза в городе не было, но были бочки на телегах. Мы срочно выделили лошадей и охотников солдат, согласившихся выполнять эту грязную работу за усиленный паек. И работа закипела. Начали утеплять окна и двери. На станцию Усолье Сибирское наряжалась целая стрелковая рота шахтеров для добычи угля специально для котлов военного городка и отопления штаба Восточно-Сибирского военного округа, который тогда возглавлял в качестве командующего генерал-полковник Романенко, а начальником штаба был генерал-лейтенант Пулко-Дмитриев.

Почти ежедневно или вместе или порознь мы с командиром вызывались «на ковер», чтобы доложить о проделанной работе и получении очередного наряда. В тайгу были отправлены 40 повозок с лесорубами для заготовки дров и древесины для строительства для полка и округа. В один из дней в полк прибыл директор ликероводочного завода, чтобы заключить с командиром негласный контракт на ежедневную высылку роты солдат на разгрузку вагонов с картофелем для производства спирта. Расплата производилась лично с самим командиром, которому ежедневно привозился большой портфель с бутылками водки и коньяка.

Полковой инженер возглавил достройку большого дома перед проходной из пяти комнат с внутренними ванной и туалетом для особы самого командира. Мне выделили квартирку из двух комнат в трехэтажном доме. Трубы отопления были разморожены

давно, и Юра отапливал квартиру углем с помощью печурки. Близилась суровая сибирская зима, и требовалось спешить. Остальные полки и штаб дивизии были выгружены, не доезжая до Иркутска 50 км в полевом, вернее, лесном лагере с землянками для личного состава и несколькими строениями для штаба и под жилье. В этом военном городке, с совершенно непонятным в данном случае названием Мальта, на протяжении всей войны формировались, обучались и сколачивались соединения и части, которые потом отправлялись на фронт. Замечательное описание таких лагерей появилось в книге известного сибирского писателя лауреата премии «Триумф» Виктора Астафьева в книге «Прокляты и убиты», в которой он весьма правдиво и достоверно описал, как это было в подобных лагерях под Красноярском, ибо сам все это пережил.

Командир полка подполковник Макаль раньше был якобы в авиации, но за какие-то провинности выдворен в пехоту. Он имел два ордена Красного Знамени и орден Александра Невского, что считалось нормальным к концу войны. Кроме того, он был награжден американским орденом Легион Почета офицерской степени, то есть на грудь. В последних боях показал себя храбрым командиром, но склонным к стяжательству в крупных размерах, пока возможно было — в виде трофеев, а позднее — в присвоении военного имущества полка. Понимая противозаконность своих действий, он стремился полностью подчинить всех своей власти путем шантажа и угроз, что особенно удавалось в отношении тех, кто имел склонность к выпивке, хотя он и сам пил много.

По дороге он демобилизовал в Харькове свою сожительницу рядовую связистку с хорошим приданым, там же снял повозку с трофеями и парой лошадей в упряжке для своей семьи. По прибытии в Иркутск уже на следующий день нашел новую сожительницу с квартирой, двумя детьми и тещей. Имея большой запас продуктов и ежедневные поступления водки и коньяка, он закатил банкет по случаю дня своего рождения с приглашением меня и старшего лейтенанта Бурова — помощника командира полка по снабжению. Человек пять были приглашены из отдела кадров округа с расчетом на дальнейшую карьеру мирного времени и на случай организационных перемен в служебной деятельности.

Я же работал день и ночь, принимая пищу прямо в рабочем кабинете и первое время проживая в нем. Но даже такой мой ритм работы не устраивал Макаля. Он повседневно придирался даже без причин. У всех помощников начальника штаба практически не было работы, и они появлялись в полку на время приема пищи в столовой. Я же не мог давать им поручений, так

как вся теперешняя работа была связана с увольнением солдат старшего возраста и выдачей им проходных свидетельств, записей службы в красноармейских книжках, выдаче удостоверений на все ордена и медали и даже на благодарности Верховного главнокомандующего. Иногда требовалось до десяти таких документов на каждого человека, а их сотни ежедневно подлежали увольнению. Вскоре в городе был ликвидирован Пересыльный пункт, и его обязанности были поручены штабу нашего полка. В полк ежедневно вливались сотни людей, подлежавших демобилизации из разных рабочих команд, и они сотнями увольнялись. Если бы не трудолюбие и большой опыт работы двух офицеров-делопроизводителей и четырех высококвалифицированных писарей, работавших посменно и круглосуточно, я просто не знал бы, как с этим можно было справиться.

А вместо помощи постоянные и необоснованные придирки командира, которые очевидно преследовали одну-единственную цель: нагнать на меня страх и подчинить мою волю своей, направленной на безнаказанную распродажу всего, что содержалось в полку сверхштатного и неучтенного. Об этом я стал догадываться со слов старшего ветеринарного врача, начальника обозно-вещевой службы, начальника продовольственной службы и моих делопроизводителей. О ежедневном выделении полной стрелковой роты на работы по разгрузке картофеля на водочном заводе было известно не только мне, но и замполиту майору Вепреву и комбатам, выделявшим роты. Часть лошадей с повозками были отправлены на лесные разработки и содержались там. Все верховые лошади командира, его заместителя, замполита, мой конь, начальника артиллерии и полкового инженера были сверхштатными племенными жеребцами чистых кровей с хорошими венгерскими седлами. Из-за огромной занятости я просто физически не успевал сам лично все пересчитать. Я пытался ставить свои подписи на документах увольняемых, но это было физически невозможно, поэтому делал это только на орденских временных удостоверениях.

Примерно месяц спустя, когда уже было очень много сделано для зимовки полка, неожиданно поступила директива о расформировании дивизии. На наше место выгружалась 110-я гвардейская Александрийско-Хинганская дивизия, прибывшая с Востока. Наши молодые солдаты передавались в эту дивизию — для покрытия их собственного некомплекта, так как и у них проходило увольнение старослужащих. Офицеры нашего полка тоже временно вливались в эту дивизию до прибытия приказов на увольнение из рядов армии. Правда, в полк прибыли «купцы» из

областного и городского военных комиссариатов и почти всем офицерам штаба полка и батальонов предложили должности в Иркутске и районах. Это произошло неожиданно для Макаля, и он денно и нощно перегонял верховых лошадей на временную стоянку в городской ветеринарный лазарет и другие службы, чтобы продавать их. Весь транспорт, бывший на лесоразработках, как сверхштатный, тоже им был продан неизвестно кому и за какую цену. Там орудовал его помощник по снабжению Буров, тоже большой делец в этих темных делах. Отправленное продовольствие на месяц на роту шахтеров тоже было продано на месте, так как они подлежали первоочередному увольнению.

Менее чем за одну неделю полк передал все остатки в 110-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Все было оформлено документальными актами и заверено печатями. В моей квартире дорабатывали акты, были собраны документы, подлежавшие отправке в Архив МО. Туда же передано Боевое Знамя, а печати из мастики по действительному наименованию и по полевой почте, а также угловые штампы и металлическая печать для пакетов должны были уничтожаться одним приказом в штабе дивизии по особому ритуалу. Исполнялось это так: первоначально делались в акте четкие оттиски печати, потом каучуковые печати резались надвое и делались оттиски половинками, потом резались на четыре части и снова делались оттиски, и только после этого сжигались. С резиной это было не сложно. Бронзовую печать распиливали напильником пополам, потом на четыре части и после этого совсем спиливалось изображение шрифта, соответственно делались в акте отпечатки, но только не сургучом, а мастикой.

В один из последних дней ко мне пришли замполит полка майор Вепрев и начальник артиллерии майор Иванов и сообщили о том, что своих коней они продали. Я уже не помню, как и куда. Видимо, через посредников ветеринарной лечебницы. Мой конь вместе с конем командира и его коновода и конь заместителя командира полка проданы командиром полка лично, и деньги присвоены им. Вепрев грозился политотделом, но это только для отвода глаз, так как он и сам совершил противозаконное действие, о чем я ему напомнил. Он ушел, а Иванов оставался еще у меня, когда внезапно в мою квартиру явился с сожительницей Макаль. Первоначально он обрушился на Иванова за самовольную продажу коня. Тот напомнил, что и он тоже так поступил, и не только со своим конем, но еще с тремя жеребцами. На это Макаль ответил, что это он завоевал, это его трофеи, а он, Иванов, прибыл в полк после Победы. На это Иванов промолчал, а я подал реплику, что и мы не в лапту в это время играли. Бывший

командир только посмотрел на меня, но ничего не ответил на мое замечание. И тут он увидел на столе трофейную портативную пишущую машинку со славянским шрифтом для украинского языка, не имевшего буквы «ы». Писарь ее комбинировал с мягким знаком и рядом с латинской буквой «I» со спиленной точкой. Писаря прочили ее мне, так как не делить же ее по букве всем на память! И вот этот крохобор накрывает ее футляром и передает ординарцу, чтобы тот отнес ее в его машину. Он рассчитывал, что я взорвусь и стану отстаивать свои права, но я не сделал этого, что вызвало улыбку у пожилых лейтенантов-делопроизводителей.

Он приказал быть в готовности завтра ехать с ним в его машине в штаб дивизии сдавать акты и докладывать о ликвидации полка. Машину водил он сам. Это был хороший американский автомобиль марки, если не ошибаюсь, «Бьюик», видимо, самой меньшей модели. Мне запомнилась ее зеленая внутренняя обивка из натуральной кожи. Увидев ее, командующий войсками Вост. Сиб. ВО генерал-полковник Романенко сразу предложил ему свой служебный легковой автомобиль ЗИС, но Макаль не дал согласия, мотивируя, что это подарок союзного командования, и предъявил какой-то документ на этот счет.

Так вот, примерно за час мы доехали с ним на эту станцию Мальта. Вел он автомобиль весьма лихо, и в 9 часов доложил командиру дивизии о завершении расформирования полка и передачи всего положенного. Но здесь еще даже не было и представителей для приема, поэтому комдив просмотрел документы, похвалил за оперативность, но просил приехать позже, когда закончится передача имущества всеми частями дивизии. У Макаля были свои планы, он хотел быстрее разделаться без свидетелей с остатками, поэтому настоял, чтобы я остался здесь с документами. Более того, он упросил начальника штаба дивизии подполковника Гурджи приютить меня у себя на квартире и использовать дальше как консультанта по вопросам оформления актов и других передаточных документов, так как это всеми делалось впервые. Гурджи согласился и передал меня на попечение своей супруги в их двухкомнатной квартире. Я иногда помогал жене начальника мастерить сибирские пельмени и зачитывался Мопассаном от безделья. Видимо, я очень мешал Макалю в его беспределе по реализации военного имущества.

Передача в других частях дивизии шла медленно, у меня приняли все документы и отпустили в Иркутск, так как мне тоже надо было думать о дальнейшей собственной судьбе. Новый командир дивизии, генерал-майор и Герой, приказал построить

всех офицеров полка, чтобы самому представиться и познакомиться хотя бы со старшими офицерами. Макаль велел мне выстроить их для прощания с командиром и Боевым Знаменем — это было еще до отъезда в Мальту. Я построил и под звуки дивизионного оркестра новой дивизии доложил Макалю и стал под знаменем на правом фланге. Из штаба вышел генерал в положенной шинели при папахе и ремне. Макаль под звуки встречного марша пошел вразвалку докладывать генералу. Обут он был в летные унты, одет в венгерку без ремня, фасона времен Гражданской войны, а на голове была надета не форменная, защитного цвета фуражка, а папаха. Только он раскрыл рот для доклада, как генерал заорал на него примерно такими словами: «Это что еще за «батько Махно», что за форма одежды, что за развязная походка, марш от строя! Начальник штаба полка, доложить, как положено». Я вышел из строя и доложил о численном составе офицеров. Генерал поприветствовал строй офицеров и прошел вдоль всей шеренги. Потом я прошел с ним в бывший кабинет командира полка, где он с начальником отделения кадров по списку отметил нужные кандидатуры для использования в дивизии на должностях.

Макаль ожидал моего возвращения в бывшем моем кабинете и набросился на меня со словами: «Почему ты не распустил офицеров после такого его посрамления меня перед строем?!» Я ответил, что генерал был прав, поэтому ни один из офицеров в знак протеста не вышел бы из строя. За всю мою службу я не знал такого коварного и гонористого офицера, каким был этот подполковник.

В моей квартире поселился стажирующийся начальник штаба полка, майор. С ним и офицерами штаба полка мы делали выходы в довольно известные драматический театр и театр оперетты, в котором в главных ролях был занят знаменитый тогда Ярон. Мы посмотрели почти весь репертуар. А под новый, 1946-й год меня и заместителя командира полка полковника Виноградова поместили в неврологическое отделение окружного военного госпиталя. Это было мое первое «крещение» военными госпиталями. За мои два года, два месяца и 17 дней, проведенных в основном на переднем крае, судьба уберегала меня от гибели и госпиталей, хотя дважды получил легкое ранение и травму, которые излечивались на месте в ходе исполнения служебных обязанностей, так как тогда просто некому было меня заменить.

В пути следования по железной дороге в эшелоне я почувствовал сильные боли в области позвоночника. Видимо, это явилось результатом того, что я первую ночь в первом полку спал на мокрой земле, имея под собой всего лишь солдатскую плащ-

палатку. С резким обострением радикулита меня поместили в неврологическое отделение. Назначили самое примитивное тепловое лечение. А полковник Виноградов жаловался на сердце, которое начало делать перебои от запоев. Через полгода мне сообщили о том, что он ушел в мир иной.

До помещения в госпиталь мне стало известно, что я и один из командиров батальонов нашего полка зачислены кандидатами в Офицерскую школу штабной службы Советской Армии с двухгодичным сроком обучения по программе общевойсковой академии, но только без преподавания иностранного языка. Лично для меня это была просто «манна небесная», так как я не имел среднего общего образования и не мог претендовать на поступление в Академию имени М. В.Фрунзе.

На этом, пожалуй, можно закончить воспоминания, связанные с описанием предвоенного и военного времени. Воспоминания о жизни в последовавшем мирном времени — в другой книге.

notes

Примечания

1

Кавалер ордена Красного Знамени.

2

Воинские звания полковника и полкового комиссара.

е, кто на селе режет скот частных хозяев по их просьбам.

4

Государственный комитет обороны требовал, чтобы при приближении наступающих немцев запасы товарно-материальных ценностей раздавались остающемуся на оккупированной территории населению

5

Речь идёт о немецкой серийной штурмовой винтовке (автомате) Sturmgewehr.44 (MP-44). При всём внешнем сходстве её с АК-47, внутренние отличия столь велики, что и речи не идёт о заимствовании или модернизации Калашниковым немецкой винтовки. Подробнее см.: http://faq.guns.ru/akstg.html